

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

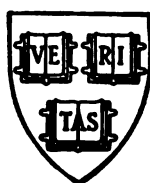
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

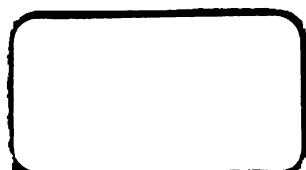
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 424.50

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XXIV³⁰
1

ЗАПИСКИ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демкова. Новый пер., д. № 7.
1877.

ИНДЪЙСКІЯ СКАЗКИ

и

ЛЕГЕНДЫ

СОБРАННЫЯ ВЪ КАМАОНЪ

ВЪ 1875 Г.

И. П. МИНАЕВЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Ѳ. Демакова. Новый пер., д. № 7.

1876.

ДОРОГОМУ ТОВАРИЦУ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ ВЕСЕЛОВСКОМУ

ПОСВЯЩАЕТЪ

СОБИРАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Предисловіе	I—XX
Сказки:	
Умная жена	1
Шакаль	8
Прогнанный царевичъ	9
Демонъ	14
Глупый сынъ и разумная мать	15
Хитрый Сипай	17
Крохотка	18
Пословица	20
Кули	21
Унесенная царица	22
Перышко	28
Хвастунишка	27
Умный врачъ	29
Горные порядки	30
Какъ молодецъ любилъ	30
Грѣхъ и законъ	32
Бхута	33
Невѣрующій	34
Листъ съ изрѣченіями	35
Лату и Бату	37
Полунѣмой	42
Сипай	44
Старикъ и зятья	46
Кошка	49
Шакаль и куропатка	50
Четырехъ дѣлъ не дѣлай	55
Богачъ и бѣднякъ	57
Четыре драгоцѣнности	59
Счастливый дуракъ	64
Кладъ	66
Несчастливая жена	67
Умные зятья	69

II

Умный царевич	75
Женское поведеніе	81
Игрокъ	87
Воръ	88
Три занятія	89
Конь въ домъ, а цѣна по дорогѣ	—
Писецъ	90
Шесть хлѣбовъ	—
Хитрый судья	91
Бѣдный брахманъ и влады	92
Мачиха	95
Ракшасі	98
Свое счастье	99
Отданный царевичъ	101
Мудрый судъ	103

Легенды:

1.	107
2.	109
3.	112
4.	114
5.	118
6.	119
7.	124
8.	126
9.	129
10.	133
11.	142
12.	148
13.	150
14.	152
15.	154
16.	157
17.	159
18.	164
19.	177
20.	194
21.	200
22.	203
23.	211

Приложенія и примѣчанія:

Бхуты	225
Кхасы и списокъ Камаонскихъ царей	231
Думы	239
Примѣчанія	245

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые образцы современной индійской устной литературы были собраны въ Камаонѣ, во время моего путешествія по Индіи въ 1875. Я счелъ нелишнимъ напечатать ихъ первоначально въ русскомъ переводѣ, главнымъ образомъ имѣя въ виду тѣсный кругъ нашихъ спеціалистовъ, занимающихся сравнительнымъ изученіемъ памятниковъ народнаго творчества или же интересующихся всякимъ новымъ этнографическимъ матерьяломъ; для такихъ читателей не будутъ лишены интереса народныя произведенія, даже не богатые поэтическими красотами, но отличающіяся неподдѣльною правдою и оригинальностью. Этихъ качествъ никто не станетъ отрицать въ Камаонскихъ сказкахъ и легендахъ, въ которыхъ съ непосредственною искренностью начерченъ духовный образъ полудикаго горца; простота содержания и отсутствіе всякихъ предвзятыхъ идей въ этихъ безпосредственныхъ созданіяхъ отразились на самомъ языкѣ оригинала: онъ въ высшей степени незамысловатъ, не щеголеватъ и безъ всякихъ прикрасъ. Къ сожалѣнію, я не могу предпослать моему переводу полнаго объяснительнаго комментарія: весьма вѣроятно, у читателя зародится множество такихъ вопросовъ, на которые онъ напрасно будетъ искать отвѣта въ моихъ примѣчаніяхъ или въ предисловіи. Ни мои скромныя познанія въ исторіи Индіи, ни кратковременное пребываніе

ваніе въ этой странѣ не даютъ мнѣ возможности вполнѣ разяснить рядъ тѣхъ вопросовъ, которые самъ собою и совершенно естественно являются при чтеніи памятниковъ народной литературы, а потому я долженъ, по необходимости, ограничиться однимъ рассказомъ о томъ, гдѣ и отъ кого мнѣ достались настоящія сказки и легенды.

Камаонъ—англійская провинція, лежитъ къ сѣверу отъ Рохилкханда; къ востоку она граничитъ съ Непаломъ, на западѣ рр. Къли и Алакананда отдѣляютъ ее отъ Гарвала, а на сѣверѣ высокіе Гималаи отъ Тибета. Я провелъ въ Камаонѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, но видѣлъ только незначительную часть этой красивой горной провинціи. Надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня, если я, упомянувъ въ немногихъ словахъ о пройденной много дорогѣ и посѣщенныхъ мѣстахъ, не стапу утомить его вниманія плохимъ описаніемъ разнообразныхъ видовъ и красотъ горной страны. Къ границамъ Тибета, за неизмѣнимъ времени, я не подходилъ, самой грандіозной части Гималаевъ вблизи не видалъ, а потому всякая попытка передать даже въ общихъ чертахъ разнообразіе и прелести индѣйскаго Олимпа была бы съ моей стороны по меньшей мѣрѣ самонадѣянною и непростительною и совершенно излишнею, такъ какъ извѣстно, что Гималаи описывались много разъ и перѣдко очень хорошо. Я прошелъ отъ Найни-Тала до Алмори и отъ Алмори чрезъ Српнагаръ и Тихари до Мансури, такимъ образомъ видѣлъ средній кряжъ, въ ширѣхъ мѣстахъ возвышающійся до 8000 ф., ту часть Камаона и Гарвала, въ которой теперь почти исключительно одно только арійское населеніе. Весь Камаонъ гористъ и тамошнія горы, естественно, не одинаковой высоты; онѣ начинаются у сѣверной границы Рохилкханда: первый кряжъ не превышаетъ четырехъ тысячъ трехъ сотъ футовъ, второй, прозванный въ народѣ Гагаромъ, доходитъ до семи тысячъ семи сотъ футовъ надъ уровнемъ моря; чѣмъ сѣвернѣе горы, тѣмъ выше онѣ дѣлаются и у границъ Тибета достигаютъ двадцати пяти тысячъ футовъ; за десятки миль видѣются ряды этихъ гигантскихъ пикувъ, покры-

III

тихъ вѣчнымъ снѣгомъ; даже изъ равнинъ они видны въ ясное утро. Та часть древняго Камаона и Гарвала, въ которой теперь владѣютъ и живутъ англичане и по которой мнѣ пришлось пройти, въ послѣднее время сильно измѣнилась: многого изъ того, что въ началѣ настоящаго столѣтія видѣли здѣсь путешественники, теперь уже нѣтъ, и самый образъ путешествія не остался тѣмъ же, ибо страна приняла въ себя зачатки европейской культуры: такъ, не говоря уже о другихъ путяхъ на югъ, отъ Алмори до Сринагара проложена отличная дорога; мнѣ привелось проходить по ней въ дождливый сезонъ и, несмотря на то, что въ августѣ 1875 года дожди были довольно сильны, нигдѣ я не видѣлъ поврежденія дороги; прочно выстроенное шоссе устояло передъ напоромъ горныхъ потоковъ и обваловъ, образуемыхъ ежедневными ливнями. По всей дорогѣ, чрезъ каждыя 10—15 миль, стоятъ казенныя бангалюу; въ большей части этихъ домиковъ кромѣ кроватей нѣтъ другой мебели, но уже и то хорошо, что отъ непогоды не приходится укрываться подъ сѣнью деревьевъ и во весь путь можно рассчитывать на теплый ночлегъ; въ некоторыхъ домикахъ есть даже кампы. Обработанныя поля по уступамъ и террасамъ горъ и мѣстамъ чайныя плантаціи видишь во всю дорогу; деревни не рѣдки, но невелики: домка два, три и до пяти лѣнятся по склонамъ горъ или видѣются въ глубинѣ долинъ, окруженные террасами съ посѣвами. Обыкновенно кругомъ такой деревушки всякая гора, роца, пещера, источникъ имѣетъ свою легендарную исторію; наивная фантазія горцевъ заселила всѣ эти мѣста бхутами. Въ Гарвалѣ, кромѣ того, не рѣдко встрѣчаешь по дорогѣ—катнатія, маленькіе алтарики, посвященные богинѣ хранительницѣ путешественника: „мой путь охраняй, богиня, дрова и камни пожирающая, ты, (мудрецомъ) Сакаля поставленная, и (мудрецомъ) Яжнавалкья почтенная!“ такъ молится передъ этими камнями туземецъ путешественникъ. По дорогѣ отъ Алмори до Сринагара я не замѣтилъ большаго движенія и кромѣ туземцевъ, да и тѣ рѣдко, никто не встрѣтился мнѣ въ цѣлый мѣсяцъ; отчасти это

IV

объясняется тѣмъ, что погода стояла неудобная для путешествія: дожди были ежедневные—но и вообще по этому пути никогда нѣтъ большаго движенія, ибо англичане не любятъ этой дороги въ Мансури: они или отправляются охотиться въ страны болѣе сѣверныя, или же добпраются до Мансури изъ равнинъ, по пути болѣе удобному и оживленному. Српнагаръ и Алмора соединены шоссейнымъ путемъ, но между отдѣльными деревушками пути остались прежніе тропники чрезъ горы и доли; потребности въ болѣе удобныхъ путяхъ не ощущается: жители отдѣльныхъ деревень рѣдко сообщаются другъ съ другомъ, они живутъ замкнуто и такой образъ жизни необходимо долженъ отражаться на ихъ народномъ характерѣ, а также способствовать тому, что среди этого народа, преимущественно земледѣльческаго по разнымъ закоулкамъ сохранилось много всякой старины, стародавнихъ обычаевъ, первобытныхъ повѣрій. Отыскать все это нетрудно: нужно только желаніе и время, и не слѣдуетъ пугаться первыхъ неудачъ..

Путь, мною избранный, можетъ быть интересенъ для того, кто бы захотѣлъ видѣть народъ, а не одинъ грандіозный прелестіи Гималаевъ; общій характеръ мѣстности напоминаетъ нѣсколько Швейцарію, хотя по моему крайнему разумѣнію Камаонъ красивѣе Швейцаріи. Самое путешествіе неутонительно: переходы отъ бангалюу до бангалюу рѣдко бывають свыше пятнадцати миль; во всю дорогу можно также ѣхать верхомъ, но я предпочелъ идти пѣшкомъ и такъ сдѣлалъ весь путь отъ Алмори до Мансури. Въ этой части Гималаевъ почти вся дорога пролегаетъ въ тѣни густыхъ лѣсовъ, по берегамъ шумливыхъ и быстрыхъ горныхъ рѣчекъ, или слѣдуетъ вдоль по берегу рѣчки, или если и удаляется отъ одной, то съ тѣмъ, чтобы перевалить чрезъ гору, приблизиться къ другой, столько же шумливой, точно также дробящей свои волны по каменистому руслу. Около Алмори, въ сторонѣ отъ дороги, на вершинахъ обрывистыхъ пиковъ видѣются развалившіяся крѣпостцы, о которыхъ рассказываются легенды, и эта часть пути, ближайшая къ главному

городу, сравнительно гораздо люднѣе: въ каждый переходъ отъ одной стоянки къ слѣдующей непременно встрѣтилъ кого-нибудь, или попадется свадебный поѣздъ съ путникомъ впереди, распѣвающимъ и расплясывающимъ, или какой-нибудь курьезный типъ мѣстнаго жителя. Такъ около Дорагхата я встрѣтилъ стараго брахмана, распѣвавшаго Бхагаватъ-пурану; въ звучныхъ санскритскихъ стихахъ повѣствовалъ онъ мнѣ и моимъ ничего непонявшимъ носильщикамъ о міросозданіи. Мы остановились отдохнуть на открытомъ воздухѣ, у источника, — свѣтлой струйкѣ, сочившейся съ верху пѣскалы; носильщики „пили тамаку“, иначе, курили табакъ: просверливъ въ землѣ два отверстія, у основанія взаимно сообщавшіяся, въ одно они положили табакъ и подожгли его, къ другому поочередно припадали губами и втягивали дымъ. Такъ мы сидѣли; вдругъ откуда то снизу раздался старческій, не громкій голосъ; среди окружавшей насъ тишины явственно слышалось, что кто-то распѣвалъ и распѣвалъ по санскритски. Недолго продолжалось наше недоумѣніе: самъ пѣвецъ показался скоро; онъ оказался старымъ, выжившимъ изъ ума брахманомъ, жителемъ Дорагхата, куда онъ и направлялся. Мы пошли вмѣстѣ, но отъ брахмана, къ сожалѣнію, ничего нельзя было узнать: онъ былъ полусумасшедшимъ, но по санскритски говорилъ очень бойко, на всѣ распросы отвѣчалъ санскритскими стихами, и рѣдко отвѣчалъ впопадъ.

Горцы по большей части средняго роста; высокіе встрѣчаются рѣдко. Цвѣтъ ихъ лица гораздо свѣтлѣе, нежели у Индусовъ равнинъ; почти всѣ они брюнеты; говорятъ, между ними есть и рыжіе, но я видѣлъ въ Мансури только рыжихъ уроженцевъ Кашмира. Комаонцы грязны; нарядъ простаго, небогатаго класса не лязценъ и никогда не бываетъ чистъ. Красивыя лица между ними не рѣдкость. Высокій лобъ, тонко очерченный овалъ лица, правильныя черты и прекрасныя черныя глаза, все это не рѣдко встрѣчается даже между кули (рабочими). Красивыхъ женщинъ сравнительно мало. Во все время моего пребыванія въ Камаонѣ я не встрѣтилъ ни одной красивой женщины по дорогѣ или на улицѣ. Ранній

бракъ и затѣмъ жизнь, полная лишеній и труда, рано старить и безобразить камаонскихъ женщинъ низшихъ кастъ, т. е. тѣхъ кастъ, женщинамъ которыхъ не возбранено открыто показываться на улицахъ и по дорогамъ; исхудалыя, истомленные, онѣ еще неопрятнѣе мужчинъ; свои головы онѣ уродуютъ безобразными, неопрятными шиньонами; на боссы, грязныя ноги надѣваютъ тяжелыя мѣдныя или серебряныя кольца; лицо, съ пугливо смотрящими глазами, всегда не умыто и украшено кольцомъ, вдѣтымъ въ одну ноздрю; худой станъ горбится подъ тяжестью ноши. Таковъ общій видъ камаонской женщины, вызывающій какое то симпатическое чувство: она жалка и можетъ показаться отвратительною самому не безразличному человѣку. Камаонцы, какъ мужчины, такъ и женщины, народъ очень выносливый и умѣренный; какъ тѣ, такъ и другіе очень наивны, добродушны: всякое доброе слово, ласку они высоко цѣнятъ. Они очень честны. У нихъ есть обычай «бить по рукамъ» (хатхъ марна): стороны, условившіяся въ какой нибудь сдѣлкѣ и ударившія по рукамъ, въ точности исполняютъ принятыя на себя обязательства, безъ всякихъ документовъ. Камаонецъ хорошій семьянинъ: любитъ своихъ дѣтей, свою родину. Нерѣдко приходилось слышать о случаяхъ супружеской неувѣрности; брахманы говорятъ, что таковыя случаи не рѣдки въ семьяхъ торговцевъ, а торговцы (банья) утверждаютъ, что они часты въ семьяхъ брахмановъ. Будучи суевѣрны, трепеща передъ бхутомъ, живущимъ чуть ли не на каждой горѣ, у каждого ручья, Камаонцы въ то же время не лишены личнаго мужества; между ними есть отважные охотники, они высоко цѣнятъ физическую силу и любятъ заниматься пахлаванскимъ дѣломъ, т. е. дѣломъ силачей: развивать свою силу борьбою и всякаго рода физическими упражненіями. Много чертъ въ ихъ характерѣ общи всѣмъ туземцамъ въ Индіи: они любятъ лгать, и всегда почти лгутъ неумѣло, безъ нужды и безъ всякой пользы для себя; они любопытны и тщеславны. Меня всегда поражало, почему туземецъ, не только наемный слуга, но и человѣкъ независимый, такъ высоко цѣнитъ

certificate или *читхи*. Въ Делхи одинъ пандитъ, человекъ порядочный во всѣхъ отношеніяхъ, громадной эрудиціи, собралъ всѣ полученныя имъ отъ разныхъ лицъ удостовѣренія, напечаталъ ихъ отдѣльною брошюрою и даритъ ее своимъ знакомымъ. Курьезная книжка эта носитъ заглавіе: *Copies of Testimonials in favor of Pandit B. N.* Помѣстивъ на первой страницѣ списокъ всего, что когда либо было имъ писано, онъ далѣе сообщаетъ двадцать шесть различныхъ удостовѣреній; въ нихъ подписи высокопоставленныхъ британскихъ чиновниковъ удостовѣряютъ напр., что „*Pandit B. N. is a learned and liberal minded Pandit of Dehli, (№ 2).* Писавшій этотъ атестатъ сообщаетъ: *I have had great pleasure in receiving one or two visits from him. Другой британецъ расписывается въ томъ, что Pandit B. N. is, I believe, a learned Sanscrit Scholar ... He has been in the habit of visiting me occasionally.... and I have always been very happy to see him.* Получилъ разъ Пандитъ въ награду часы, онъ и ихъ изображеніе помѣстилъ въ свою книжку, съ слѣдующимъ пояснительнымъ примѣчаніемъ: *this watch of value Rs. 50 was presented to Pandit B. N. etc.* Всѣ пригласительные билеты на празднества, приемы у губернаторовъ огпечатаны какъ свидѣтельства о порядочности Пандита. Страсть къ *certificat'амъ* сильно развита во всѣхъ индѣйцахъ. Другой изъ за одного *certificat'a* готовъ на услугу и иногда довольно значительную, онъ обрадуется ему болѣе, нежели денежному подарку, не смотря на то, что это удостовѣреніе исходитъ отъ сахаба не важнаго, не богатаго и рѣшительно никому неизвѣстнаго. Съ гордостью и самодовольствіемъ показывали мнѣ носильщики свои *certificat'ы*, засаленные и изорванные. Тѣ изъ нихъ, которые странствовали со мною два дня кряду, на другой день непременно просили написать имъ *certificate*. Эти *certificat'ы* имѣютъ значеніе только въ глазахъ получившихъ; они одни наивно думаютъ, что сахабы пишутъ правду въ *certificat'ахъ* и что всякій сахабъ повѣритъ тому, что другой сахабъ удостовѣрилъ своею подписью. Не менѣе забавно и наивно любопытство туземцевъ:

пхъ разспросы о Россіи и о нашемъ житьѣ-бытьѣ выражаются всегда въ формѣ столь же оригинальной, сколько и забавной. Мнѣ приходятъ на память тѣ разговоры, которыми занимали меня туземцы въ Сринагарѣ. Сринагаръ—бывшая столица Гарвала, лежитъ въ долинѣ (1500 ф. надъ уровнемъ моря), на берегу рѣки Алакананды. Въ городѣ не живетъ ни одинъ европеецъ; онъ не великъ и въ страшномъ запустѣніи; дома строились безъ всякаго порядку; переулочки между ними такъ узки, что въ иныхъ мѣстахъ двумъ человѣкамъ едва можно разойтись, не толкнувъ другъ друга. Самая широкая улица занята базаромъ. Въ срединѣ города стоятъ развалины дворца древнихъ гарвалскихъ царей; эта массивная четырехъ-этажная постройка свидѣтельствуетъ, что гарвальскіе древніе цари были не такими бѣдняками, какими иные изъ нихъ старались прикинуться. Рассказываютъ, что когда Акбаръ потребовалъ дань съ Гарвала, гарвальскій царь, случившійся въ то время при дворѣ падишаха, съумѣлъ прикинуться бѣднякомъ и выпросить отпущенія дани; онъ привелъ предъ ясныя очи падишаха тощаго верблюда и сказалъ: „Такова моя страна; горы да долины всюду худоба!“ Улыбнулся Акбаръ и отпустилъ дань. Въ городѣ есть кромѣ того знаменитый храмъ Камалесвара, англійская школа, гдѣ учителя, по словамъ мѣстныхъ брахмановъ—наістки (нигилісты) и гдѣ ученики (по моему собственному наблюденію) плохо читали по англійски, не твердо знали англійскую исторію и совсѣмъ не знали географію Индіи. Сринагаръ, хотя и очень скученъ, но заинтересовалъ меня, и я пробылъ въ немъ нѣсколько дней; въ эти дни я принималъ у себя всѣхъ мѣстныхъ властей и именитыхъ людей; то были все туземцы, брахманы, какіе-то мелкіе чиновники британской службы. Гости сходились обыкновенно подъ вечеръ и такъ какъ въ бангалюу, гдѣ я остановился, кромѣ кровати и одного стула, не было другой мебели, то тотъ, кто считалъ себя поважнѣе другихъ, являлся съ собственнымъ стуломъ или скамьею. Разсѣвшись по чинамъ и обмѣнявшись привѣтствіями, мы начинали разговоры: спросы

сыпался со всѣхъ сторонъ; иные вопросы формулировались такъ не ясно, что я долженъ былъ просить разъясненія; обыкновенно ихъ давалъ одинъ брахманъ, человекъ ученый, умный, но по несчастью обиженный по службѣ, а потому кипѣвшій злобою на учлищное начальство и завидовавшій учителямъ *настикамъ* (нигилстамъ) т. е. тѣмъ, которые говорили по англійски и читали англійскія книги. Но и этотъ умный брахманъ ухитрялся задавать головоломные вопросы; онъ спросилъ меня разъ: въ какой двинѣ Русія десъ (т. е. русская страна)? Для того, чтобы отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ, нужно перестроить всѣ наши географическія карты: накроить, согласно съ индѣйской географической системой, изъ нашихъ материковъ острововъ или двинъ и къ одному изъ нихъ приурочить Россію. Узнавъ, что Россія лежитъ порядочно далеко отъ Гарвала, онъ перешелъ къ вопросамъ, лично касающимся меня. Индѣйцы никогда не путешествуютъ такъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ другіе народы; путешествіе, предпринятое не по торговымъ дѣламъ и не для богомолья, для нихъ безцѣльное бродяжничество; человекъ, заѣхавшаго къ нимъ Богъ вѣсть за чѣмъ изда- лека, они готовы считать за празднаго и страннаго богача, а такъ какъ въ Индіи почти у каждаго богача есть нѣ- сколько женъ и вообще онъ немислимъ неженатымъ, то весьма естественно мой брахманъ попытствовалъ узнать: сколько у меня женъ? и оставилъ ли я ихъ дома или гдѣ либо въ Индіи, и. б. въ Калькуттѣ? Отвѣтъ, который онъ услышалъ, привелъ его въ сильное недоумѣніе. Мы перешли, впрочемъ, скоро къ болѣе важнымъ и интереснымъ вопро- самъ. Въ Гарвалѣ и Камаонѣ слыхивали, что существуетъ Россія и русскій царь, но объ отношеніяхъ нашего обшир- наго отечества къ Куинъ Викторіа (такъ туземцы называютъ ея британское величество) наивные жители Сринагара имѣ- ютъ очень смутное представленіе; правда, и до нихъ дохо- дили извѣстія о томъ, что существуетъ какое то родство между двумя царственными домами, и по этому поводу имѣ задавали разнообразнѣйшіе, весьма непонятные вопросы: кто

кому платить дань: Куинь Викторіа русскому царю, или на оборотъ, русскій царь Куинь Викторіи? Меня спрашивали, какъ нужно называть русскаго царя: Рѣждхирѣжа или Падишахъ? Первый титулъ хотя и значить: царь надъ царями, но въ глазахъ туземца не такъ важенъ, какъ Падишахъ; ибо только Падишаху другіе цари платятъ дань. Рядомъ съ такими и болѣе нелѣпыми вопросами о томъ, самъ ли царь судить свой народъ или у него есть на то особые слуги, проскакивали соображенія, точно взятые изъ послѣдняго номера какой-нибудь индѣйской газеты: правда ли, что русскій царь взялъ Кабуль? Скоро-ли онъ возметъ Кабуль? На что Кабуль нуженъ русскому царю? разсуждали мои собесѣдники. Ихъ интересовалъ также вопросъ о томъ, есть-ли касты въ Россіи и какія? Обѣдаютъ-ли русскіе вмѣстѣ съ англичанами? или же русскіе, подобно брахманамъ, гнушаются ѣсть за однимъ столомъ съ англичанами? Есть-ли въ Россіи *настики* (нигилисты), *веданиндики* (отрицатели ведъ)? „Американцы, замѣчалъ при этомъ выше упомянутый брахманъ, всѣ настики, всѣ отрицатели ведъ!“ А изъ американцевъ онъ зналъ одного только миссіонера и безъ ужаса и отвращенія не могъ говорить о школѣ этого миссіонера, вертепѣ крайняго нигилизма.

На западъ отъ Сринагара чрезъ нѣсколько миль начинается независимый Гарвалъ; характеръ мѣстности остается прежнимъ: та же роскошь растительнаго царства, тѣ же шумляція рѣки и горные ручьи, такая же благословенная страна, но самый путь значительно хуже; чувствуешь, что бдительное око британца не присматриваетъ за нимъ. По дорогѣ нѣтъ бангалюу; на первомъ переходѣ въ Таколи я остановился въ сивантскомъ монастырѣ и совершенно неумышленно оскорбилъ своимъ появленіемъ святыхъ отшельниковъ: они сочли мое присутствіе подъ ихъ кровомъ за оскверненіе самаго крова и дозволили перепочевать въ грязной, вонючей конуркѣ лишь послѣ долгихъ пререканій и по полученіи бакшиша въ четыре рупии. Слѣдующую ночь я провелъ въ Тихари. Столица независимаго Гарвала, такъ же какъ и Сри-

нагаръ, лежитъ въ долинѣ, но долина гораздо обширнѣе и самый городъ гораздо красивѣе; роскошныя бананы растутъ кругомъ города; подъ ихъ тѣнью поставлены маленькія скамьи для усталыхъ путниковъ. Для европейскихъ путешественниковъ Гарвальскій рѣжѣ выстроилъ бангалу, но вдали отъ города и въ мѣстѣ глухомъ. Онъ выстроенъ на берегу р. Бхагиратхи, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ среди совершенно отвѣсныхъ, скалистыхъ береговъ; кое какъ высѣченныя ступени въ отвѣсной скалѣ ведутъ къ небольшому домику, назначенному для странствующихъ сахабовъ. Едва я добрался до бангалу, какъ явился чупрасси (полпцейскій) узнать мое имя и вслѣдъ за этимъ, по заведенному обычаю, гарвальскій рѣжѣ прислалъ европейскому путешественнику: барана, муки, фруктовъ и т. д. Отъ Тихари до Мансури два перехода или два дня пути. Въ Мансури я закончилъ мои странствія по Камаону и Гарвалу.

Уже въ глубокой древности индусы считали Гималаи святыми горами: исторія святыхъ мѣстъ, которыми она изобилуетъ, начинается мифами и состоитъ изъ однихъ вымысловъ; таковъ же характеръ исторіи тѣхъ странъ, о которыхъ мнѣ приходилось упомянуть на предыдущихъ страницахъ. Исторія, какъ Камаона, такъ и Гарвала пока совершенно не известна; отрывочныя свѣдѣнія, сообщаемыя Трайлемъ, Гамилтономъ, Фразеромъ, Беттенемъ, главнымъ образомъ касаются царей новѣйшихъ временъ, владѣвшихъ Камаономъ предъ завоеваніемъ страны Горкинцами, а за ними англичанами. На основаніи приведеннаго въ приложеніи списка камаонскихъ царей (см. стр. 228) можно принять, что въ Камаонѣ владѣли три династіи: первая династія происходила изъ равнинъ и называлась Катъюрскою; цари Катъюрской династіи владѣли Камаономъ между 685 г. и 811 по Р. Х. Затѣмъ въ продолженіи почти двухсотъ лѣтъ (184 л.) въ странѣ господствовали Кхасы. Въ 995 г. по Р. Х. началась третья династія Чаидровъ, продолжавшаяся до завоеванія Камаона Горкинцами. Выше названныя европейскіе писатели пользовались также, по всей вѣроятности,

сти, мѣстными источниками, но извѣстія, сообщаемыя ими, расходятся съ данными, сейчасъ приведенными. По Гампльтону (см. его Account of the Kingdom of Nepal, стр. 291) родоначальникомъ камаонскихъ царей былъ пришлецъ изъ равнинъ (изъ Жхоси, около Аллахабада), по имени Тхоръ Чандра. Онъ явился въ Камаонъ въ XV ст. вмѣстѣ съ брахманомъ Жаядева, оба пришлеца поступили на службу къ какому-то мѣстному царьку, находившемуся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Рѣжамъ Каравириурскимъ. Убивъ своего господина, авантюристы призвали изъ равнинъ чистокровныхъ индусовъ, колонизировали ими страну, построили городъ Чампаватъ и положили основаніе Камаонскому царству ¹⁾. Послѣ Тхоръ Чандра царствовалъ: Камиръ Чандра, Нирбхага Чандра. Затѣмъ фамилія прекратилась; въ Чампаватъ была призвана изъ равнинъ боковая линія той же фамиліи Чандровъ. Изъ этой новой фамиліи Гампльтонъ приводитъ поименно слѣдующихъ царей: Guru Gyangn C., Bhishma C., Kirti C., Balakalyan C. Сынъ послѣдняго, Рудра Чандра, былъ современникомъ Акбара и построилъ Алюру. Свѣдѣнія, сообщаемыя Беттеномъ ²⁾, болѣе согласуются съ данными ниже приведенной туземной генеалогіи Камаонскихъ царей: онъ упоминаетъ также три династіи: Катъюрскую, Кхасовъ и династію Чандровъ, но по его словамъ послѣдняя династія началась въ 1178 по Р. Х., и первымъ царемъ былъ Сомъ-Чандра изъ Жхуси. Такимъ образомъ являются новыя противурѣчія, согласить которыя такъ же трудно, какъ и рѣшить, какія извѣстія болѣе достовѣрны; можетъ быть Беттенъ смѣшалъ родоначальника первой династіи съ первымъ царемъ, владѣвшимъ Камаономъ послѣ господства Кхасовъ, но однимъ этимъ соображеніемъ не объясняются и не устра-

¹⁾ Срв. Fraser, Journal of a Tour through part of the Snowy Range, стр. 539. Фразеръ сообщаетъ почти то же, что Гампльтонъ; въ списокъ царей Тхоръ Чандръ помѣченъ 16-мъ въ династіи Чандровъ, и царствовалъ 1205 по 1226 годъ.

²⁾ См. A Few Notes on the subject of Kumaon etc. въ Journal of the As. Soc. of Bengal vol. XIII, part. II).

няются противурѣчія въ хронологическихъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ Беттенъ о своихъ источникахъ говоритъ очень глухо, а Фразеръ и Гамильтонъ, оба, какъ кажется, пользовались устными сообщеніями, то приведенный въ приложеніи списокъ камаонскихъ царей заслуживаетъ полного вниманія, хотя объ исторіи Камаона и изъ него узнаемъ мало. Эти горныя страны колонизировались съ юга, изъ равнинъ, гораздо ранѣе XII или XV столѣтія, ибо изъ санскритской литературы мы знаемъ, что святія мѣста въ Гималаяхъ существовали въ глубокой древности; сюда являлись пилигримы, изъ нихъ нѣкоторые могли оставаться здѣсь на житье; такимъ образомъ, среди первоначальнаго туземнаго, неарійскаго населенія явилось ядро болѣе культурныхъ арійскихъ пришлецовъ; въ началѣ, слабые числомъ, но духовно болѣе развитые, арійцы мало по малу стали подчинять себѣ туземныя, неарійскія племена. Брахманизмъ, причисленный недавно однимъ остроумнымъ и блестящимъ писателемъ ¹⁾ къ религіямъ не миссіонерскимъ, на самомъ дѣлѣ отличается необыкновенною экспансивностью: онъ не распространяется словомъ краткой проповѣди, не уничтожаетъ мечемъ и огнемъ чуждыя ему вѣрованія, но, сталкиваясь съ ними, ассимилируетъ ихъ себѣ, принимаетъ ихъ въ себя, отводитъ имъ извѣстное мѣсто въ своей системѣ и, разрастаясь такимъ образомъ въ своемъ содержаніи, въ то же время получаетъ необыкновенную способность распространяться между племенами, стоящими на болѣе низкой ступени соціального и религіознаго развитія. Брахманизмъ, поработавъ себѣ эти племена, не дѣйствуетъ отрицательно, не говоритъ: ваши боги не существуютъ, не суть боги; онъ утверждаетъ, напротивъ, что эти боги дѣйствительно существуютъ, но суть низшія проявленія *сво* боговъ. Результатъ такой уступки былъ всегда и всюду одинъ и тотъ же: племена, низшія по культурному развитію, мало по малу подчинялись брахманскому вліянію и входили въ брахманнческое общество, т. е. образовывали

¹⁾ М. Мюллеръ. См. его Introduction to the Science of Religion.

новую касту, признавали грандіозныхъ индускихъ боговъ, но болѣе вѣрили въ своихъ собственныхъ, старыхъ, и усерднѣе молились имъ. За религіозномъ подчиненіемъ чуждыхъ племенъ слѣдовало ихъ социальное поработеніе брахманскому вліянію. Такой процессъ территоріальнаго развитія брхманизма продолжается до сихъ поръ въ Индіи, начало же его восходитъ въ глубокую древность. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Камаонѣ выѣстъ съ арійскою колонизаціею повторились тѣ же самыя явленія; объ этомъ мы можемъ догадываться по результатамъ: Думы, Кхасы, племена неизвѣстнаго происхожденія, говорятъ въ настоящее время арійскимъ нарѣчіемъ, перестали быть народностями и сдѣлались кастами. Даже многіе изъ Бхотійцевъ, народа тибетскаго происхожденія, забыли свой языкъ, въ концѣ своихъ именъ прибавляютъ слово *Синхъ* (левъ) и не прочь утверждать, что они составляютъ особую индусскую касту. Какъ только брахманы достаточно усилились въ Камаонѣ, они стали распоряжаться судьбами страны: призывали царей изъ равнины, смѣняли тѣхъ, кто недостаточно благоволилъ или не былъ щедръ къ нимъ; въ древности, въ Камаонѣ, какъ и всюду въ Индіи, брахманы были вліятельнѣйшими членами общества; такая память о нихъ сохранилась до нашихъ дней и объ этомъ же упоминаетъ Фразеръ (I. с. стр. 537).

Въ легендахъ, которыя сообщаются ниже, народная фантазія начертала предъ нами скудную фактами картину прошлой жизни; но общій характеръ этой картины не прикрашенъ. Такова, вѣроятно, была прошлая жизнь въ Камаонѣ и на самомъ дѣлѣ: она проходила среди всеобщей беззурницы и междоусобицы. Въ обычаяхъ, повѣрьяхъ и особенно въ самомъ языкѣ, при болѣе полномъ и точномъ изученіи, откроется еще много слѣдовъ прошлой жизни, разъяснятся насколько сами арійцы подверглись вліянію тѣхъ чуждыхъ племенъ, которыя они ассимилировали себѣ. Укажу на одну общую черту въ религіозныхъ вѣрованіяхъ камаонцевъ и неарійскихъ племенъ, не придавая, впрочемъ, этому сопоставленію большого значенія: камаонскіе бхуты суть души умершихъ, почему либо

знаменитыхъ или чѣмъ либо отличившихся людей. То же вѣрованіе повторяется у Бхотійцевъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ страны, у горныхъ проходовъ въ Тибетъ. Бхотійцы чтутъ всѣхъ вообще предковъ и воздвигаютъ для нихъ памятники: на вершинахъ горъ, въблизи своихъ деревень складываютъ камни. Тѣ же изъ умершихъ, которые чѣмъ либо отличились при жизни, пользуются еще большимъ почетомъ: изъ серебра или камня дѣлаются ихъ изображенія, въ память о нихъ устанавливается празднество, и въ этотъ день изображеніе знаменитаго предка разносится по деревнѣ; ему дѣлаютъ приношенія, возносятъ молитвы. Таковое обожаніе предковъ встрѣчается у многихъ Гималайскихъ племенъ неарійскаго происхожденія. Я ограничусь приведеніемъ одного примѣра: въ Алморѣ я узналъ одного Гуруна, который мнѣ сообщилъ, что его народецъ такъ же чтитъ предковъ. Дѣдъ, отецъ, братъ по смерти дѣлаются богами. Умершаго дѣда они называютъ *kuldevatā*, т. е. семейное божество; для умершаго отца или брата имѣютъ другое названіе: *baṇu*. Этими богамъ они приносятъ въ жертву козъ, курицъ, и при этомъ призываютъ своего жреца: *ghyabṛim*. Воздвигаютъ своимъ богамъ родъ часовенъ: слагаютъ изъ камней маленькія зданія, въ которыя ставятъ столько камней, сколько умерло дѣдовъ, отцевъ или братьевъ. На эти камни льютъ масло, мажутъ ихъ красною краскою и такимъ образомъ почитаютъ ихъ. Сопоставляя эти факты съ тѣмъ, что намъ извѣстно о бхутахъ у арійскихъ племенъ Камаона, весьма естественно задать себѣ вопросъ: вѣрованіе въ бхутовъ есть ли исконное арійское? или же въ немъ сохранился намекъ на племенное смѣшеніе камаонцевъ, и это вѣрованіе есть остатокъ неарійскихъ вѣрованій?

Новѣйшая исторія Камаона, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ фактовъ, также какъ и древняя, вполне неизвѣстна. При Тимурѣ, какъ кажется, Камаонъ въ первые узналъ вѣншихъ враговъ (см. Traill въ *As. Res.* vol. XVII, стр. 19). Но Монголы не владѣли Камаономъ, ограничились набѣгами и оставались не долго въ горахъ. Память объ

этомъ ужасномъ времени естественно могла сохраниться въ народныхъ сказаніяхъ и весьма вѣроятно, что Мугаль, о которомъ говорится въ легендѣ 4-й, есть никто иной, какъ одинъ изъ бековъ Тимура, который самъ доходилъ до Харидвара (см. Elphinstone: The history of India (5 ed.) стр. 416). Трайль полагалъ, что эти завоеватели оставили по себѣ еще другую память: она сохранилась въ могильныхъ памятникахъ около Багесвара и кое гдѣ въ другихъ мѣстахъ; эти могилы, по его словамъ, отличаются отъ могилъ индусскихъ факировъ ¹⁾, да и кромѣ того индусу врядъ ли пришло бы въ голову осквернять такимъ образомъ Багесваръ, мѣсто святое. Мнѣ не случалось видѣть таковыхъ памятниковъ, а потому я и не могу судить, на сколько справедливы соображенія Трайля. Въ XVIII ст. Камаонъ подвергся сперва нападенію Рохилловъ, затѣмъ Горкинцовъ. Владычество Непала смѣнили англичане. Подъ управленіемъ послѣднихъ Камаонцы отдохнули отъ нелегкаго непальскаго ига. Англичанами не всѣ довольны, всюду въ Индіи есть люди, сильно недолголюбивающіе британца, но чтобы ни говорили недовольные туземцы, всякому безпристрастному наблюдателю непременно бросится въ глаза, что англичане по своему постоянно радуются о пользѣ и нуждахъ народа, конечно не забывая ни своей пользы, ни своихъ нуждъ, и долго еще англійское правленіе и англійская гегемонія будутъ необходима для Индіи.

Настоящій сборникъ народныхъ произведеній состоитъ изъ сказокъ и легендъ. Какъ тѣ, такъ и другія я слышалъ и записалъ или получилъ записанными главнымъ образомъ въ Алморѣ. Объ этомъ городѣ и тамошнихъ пѣвцахъ я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ ²⁾. Какъ сказки, такъ и легенды рассказывались и записаны на камаонскомъ нарѣчій (пахари). Объ особенностяхъ этого нарѣчія считаю неудобнымъ распространяться здѣсь, при изданіи перевода; замѣчу

¹⁾ Тѣла факировъ не сжигаютъ, а погребаютъ.

²⁾ Вѣстникъ Европы. Іюль. 1876.

только, что въ пахърѣ множество архаическихъ словъ и формъ и почти совсѣмъ нѣтъ арабскихъ и персидскихъ словъ. Въ своей грамматикѣ пахърѣ ближе къ горкинскому, нежели къ хинди равнинѣ. Сказки въ народѣ извѣстны подъ именемъ данта-катхъ т. е. устный рассказъ, преданія, и многіе изъ сказочниковъ твердо убѣждены, что повѣствуютъ не выдумку, а дѣйствительно случившійся фактъ, свидѣтелемъ котораго былъ тотъ, кто первый сообщилъ ему—сказочнику эту сказку. Сказокъ многое множество въ обращеніи между пародами, но сказочниковъ по профессіи я не видалъ, не смотря на сильныя разспросы. Мнѣ говорили, что старухи знаютъ особенно много сказокъ, но увидать индѣйскую женщину изъ порядочной семьи не легко европейцу, хотя и не невозможно. Я не умѣлъ взяться за дѣло, и уѣхалъ изъ Камаона, не слышавъ ни одной старухи, сказывающей дантакатхъ; отъ одной старухи, впрочемъ, я досталъ нѣсколько сказокъ (№ 5, 7, 12, 15) чрезъ посредство ея сына, который записалъ ихъ для меня. Торговцы слынутъ—такъ же мастерами рассказывать сказки и всякаго рода побывальщины, но ихъ рассказы отличаются особеннымъ характеромъ: по болѣе части они комическаго содержанія, полны остротъ трудно переводимыхъ и весьма часто неудобныхъ для печати; отъ одного такого торговца сказочника я получилъ нѣсколько сказокъ, изъ которыхъ двѣ (№ 19, 20) сообщаются въ настоящемъ сборникѣ. Я не поименовываю всѣхъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ я слышалъ сказки, такъ какъ имѣю въ виду сообщить ихъ имена при изданіи оригинала сказокъ, гдѣ это будетъ вполнѣ у мѣста. Само собою разумѣется, особенности индивидуальнаго стиля рассказчика не могли быть сохранены въ переводѣ, а потому для читателя перевода имена лицъ, рассказывавшихъ сказки, врядъ-ли были бы важны и интересны. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ сказокъ настоящаго сборника не мѣстнаго, а литературнаго происхожденія, хотя большинство рассказывавшихъ мнѣ сказки плохо умѣли писать и еще хуже читали; но въ Пидіи, странѣ сказочной по преимуществу, родниѣ множества сказочныхъ сборни-

ковъ—сказка литературная легко могла проникнуть въ народъ совсѣмъ неграмотный, къ такимъ лицамъ, которыя не видывали печатныхъ книгъ. Индѣецъ живетъ въ сказочной атмосферѣ: ребенокъ, отправляющійся въ школу, не въ англійскую, правительственную или миссіонерскую, а на выучку къ мѣстному брахману пандиту, читаетъ и слышитъ только сказки; факиръ у храма рассказываетъ сказки о богѣ или о богинѣ; въ праздникъ благочестивые люди дѣлаютъ складчину и призываютъ брахмана почитать Харивансу или Бхагаватъ-пурану; по санскритски большинство ихъ не понимаетъ, но на то есть брахманъ, чтобы растолковывать то, о чемъ говорится въ этихъ святыхъ книгахъ; такимъ образомъ старинный литературный матеріалъ постоянно проникаетъ въ народъ.—Второй отдѣлъ сборника содержитъ въ себѣ легенды; на мѣстномъ нарѣчій онѣ называются бхаролâ (см. 18) или горолâ (см. 19) и различаются по внѣшней формѣ; почти всѣ онѣ предназначены для пѣнія и первоначально каждая бхаролâ (или бхарогâ) пѣлась, но за исключеніемъ только двухъ (№ 18, 19), я не слышалъ ни одной легенды вполне сохранившейся въ памяти пѣвца, а многія рассказываются просто, безъ малѣйшей попытки пропѣть ихъ. Пѣсни лирическаго и историческаго содержанія поются не одинаково; къ сожалѣнію я, какъ не музыкантъ, сумѣю передать одно содержаніе словъ и не могу пытаться описывать характеръ музыки. Пѣсьи иначе не поется, какъ спя; пѣвицы и пѣвцы усаживаются на полъ; всего чаще я слышалъ тріо: въ среднѣ обыкновенно садилась пѣвица, справа и слѣва располагались пѣвцы съ маленькими барабанами, и начиналось пѣніе: мелодіи кратки и разнообразятся повтореніями; лирическія пѣсни не длинны и скудны содержаніемъ: или то грустное описаніе покинутой женщины, супруги или любовницы, или же веселая, нѣсколько циническая выходка противъ женщины. Поется напр. слѣдующее: „Сойдутся подружки, опять и опять онѣ спрашиваютъ Делâку: что за радость любить его?“ Второй куплетъ начинается такъ же: „Сойдутся подружки и т. д. Третьимъ оканчивается пѣсьи: „Не твой ли

нось словно клювъ попугая? Не твои-ли глаза—глаза антилопы? Не золотое-ли у тебя тѣло? Въ чемъ-же грѣхъ твой?" Этотъ грустный, заунывный, ноющий мотивъ, долженствующій живописать передъ публикою унылое настроеніе покинутой красавицы, иногда смѣняется быстрымъ, веселымъ напѣвомъ. Пѣвцы затягиваютъ разгульную пѣснь: „Скажи мнѣ, невѣстужка, чье это дитя?—не ушелъ-ли старшій братъ въ Бенаресь?—вѣдь ребенокъ-то красавецъ и похожъ онъ на дивана! ¹⁾—Я ходила на *тамашу* ²⁾ и сошлись туда двѣнадцать кастъ; отъ двѣнадцати кастъ родилось мое дитя!"—Пѣвцы непремѣнно аккомпанируютъ себѣ на какомъ нибудь инструментѣ; въ Камаонѣ я видѣлъ только небольшіе барабаны да родъ флейты—алгожа; послѣдній инструментъ случалось видѣть у пастуховъ, у носильщиковъ и разъ по дорогѣ, около Мансури, я встрѣтилъ слѣпца съ мальчикомъ; пѣвецъ распѣвалъ о царѣ Малусан, мальчикъ напгрывалъ на алгожъ. Описаніе пастуха, распѣвающего и напгрывающаго на свирѣли въ неоконченной легендѣ № 16, вѣрно списано съ натуры. Въ Камаонѣ увѣряютъ, что ни одна красавица не устоитъ передъ этою дикою мелодіею, дѣйствительно не лишенной своего рода прелести, особенно среди горной обстановки, и не даромъ свирѣль въ Индіи зовутъ *байри* т. е. врагъ (сердечнаго покоя). Пѣсни съ легендарнымъ содержаніемъ поются иначе; пѣвцы, приглашаемые на тамашу, рѣдко знаютъ бхаролѣ; я слышалъ только разъ одного изъ такихъ пѣвцовъ, распѣвающего о царѣ Малусаѣ: это было въ Паури, около Сринагара, и пѣлъ онъ дѣйствительно мастерски и съ увлеченіемъ; самыя слова пѣсни представляли значительные варианты противъ сообщенной ниже легенды; къ сожалѣнію, я не могъ записать ихъ: хотя тамаша происходила у меня въ бангалюу, но слушателей было слишкомъ много. Легенды знаютъ преимущественно жинидары, мелкіе помѣщики, и хулкія (барабанышники) изъ касты думъ. Въ Камаонѣ среди

¹⁾ О диванѣ см. на стр. 201, прим. 1.

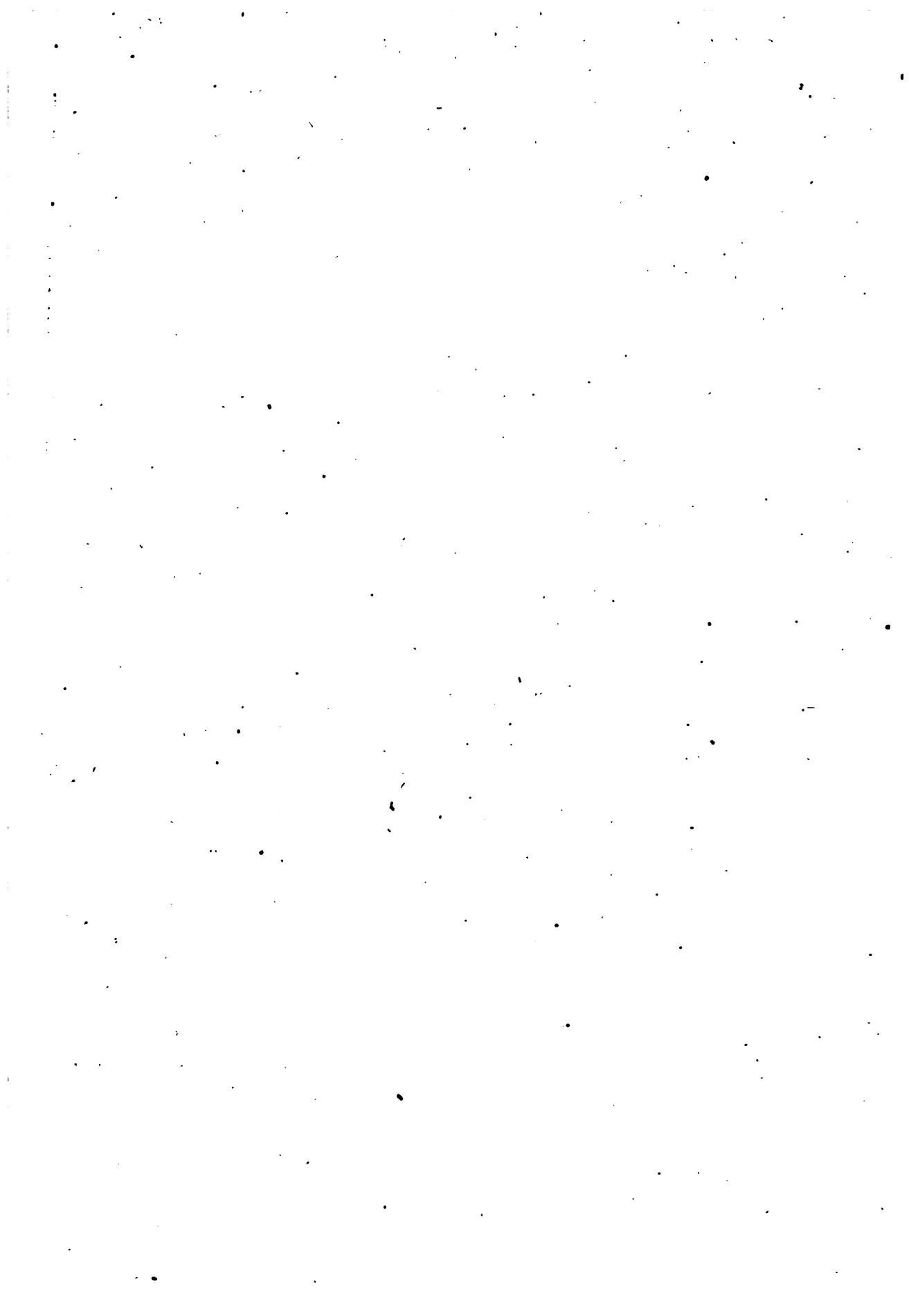
²⁾ Всякаго рода зрѣлище называется *тамаша*.

населенія смѣшаннаго происхожденія сохранился обычай глупою древности и чисто индѣйскій: хулкія по своей профессіи то-же что Бхатъ или Чаранъ Ражпутаны; онъ хранитъ въ своей памяти родословныя отличившихся воиновъ, и сказанія объ ихъ подвигахъ; всѣ родословныя, которыя мнѣ удалось слышать и записать въ Камаонѣ, заканчивались одинаково: „въ то время, когда такой-то сражался, хулкія слагалъ его родословную!“ Родословныя эти или состоятъ изъ голаго перечисленія однихъ племенъ, или-же къ именамъ приплетаются краткія легенды, отличающіяся по формѣ отъ бхаролѣ. О пѣвцѣ, отъ котораго я записалъ наибольшее количество легендъ, я говорилъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ и въ приложеніи сообщаю его воспоминанія о дѣдѣ и отцахъ. Онъ явился ко мнѣ всегда съ маленькимъ барабаномъ и готовъ былъ тянуть всякій сказъ, но не всегда это ему удавалось и то, что онъ хорошо помнилъ, пѣлось имъ совершенно иначе. Его протяжное, унылое пѣніе напоминало мнѣ сильно сказываніе русскихъ былии. Темпъ рѣдко измѣнялся, мелодія проста, но въ то же время неуловима. Онъ рассказывалъ очень монотонно, не увлекалъ и самъ обыкновенно (съ рѣдкими исключеніями) оставался равнодушенъ къ тому, что передавалъ; ему, пѣвшему передъ однимъ человекомъ, вѣроятно, недоставало сочувственной аудиторіи, толпы, которая вполне могла бы оцѣнить его искусство и любовно отнестись къ той старинѣ, которую онъ воспроизводилъ. Жимидары, которыхъ я слышалъ, пѣли не лучше хулкія; я не сообщаю ихъ именъ по причинѣ, выше изложенной, и не имѣю ничего передать объ ихъ личностяхъ, такъ какъ зналъ ихъ очень мало.

Заключивъ предисловіе и снова прошу благосклоннаго читателя извинить неполноту и отрывочность сообщенныхъ мною свѣдѣній; печатаю камаонскія сказки и легенды, я позволяю себѣ думать, что, какъ матеріалъ новый и оригинальный, онѣ—не безъ интереса и могутъ быть полезны даже безъ руководящаго введенія.

¹⁾ Вѣстникъ Европы. 1 юль 1876 г.

С К А З К И.

1.

Умная жена.

1.

Нѣкій царь вышелъ съ своимъ визиремъ изъ дворца. Говорилъ царь визирю:

— Узналъ я всю свою страну; все выучилъ. Теперь нужно посмотреть на чужія страны!

Сѣли они оба на коней и выѣхали изъ городу. Ъхали, ѡхали и захотѣлось царю пить. Увидалъ царь прудъ и подѣхалъ туда.

Сидѣли тамъ четыре незамужнихъ дѣвушки. Между ними была дочь одного серебрянника. Была она и красива и очень умна.

— Дай мнѣ воды испить! говоритъ ей царь.

Она не даетъ воды.

Говоритъ ей опять царь:

— Дай мнѣ воды испить!

Засмѣялись всѣ четыре дѣвушки. Повернулся царь и пошелъ къ своему визирю и говоритъ ему:

— Не даютъ онѣ мнѣ воды испить! Сидитъ тамъ одна дѣвка, кажется она мнѣ очень разумною. Со мною она ничего не говорила. Ступай туда, разузнай, кто она.

Пошелъ визирь къ пруду и говоритъ дѣвкамъ:

— Дайте мнѣ воды напиться!

— Ты кто? — спрашиваютъ его дѣвки, — откуда идешь?

А онъ съ ними попутникъ, да и говоритъ:

— Я человекъ, изъ материнскаго чрева вышелъ.

Услыхали онѣ такое слово и всѣ четыре громко разсмѣялись; а воды и визирю не дали.

Пошелъ визирь къ царю.

Наполнили дѣвки сосуды водою и пошли оттуда по своимъ домамъ.

Вотъ видитъ царь, какъ дочь серебрянника идетъ по дорогѣ и говоритъ онѣ визирю:

— Подѣзжай ты къ ней, слѣва; а я подѣду справа. Испугаешь ее и разобьется у ней сосудъ.

Согласились и поскакали. Увидали ихъ дѣвки и всѣ четыре стали къ одной сторонкѣ.

Вотъ царь взялъ да и разбилъ плетвою сосудъ дочери серебрянника.

А она на это сказала:

— Боль у меня будетъ такой мужъ, такъ я его заставлю ежедневно сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги.

Разгнѣвался очень царь и говоритъ визирю:

— Ступай за ней, посмотри, куда она пойдетъ.

Повернувшись оттуда царь гнѣвный, къ себѣ, во дворецъ. Вотъ узналъ визирь отъ другихъ, что дѣвка дочь серебрянника. Пришелъ къ царю и говоритъ:

— Великій царь, дѣвка эта дочь серебрянника!

Пошелъ царь къ себѣ въ гаремъ и говоритъ царицѣ:

— Позови къ себѣ дочь серебрянника. Желаю сыграть съ нею свадьбу.

Послала царица *foli*¹⁾, за дѣвкою. Пришла дочь серебрянника къ царицѣ.

— Боль ты захочешь, такъ царь на тебѣ женится, — говоритъ царица дѣвкѣ.

Ничего не сказала дѣвка, а только улыбнулась на слова царицы. А царь изъ сосѣдней комнаты всѣ слова слышалъ.

Послалъ царь за серебрянникомъ и говоритъ ему:

¹⁾ *foli*. Носилки для женщинъ. Въ нихъ можно только сидѣть поджавъ ноги.

— Выдай за меня дочь!

Отвѣчаетъ серебрянникъ:

— Я серебрянникъ, а ты царь. Какъ же мнѣ дочь за тебя выдать?

— Болъ за меня дочери не выдашь, такъ всю твою касту¹⁾ перебью! — говоритъ царь.

¹⁾ О современномъ значеніи касты или *jāti* см. Maine, *European Views of India*. Calcutta. 1875, стр. 14. There is only one perfect universal caste, that of the Brahmins; there are a certain number of isolated dynasties and communities pretending to belong to the second of the theoretical castes; but, in the majority of instances, caste is only the name for a number of practices which are followed by each one of a multitude of groups of men, whether such a group be ancient and neutral, modern or artificial. As a rule, every trade, profession, guild, tribe, clan is also a caste, and the members of a caste not only have their own special objects of worship selected from the Hindoo Pantheon or adopted into it, but they exclusively eat together and exclusively intermarry.

Нѣсколько видоизмѣненнаго мнѣнія держится Rev. M. A. Shorring (*Hindu Tribes and Castes as represented in Benares*. London 1872); на стр. XXII онъ говоритъ: We thus arrive at the conclusion, that existing Hindu castes are of two kinds: first, those of comparatively pure blood, Brahmins, Kshatrias, and perhaps some of the Vaisyas; secondly, those of impure or mixed blood, embracing all the castes not included in the first division. The first have maintained their individuality from ancient times to the present. The rest have not done so but have intermarried with the higher castes, with one another, and with conquered aboriginal races.

Unlike the superior castes, the mixed castes have in the lapse of time, not only changed their names, but, probably, to some extent their occupation likewise; and therefore, it is hardly possible, except in rare cases, to trace them to their origin. Далѣе, говоря о духѣ исключительности, замѣчаемомъ особенно въ низшихъ кастахъ, авторъ сообщаетъ: Each caste contains usually several, sometimes many, sub-divisions or sub-castes. For example, the Kayasth, or writer caste in the North-Western Provinces has twelve subdivisions. These cannot eat rice together, nor can they intermarry except with the first of the twelve. Again, the Barhai or carpenter caste has seven sub-castes which are so distinct from one another that they hold no direct social intercourse with each other, either by marriage, or by eating or smoking together. На стр. XXIII авторъ говоритъ: «The members of caste are,

Отвѣчалъ серебрянникъ:

— Хорошо, великій царь! Пойду и спрошу родныхъ, коль они мнѣ скажутъ, выдать за тебя дочь, такъ непременно выдамъ.

Пошелъ серебрянникъ домой и сказалъ роднымъ:

— Царь пожелалъ жениться на моей дочери. Если вы этимъ довольны, такъ я выдамъ за него дочь.

Родные были довольны и женился царь на дочери серебрянника.

II.

Говорилъ царь женѣ:

— Скажи, зачѣмъ ты говорила: коль у меня будетъ такой мужъ, такъ я его заставлю ежедневно сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги? Заставь-же теперь меня выливать сто горшковъ себѣ на ноги; а не заставишь этого дѣлать, такъ я тебя мечомъ изрублю.

Молчитъ молодая жена.

— Заставляй же выливать воду, — говоритъ опять царь, — а то я тебя зарѣжу!

— Отпусти меня, на шесть мѣсяцевъ, въ отцу, — говоритъ жена, — проживу тамъ и заставлю тебя сто горшковъ воды выливать мнѣ на ноги.

Царь далъ женѣ отпускъ на шесть мѣсяцевъ.

Забрала она много добра и пошла въ домъ въ отцу.

— Купи мнѣ зеленое платье, — говоритъ она отцу, — и въ

doubtless, united together by peculiar sacred and social ties. In addition, they bear a tribal relation to one another of great significance. Each caste, in virtue of its distinctiveness, and of its holding no marriage connexion with other castes either in its neighbourhood or elsewhere, is in fact a tribe governed by laws of the most imperious character. О Sonâr, т. е. золотыхъ дѣлъ мастеровъ на стр. 314, читаемъ: «The Sonârs are goldsmiths, silversmiths, and jewellers. In Benares they profess to derive their origin from the Kshatrias... The Mahratta Sonâr caste regards itself as allied to the Brahmins, and the sub-castes style themselves Upa-Brahmanas, or minor Brahmins... They are said to have a peculiar language or dialect of their own. This statement, however, I have not had the opportunity to verify.

одинъ день сшей его. Сдѣлай мнѣ такихъ украшеній на ноги, руки и голову, какихъ ни у кого нѣтъ. Не сдѣлаешь,—заставлю царя убить тебя и всю твою касту.

Разослалъ отецъ людей во всѣ стороны; отыскали зеленое платье. Изготовилъ отецъ украшения.

Говоритъ дочь отцу:

— Изготовь мнѣ сундукъ; чтобы былъ онъ локоть въ длину, локоть въ ширину, и чтобы спрятать въ него можно было всѣ платья и украшения.

Пошелъ отецъ къ плотникамъ. Изготовили ей и сундукъ.

Вотъ, разъ нарядилась она въ зеленое платье; развѣсила всѣ украшения; посмотрѣлась въ зеркало и видитъ, что хороша, точно пери. Говоритъ послѣ того отцу:

— Если кто отъ царя придетъ сюда, ты скажи, что дочь больна!

Сама сняла всѣ одѣянія, заперла въ сундукъ, нарядилась факиромъ и вышла изъ дому. Взяла съ собою барабанъ и ящикъ съ платьями.

Поетъ, играетъ. Всѣ, кто ни слушалъ факира, сталъ его хвалить. Дошла до царя вѣсть о факирѣ.

Позвалъ царь факира, онъ не пошелъ. Пошелъ царь самъ къ факиру и говоритъ.

— Батюшка¹⁾, какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня «Дорогая жена», — отвѣчаетъ факиръ.

— Дорогая жена! — говоритъ царь, приходи когда нибудь ко мнѣ пообѣдать.

— Отлично! — отвѣчаетъ факиръ.

Разъ приходитъ факиръ къ царю.

— Дорогая жена, — говоритъ царь факиру, — сней мнѣ пѣсенку.

Спѣлъ факиръ царю пѣсенку. Послушалъ царь и остался до воленъ.

Говоритъ однажды факиръ царю:

— Приготовь мнѣ покушаться когда нибудь.

¹⁾ bābā-jī или «батюшка» обыкновенно употребляется въ разговорѣ съ факиромъ.

— Отлично! — отвѣчалъ царь и отдалъ приказъ слугамъ: — нагрѣйте воды для факира «Дорогой-жены».

Приготовили слуги воду, по приказанію царя. Вотъ и говорить царь:

— Дорогая жена, вода готова, купайся!

— Я въ домъ не купаюсь, — говоритъ факиръ.

— Гдѣ же ты купаешься? — спрашиваетъ царь.

— Въ пруду купаюсь, — отвѣчаетъ «Дорогая жена».

— Хорошо! — говоритъ царь, позвалъ пятьдесятъ солдатъ и говорить имъ:

— Сегодня я въ пруду стану купаться.

Прудъ былъ недалеко отъ городу, въ трехъ миляхъ. Пошелъ царь съ факиромъ и войскомъ къ пруду. Царь взялъ войско потому, что къ пруду часто приходили Буты ¹⁾ купаться.

Идутъ; какъ осталась до пруда одна миля, говоритъ факиръ царю:

— Зачѣмъ ты, царь, взялъ съ собою столько солдатъ? Развѣ мы идемъ воевать? Я думаю, что нужно солдатъ вернуть назадъ.

Отослалъ царь, по факирову приказу, всѣхъ солдатъ назадъ.

Пришелъ царь съ факиромъ къ пруду въ самый полдень.

Вотъ говоритъ факиръ царю:

— Царь, я отлучусь; не пугайся, если сюда придетъ жена моего учителя. Что она тебѣ ни прикажетъ, все исполняй!

Сказавъ эти слова, факиръ ушелъ въ лѣсъ. Отошелъ немного, выкупался; вытащилъ изъ сундука зеленое платье и украшеніе. Разрядился и сталъ точно пѣри.

Подходить «Дорогая жена» къ царю. Заслышалъ царь шумъ шаговъ и украшеній, сильно испугался.

— Ты кто? Зачѣмъ сюда пришелъ? — говоритъ «Дорогая жена» царю.

— Я царь, — отвѣчаетъ тотъ. — Пришелъ сюда съ факиромъ «Дорогая жена»; онъ ушелъ.

— Хорошо! Не-то я навѣрно съѣла бы тебя! Пришелъ ты

¹⁾ bhūta, демонъ. Объ этомъ смотри далѣе и въ предисловіи.

съ мопмъ учителемъ, потому не съѣмъ тебя. Наложу на тебя одно наказаніе.

Согласился царь на это.

— Натаскай ты изъ пруда воды сто сосудовъ и полей мои ноги.

Ставъ царь по приказу воду таскать и на ноги лить.

Какъ вылилъ царь двадцатый или двадцать пятый сосудъ, говоритъ ему «Дорогая жена»:

— Царь, ты усталъ! Перестань лить!

Поднявъ царь глаза на нее и какъ увидалъ ея платье и украшенія, такъ испугался. Ушла она оттуда. Мигомъ сняла платье и украшения, нарядилась факиромъ и приходитъ опять къ царю. Пришла да и спрашиваетъ царя:

— Кто приходилъ сюда, царь?

— Приходила сюда, — говоритъ царь, — какая то женщина, разряженная, разукрашенная. «Ты кто?» спросила она меня. Рассказалъ я ей всю правду. «Я тебя съѣмъ!» сказала она мнѣ, на это. Я сказалъ ей твое имя. Она мнѣ на это говорила: «если ты съ нимъ пришелъ, такъ вылей мнѣ на ноги двадцать пять или тридцать сосудовъ воды!» Послеъ того, какъ я это сдѣлалъ, она ушла.

Вотъ пошелъ факиръ съ царемъ назадъ домой. Подумалъ факиръ: «прошли шесть мѣсяцевъ, теперь, навѣрно мужъ-царь станетъ меня звать».

Пошелъ факиръ къ царю и говоритъ:

— Теперь, я пойду куда нибудь, въ другое мѣсто!

Пошелъ факиръ отъ царя въ домъ отца и скинулъ тамъ свой нарядъ.

Черезъ нѣсколько дней приходитъ отъ царя приказъ:

«Кончилась шесть мѣсяцевъ, приходи ко мнѣ!»

Пришла жена къ царю. Царь и говоритъ ей:

— Зарѣжу тебя, коль ты теперь не заставишь меня вылить сто сосудовъ воды тебѣ на ноги!

Говоритъ ему жена:

— Ходилъ-ли съ факиромъ къ пруду? Не встрѣтилъ-ли ты тамъ наги? Не вылилъ-ли ты ей на ноги двадцать пять, тридцать сосудовъ воды? Не простила-ли она тебя, когда ты усталъ?

Удивляется царь и не вѣрится ему.

— Боле ты тамъ была, такъ покажи мнѣ свои наряды!

Пошла жена нарядилась и приходитъ къ царю. Видѣлъ царь такую красавицу только разъ, какъ ходилъ къ пруду. Застыдился и говорить:

— Истинно, ты заставила меня вылить тебѣ на ноги сто сосудовъ воды!

2.

Ш а к а л ъ.

Былъ шакалъ и была у него жена. Стала жена его брюхата. Какъ настало ей время родить, говоритъ она мужу: — настало мнѣ время родить; поди, понеси яму!

Пошелъ шакалъ искать яму и нашелъ львиную яму.

Поселились они въ той ямѣ. Народились у шакала щенята. Подросли щенята и стали сильны. А левъ въ яму еще не приходилъ.

Разъ приходитъ къ ямѣ левъ. Увидалъ его шакалъ и научилъ жену, что дѣлать, а самъ взобрался на верхушку горы.

Скребеть жена щенятъ, а они кричать.

— Жена, жена, зовешь шакала жену; отчего щенята раскричались?

Отвѣчаетъ жена.

— Вчерашняго льва не ѣдятъ, а свѣжаго нѣтъ!

— Страшныя рѣчи, — думаетъ левъ; — дагадываюсь, что хотятъ меня съѣсть!

Побѣжалъ левъ оттуда. Сидѣла тамъ на деревѣ обезьяна; говоритъ она льву:

— Такой ты сильный человѣкъ, а отъ словъ шакала испугался и бѣжишь!

— Вѣдь въ ямѣ шакалъ, — говоритъ опять обезьяна, — развѣ онъ тебя съѣстъ?

— Коль пойдешь со мною, — говоритъ левъ, — такъ и я пойду.

Свила обезьяна веревку; половиною веревки обвязала чресла льва, а другою свои. Пошли. Впереди идетъ обезьяна, сзади левъ.

Увидалъ ихъ шакалъ и научилъ жену, что говорить, а самъ ушелъ на гору и кричитъ оттуда:

— Жена, жена, отчего щенята раскричались?

Отвѣчаетъ жена:

— Вчерашняго льва не ѣдятъ, а свѣжаго еще не достала!

Какъ услышалъ левъ эти слова, испугался и побѣжалъ. Поташилъ съ собою обезьяну и задушилъ ее.

3.

Прогнанный царевичъ.

1.

Былъ жилъ царь и былъ у него одинъ сынъ. И женилъ царь сына. Разъ пошелъ сынъ съ женою къ тестю. Пришли къ тестю, и сдѣлалъ имъ тесть угощеніе. И какъ сталъ царскій сынъ возвращаться домой, подарилъ тестъ дочери брилліантовое кольцо, а зятю брилліантовое ожерелье. Пошли они дорогою; шли, шли и увидали пиналъ (*Ficus religiosa*) на дорогѣ. Остановились у того дерева, повѣсилъ царскій сынъ свое ожерелье на сучекъ, а самъ пошелъ воды напиться. Въ то время одна пѣри въ мѣрѣ Индры не съумѣла плясать предъ царемъ Индрою. Проклялъ ее царь Индра и сказалъ: «двѣнадцать лѣтъ ты стой въ лѣсу!» И бывала она въ иную пору вороною, въ иную пѣри. Въ ту пору была вороною. Схватила ожерелье и сѣла на верхушку дерева. Пришелъ царевичъ и не увидалъ своего ожерелья. Говоритъ онъ женѣ: — какъ пришелъ къ домоу, а стануть тебя домашніе спрашивать: «что ты принесла?» покажи имъ брилліантовое кольцо.

— Хорошо, — отвѣтила въ ту пору жена.

Вотъ пришли они домой и спрашиваетъ царь сына: — твой тесть что тебѣ подарилъ?

— Подарилъ онъ своей дочери брилліантовое кольцо, — отвѣчалъ сынъ.

Спрашиваетъ свекровь сноху: — отецъ что тебѣ подарилъ? Мужу твоему что подарилъ?

— Подарилъ мнѣ отецъ брилліантовое кольцо, а твоему сыну брилліантовое ожерелье, — отвѣчала сноха.

Пересказала всѣ тѣ слова царица царю. И сказалъ царь сыну: — ты мнѣ не сынъ, а врагъ! Коля ты свое добро, теряешь, какъ же ты мое побережешь?

И говоритъ онъ ему еще: — ступай ты отъ меня и живи въ лѣсу!

Выбралъ царевичъ хорошаго коня, сѣлъ на него верхомъ и поѣхалъ въ лѣсъ. Подѣхалъ къ тому самому дереву пиналъ и привязалъ коня къ сучку. Пришла туда же пери и повѣсила на тотъ сукъ ожерелье. Удивился царевичъ: — не видалъ я этой женщины впереди и не видалъ назадъ: откуда она сюда пришла?

А она ему говоритъ: — я съ тобою пойду!

— Хорошо, — говоритъ царевичъ, — пойдемъ! Пошли они по дорогѣ и видятъ: змѣй схватилъ въ пасть лягушку и не можетъ ее проглотить. Сошелъ царевичъ съ коня, отрѣзалъ у ноги кусокъ мяса и бросилъ мясо змѣю. Выпустилъ змѣй лягушку. И пошли змѣй и лягушка по домамъ.

— Гдѣ ты былъ все это время? — спрашиваетъ змѣя жена.

— Ты, Rāṇḍā¹⁾, такое слово мнѣ говоришь, — отвѣчаетъ змѣй. — Умрала я сегодня, да царевичъ меня оживилъ!

— Ступай за нимъ, — говоритъ жена, — и какъ будетъ онъ въ затрудненіи, помоги ему!

Принялъ змѣй образъ брахмана и пошелъ за царемъ.

Вотъ спросила жена лягушку, и рассказала все лягушка.

— Если для тебя царевичъ сдѣлалъ это, такъ ты иди за нимъ и сдѣлай ему таковое же, — говорила жена.

И приняла лягушка образъ брадобрея и пошла за царемъ.

¹⁾ Rāṇḍā, вдова, развращенная, дурная женщина тоже что Rāṇḍī.

II.

Пошли эти четыре человека по дорогѣ. И говоритъ имъ царевичъ:—друзья, коль хотите, такъ идите. У меня ничего нѣтъ, только вотъ этотъ конь. Если побережете его, такъ въ ную пору поѣзжайте на немъ, а въ ную пору я на немъ поѣду!

Говорилъ брадобрѣй:—стану я брить, и на заработки станемъ мы жить!

— Стану я по деревнямъ ходить, милостыню просить, и на это станемъ мы жить, — говорилъ брахманъ.

— А я въ лѣсу стану охотиться, — сказалъ царевичъ.

— А я, — говоритъ пери, — буду обѣдъ варить!

Пошли они по дорогѣ и пришли въ одинъ городъ. Пошли царевичъ на охоту, брадобрѣй брить, брахманъ свершать пужу¹⁾.

Говорила тутъ пери сама себѣ:—давно не мыла я голову! Поѣду вымою сегодня голову!

И пошла она голову мыть.

Въ двадцати пяти косахъ²⁾ оттуда былъ одинъ городъ. И пришелъ изъ того города царскій сынъ погулять въ той рѣкѣ. Нашелъ онъ волосокъ той пери и сбиралъ тотъ волосокъ. И былъ тотъ волосокъ длиною въ сорокъ четыре локтя.

Пошелъ принцъ домой и говоритъ отцу:—жени меня на той, у которой такіе волосы.

— Не очень это трудно, — говоритъ царь. Позвалъ слугу и говоритъ ему:—отыщи такую-то женщину!

— Отыщу, — говоритъ слуга, — дай мнѣ только постель-самолетку!

— Хорошо! Дай тебѣ постель-самолетку! — Далъ ему царь постель-самолетку и пошелъ слуга по дорогѣ. Шелъ, шелъ слуга и попалъ въ темный тропикъ джунглей до того куста, гдѣ жила пери. Перевернулъ онъ постель-самолетку на рѣкѣ и пошелъ къ пери. Подошелъ къ ней и говоритъ:

¹⁾ Рядъ кочевыхъ рода Сомасуттене.

²⁾ Коса, волосъ въ северной Индіи разнится длиною: 1', 2', 3', 4' и 5' и т. д. см. Cambridge, The Ancient Geography of India, стр. 374.

— Дочка! Почему давно ты не мыла головы? Не хорошо пахнет отъ твоей головы!

Повелъ онъ ее къ рѣкѣ и стала она на постель-самолетку.

— Постель, — сказалъ тутъ слуга, — откуда пришла, туда назадъ иди!

И принесъ слуга пѣри въ царскій дворецъ.

III.

Вернулись назадъ охотникъ, брадобрѣй и брахманъ. Смотрятъ и не видятъ пѣри. — Удивительное это дѣло, — говорятъ между собою, — кто увелъ царицу?

IV.

Какъ пришла пѣри къ принцу, сказала она ему: — Двѣнадцать лѣтъ будешь ты мнѣ братомъ, а я тебѣ сестрою. Послѣ двѣнадцати лѣтъ будешь ты мнѣ царемъ, а я тебѣ царицей!

— Раздавай ты двѣнадцать лѣтъ постоянную милостыню, — говоритъ царь. И выстроилъ царь страннопримный домъ и поставилъ тамъ слугъ.

Говорила царица тѣмъ слугамъ: — Какіе люди будутъ въ томъ домѣ ночевать, объ чемъ говорить, обо всемъ этомъ мнѣ докладывайте!

Пришли разъ въ тотъ домъ три человѣка. Наѣлись, напились и стали между собою говорить: — Хорошо бы намъ увидать царицу!

Вотъ на другой день пошли слуги къ царицѣ и доложили: — Вчера пришли три человѣка и говорили между собою: Какая была бы радость, увидать царицу!

— Позвать ихъ ко мнѣ! — приказала царица. Пришли они въ трехъ-этажный дворецъ: — Вы не горюйте, — сказала имъ царица, — берите постоянную милостыню!

Сидѣлъ разъ царь въ Качари¹⁾. Пришелъ туда брадобрѣй и говоритъ: — По справедливости ли ты, царь, судишь или нѣтъ?

— По справедливости я сужу, — отвѣчаетъ царь.

¹⁾ Качари, зданіе суда, зданіе гдѣ собираются подати и т. д.

— Если же ты, царь, по справедливости судишь, то какая же тутъ справедливость, что твой сынъ нашу женщину увелъ?

Промолчалъ царь и позвалъ потомъ тѣхъ трехъ человѣкъ: — Оставайтесь на моей службѣ, — говоритъ имъ.

— Какое жалованье дашь? — спрашиваютъ они.

— Какое возьмете, то и дамъ.

— Беремъ цѣлый лакъ ¹⁾ монеты тапка ²⁾!

Опредѣлилъ ихъ царь на службу къ царевичу и давалъ имъ каждый день по лаку.

И какъ давалъ царь имъ по столько, говоритъ принцу разъ одинъ слуга: — понапрасну тратишь, царь, цѣлый лакъ! Если хочешь отъ царевича отдѣлаться, прикажи ему выстроить мостъ на рѣкѣ Ямунѣ, да Дармасала ³⁾. Ступай самъ туда, ослабь перстень, и играя съ нимъ въ кости, перстень урони въ Ямуну и скажи ему: — Если хочешь, чтобы отецъ не наказывалъ тебя, принеси перстень; не то убью тебя!

Позвалъ царь царевича и говоритъ ему: — Ступай, построй мостъ на Ямунѣ, а на мосту выстрой Дармасала.

Пошелъ царевичъ, выстроилъ мостъ на Ямунѣ, а на мосту Дармасала.

— Пойдемъ туда, — говоритъ царевичу принцъ, -- поиграемъ сегодня въ кости! — А самъ ослабилъ перстень.

Стали играть, и уронилъ принцъ перстень въ воду. — Если не достанешь мнѣ перстня, убью тебя пулею, — говоритъ.

Пошелъ царевичъ въ свой домъ, и придя туда рассказалъ обоимъ своимъ спутникамъ.

— Другъ, — говоритъ лягушка, что сдѣлалась брадобрѣя, — теперь я тебѣ дамъ жизни!

Оставила лягушка образъ брадобрѣя и пошла въ рѣку. Пришла туда и стала квакать. Собрались всѣ лягушки: «Что случилось?» спрашиваютъ. Собрались рыбы. Пришелъ царь рыбъ и царь лягушекъ. Достали перстень и отдали той лягушкѣ.

¹⁾ lākha, сто тысячъ.

²⁾ ṭāṭka мелкая серебряная монета, слѣкъ пенсъ.

³⁾ Dharmasāla. страннопріимный домъ, больница. Эти дома выстраиваются по дорогамъ для бѣдныхъ странниковъ.

Пошла лягушка домой и отдала тотъ перстень царевичу; а тотъ пошёлъ къ принцу и отдалъ ему перстень.

Сталъ принцъ въ умѣ держать: — Убьетъ онъ меня теперь! Такъ я полагаю, коль живъ онъ вернулся!

И приказалъ принцъ: — На завтра я и онъ станемъ стрѣляться! Тутъ змѣй, что сдѣлался брахманомъ, сталъ говорить:

— Другъ, сегодня я тебѣ жизнь дамъ!

Сдѣлался онъ опять змѣемъ и укусилъ принца.

Исполнилось тутъ двѣнадцать лѣтъ царевнѣ.

И пошли четыре человека по своимъ домамъ..

Увидалъ царь своего сына царевича и сильно обрадовался.

4.

Д е м о н ъ.

Шелъ одинъ человекъ въ свою деревню и повстрѣчалъ Bhûta. Увидалъ онъ сначала передъ собою собаку; позвалъ же и говорить: — пойдемъ со мною!

Пошёлъ онъ впередъ и что же увидалъ? Тысячи свиней забѣгали кругомъ него! Увидалъ онъ это и испугался. Обружило его стадо свиней. Взялъ онъ камень и бросилъ въ нихъ. Разбѣжались свиньи.

Пошелъ онъ впередъ и что же увидалъ? Пдетъ къ нему большой левъ. Говоритъ онъ самъ съ собою: — Съѣстъ меня, навѣрное, этотъ левъ! — Взялъ да вѣтзь на дерево. Левъ заревѣлъ и убѣжалъ.

Сталъ онъ отъ страха безъ чувствъ. Какъ очнулся, пошёлъ впередъ и что же увидалъ? Красавицу женщину. Обрадовался онъ и сталъ съ нею говорить; много говорилъ, а она все молчать.

Вотъ пришли на мостъ; она его съ моста толкнула и упалъ онъ въ воду. И едва не потонулъ бѣднякъ!

5.

Глупый сынъ и разумная мать.

Вздумалось малому странствовать. Говоритъ онъ матери:

— Матушка! Напеки мнѣ хлѣба на дорогу!

Напекла ему мать хлѣба и пошлѣла онъ странствовать.

Умылъ по дорогѣ лицо и руки; сталъ было ѣсть, а тутъ откуда ни возмись стоитъ около него собака. Далъ онъ собакѣ полъ-хлѣба и убѣжала собака.

Въ ту пору у одного богача разложили на солнцѣ кожаные мѣшки съ золотомъ. Пришла туда собака, схватила одинъ мѣшокъ и побѣжала къ малому назадъ. Догнала его и положила передъ нимъ мѣшокъ. Раскрылъ малый мѣшокъ и какъ увидалъ тамъ золото, обрадовался. И отдалъ онъ собакѣ весь свой хлѣбъ. Прибѣжалъ въ радостяхъ домой, отдалъ матери мѣшокъ съ золотомъ. Посмотрѣла мать въ мѣшокъ и обрадовалась.

Была его мать ушница, накупила она на 'восемъ аннасъ ¹⁾ сластей и разбросала ихъ по крышѣ и по верандѣ ²⁾.

— Сыночек! смотри-ка какой дождь шелъ! Ъшь сласти, сколько хочешь,—говоритъ мать. Сынъ обрадовался, все поѣлъ, ничего не оставилъ.

Сшила ему мать хорошее платье.

Вотъ разъ говоритъ сынъ матери: — Матушка, дай мнѣ четыре пайса ³⁾. Пойду на базаръ.

— Что же ты съ деньгами станешь дѣлать? — спрашиваетъ его мать.

— На одинъ пайса куплю бетелю, на одинъ орѣховъ, на одинъ сластей, а одинъ пайса отдамъ Ранди ⁴⁾.

Дала ему мать четыре пайса и пошлѣла онъ на базаръ. При-

¹⁾ Восемъ аннасъ, полъ рупи, равняются одному шилингу. О современныхъ индѣйскихъ монетахъ см. Prinsep, Useful Tables. London. 1858.

²⁾ Веранда, крытая терраса, кругомъ дома.

³⁾ 4 Пайса = 1 аннасъ, см. Prinsep. ibd.

⁴⁾ Randi — развращенная, дурная женщина.

шѣлъ сначала въ лавку, гдѣ бетелемъ торгуютъ, и говорить:—
Rāpavāgī! Rāpavāgī ¹⁾! Хорошій бетель есть у тебя?

— Отличный есть, господинъ! Сейчасъ пошлю достать! Сколько
вамъ угодно?

— Около полутороста связокъ нужно мнѣ!

Пошелъ онъ затѣмъ къ кандитеру и говорить:—Бандитеръ,
а кандитеръ, готовые сласти есть?

— Сколько вамъ нужно, господинъ? — спрашиваетъ тотъ.

— Да нужно мнѣ одинъ или два māna ²⁾!

— Изготовлю столько господинъ! — говоритъ кандитеръ.

— Въ моему приходу приготовь!

Пошелъ онъ къ Rāṇḍī и ночевалъ у ней. На утро, какъ ух-
одить, отдаетъ ей одинъ пайса. Заспорили.

— Цѣлую ночь, — кричитъ Rāṇḍī, — проспалъ съ матушкой;
а даешь только одинъ пайса!

Прибила его Rāṇḍī башмаками, стащила съ него двойной плащъ
(dohara). Пошелъ онъ оттуда къ кандитеру.

— Бандитеръ, а кандитеръ! — говоритъ, — сласти готовы?

— Готовы, господинъ! Сколько прикажете отвѣсить?

— Да отвѣсь мнѣ попробовать, на одинъ пайса!

Прибилъ его больно кандитеръ, стащилъ съ него всю одежду.

Пришелъ онъ затѣмъ въ лавку, гдѣ бетелемъ торгуютъ: —
Господинъ, — говоритъ продавецъ, — готовъ бетель!

— Отлично! отпусти же мнѣ на одинъ пайса!

Разсердился купецъ, больно его билъ и стащилъ съ него по-
сѣднюю dhotī (повязка у чреслъ), что осталась на немъ.

Забилъ тутъ въ барабанъ: пропалъ у одного богача, мѣшокъ
съ золотомъ; кто его принесетъ, тому будетъ награда!

Услыхалъ это малый и говорить: — давайте награду, нашѣлъ
я мѣшокъ!

— Гдѣ же мѣшокъ? — спрашиваютъ его.

— У моей матушки!

Пошелъ съ нимъ народъ въ домъ.

¹⁾ Rāpavāgī, продавецъ бетелю.

²⁾ Mān, т. е. англійскій maund = 82 lbs.

— Матушка! гдѣ хѣнокъ, что я тебѣ дамъ? — говорить на нѣмъ матери.

— Когда ты мнѣ хѣнокъ давала?

— А въ тотъ день, какъ съ неба сласть валялась!

Говорить мать народу:—Когда же это съ неба сласти валялся?...

Слушаетъ народъ его слова, да смѣется:—Вотъ полоумный-то!

И ушли все отсюда.

6.

Хитрый синай.

Проголодался по дорогѣ синай (солдаты) и зашелъ въ одинъ домъ. Готовила тамъ женщина обѣдъ, а мужъ за дровами въ лѣсъ ушелъ.

— Дай мнѣ поѣсть! — говорить синай той женщинѣ.

— Откуда я тебѣ возьму ѣды? — отвѣчаетъ она, — нѣтъ у меня ничего!

Помолчалъ синай и говорить:—Чудное дѣло видѣлъ я по дорогѣ—на двухъ телегахъ везли одинъ манго¹⁾. И былъ тотъ манго съ домъ!

— Гдѣ ты это видѣлъ?—спрашиваетъ его женщина. Указавъ ей синай на мѣсто, съ милою отъ дому.

— Посторожи, другъ, мой домъ. Я сбѣгаю, посмотрю, — говорить женщина.

— Хорошо, — согласился синай. Побѣжала она смотрѣть, а синай весь хлѣбъ, что она себѣ и мужу напекла, воровски поѣлъ. Осталось хлѣба немного. Приходить тутъ мужъ съ дровами изъ лѣсу.

— Ты кто? — спрашиваетъ онъ синай.

— Странникъ! — отвѣчаетъ тотъ.

— А гдѣ моя жена?

¹⁾ Известный индѣйскій плодъ, величиною съ большое яблоко.

— Да, вотъ сейчасъ, приходилъ какой-то человекъ; поманилъ ее пальцемъ оттуда; она и пошла съ нимъ.

— Въ какую сторону пошла?

— По дорогѣ пошла, направо!

Побѣждалъ бѣднякъ искать жену; а она въ ту пору домой пришла. — А! — говоритъ, — мужъ дрова принесть. Куда же самъ-то ушелъ?

— Сейчасъ здѣсь былъ, — говоритъ сипай; — поманила его какая-то женщина, у того дерева. И пошелъ онъ съ нею!

— Куда пошелъ?

— По дорогѣ пошелъ, налѣво! — отвѣчаетъ сипай. Побѣждала жена мужа искать. А сипай на радостяхъ хлѣбъ доѣлъ. Забралъ все добро, что было въ домѣ, и ушелъ, спрятался около деревни.

Вотъ вернулся мужъ съ женою и стали браниться: — Ты къ другому мужу ходила! — говоритъ одинъ. — Ты къ другой женѣ бѣгала! — кричитъ жена. Сталъ мужъ жену сильно бить: — Зачѣмъ изъ дому ходила? — спрашиваетъ. А она кричитъ, заливается слезами.

Услыхалъ сипай плачь и крикъ и сталъ говорить народу, на деревнѣ: — Рамъ! Рамъ! Вотъ бѣднякъ-то! Былъ у него одинъ ребенокъ, и тотъ померъ!

Заплакалъ народъ; Сива! Сива! Рамъ! Рамъ! — зашѣли и пошли къ дому бѣдняка.

Какъ стали они тамъ шумѣть, сипай тѣмъ временемъ убѣжалъ.

— Охъ! горе! — говоритъ народъ, — ребенокъ-то у тебя померъ!

А бѣднякъ сердится, кричитъ: — Помирайте ваши дѣти. Пришли сюда съ худыми словами!

Долго они бранились. А сипай тѣмъ временемъ убѣжалъ.

7.

К р о х о т к а.

Былъ у старухи сынъ и женила она сына. Невѣстка жила въ родительскомъ домѣ, а зять жилъ въ своемъ.

Говорить онъ разъ матери: — Матушка, сегодня пойду къ тестю!

— Идй на дорогу чего надобно? — говоритъ мать. Пошла, заняла четыре пайса и отдаетъ сыну: — Купи себѣ, крохотку поѣсть!

Пошелъ онъ на базаръ, взомелъ въ первѣйшую лавку и говоритъ: — Дайте мнѣ крохотку на одинъ пайса!

— Братецъ, говоритъ купецъ, здѣсь все есть! Называй, что тебѣ нужно, то тебѣ и дамъ! — Говоритъ на это (послушный сынъ):

— Мнѣ матушка говорила, купи себѣ крохотку. Какъ она сказала, такъ ты мнѣ и дай крохотку!

Обошелъ онъ, съ этими словами весь базаръ и взомелъ наконецъ въ одну улицу, и говоритъ съ собою: — Сгорай этотъ базаръ. Искать и тамъ крохотку и не нашелъ!

Въ той улицѣ была лавочка, услышалъ его купецъ и говоритъ: — Ахъ братецъ! Не говори этого! У меня есть крохотка. Покунай!

— Наверно этотъ лавочникъ всѣмъ торгуетъ! говоритъ онъ самъ собою, взомелъ въ лавку и требуетъ: — Отлично! Давай мнѣ крохотку!

Подалъ ему купецъ тыкву, и отдалъ онъ за тыкву четыре пайса. Поѣлъ тыквы и пришелъ къ тестю. Обрадовался тестъ зятину приходу.

Вотъ настала ночь, у зятя брюхо распухло отъ сырой тыквы и говоритъ онъ: — Отнынѣ никогда не стану ѣсть крохотки!

— Зять, говоритъ тестъ, ты бы вымылъ ноги и руки, да поѣлъ крохотку!

— Нѣтъ! отвѣчалъ зять, никогда не стану ѣсть крохотки!

— Нашъ зять очень боленъ! — думаетъ тестъ и говоритъ зятю опять: — Ну, хорошо, коль ѣсть ничего не хочешь, такъ попей молока!

— Хорошо! Молока выпью! — Согласился зять.

Говоритъ тестъ дочери: — Дочка! Нашъ зять что-то приунылъ! Ты бы пошла къ нему; въ карты поиграй и займи его, какъ увидишь!

Взяла дочь карты и пошла къ мужу. Разложила передъ нимъ карты; а онъ и поигралъ бы, да не умѣлъ!

Пришла дочь къ матери и говорить:—Наигрались въ карты, давай ему теперь молока!

Дала мать молока; стащила дочь мужу молока и поставила около его кровати. А сама оттуда ушла и вернулась къ матери.

И счелъ зять карты за хлѣбъ и поѣлъ ихъ. Выпилъ молоко и пятьдесятъ двѣ карты пріѣлъ. Вернулась жена и спрашиваетъ.—Пилъ молоко?

— Да! Выпилъ я молока и хлѣбца поѣлъ. Такой онъ тонкій! Отвѣчаетъ мужъ.

— О Господи! замолчала жена, какого-же ты умнаго мнѣ мужа послалъ! И убѣжала въ горѣ.

Захотѣлось мужу ночью по своей надобности. И говорить онъ себѣ:—Вотъ задача! Кога выйду отсюда, такъ назадъ дороги не найду!—Снялъ съ головы турбанъ, привязалъ одинъ конецъ къ постели и говорить себѣ:—гдѣ турбанъ кончится, тамъ я и присяду!

Какъ вышелъ онъ, на ту пору взошла туда жена. — Куда онъ ушелъ?—спрашиваетъ она себя. Увидала турбанъ, у постели, взяла, да отвязала его.

Шелъ, шелъ и дошелъ до дому. — Зачѣмъ такъ спѣшишь? спрашиваетъ его мать:

— Ахъ! Матушка, захотѣлось мнѣ за своею надобностью. И не знаю, какъ я пришелъ сюда!

Засмѣялась мать, и говорить:—Убѣрайся ты полоумный!

8.

Пословица.

Читалъ одинъ человѣкъ сказку. Приходитъ къ нему знакомецъ и говорить:

— Господни! знаменитая пословица гласитъ: у полоумнаго борода длиннѣе лица!

Промочалъ на это тотъ человѣкъ въ ту пору. И вспомнилось ему ночью: у полоумнаго борода длиннѣ лица!

Сталъ онъ въ зеркало смотрѣть на свою бороду:—длинна моя борода! говоритъ самъ себѣ.—Дѣло поправимое! думается ему. И сдѣлалъ онъ такъ, въ одну руку взялъ бороду, а въ другую лампаду.

Вотъ пламя коснулось сначала бороды, а потомъ руку обожгло; разжалъ онъ много кулакъ, и огонь поднялся и бороду сжогъ и лице обжегъ: — Навѣрно, справедлива та пословица! Кто-же полоумнѣ меня! говоритъ онъ самъ себѣ.

9.

Кули.

Несъ кули ¹⁾ на головѣ горшокъ съ масломъ. Бунилъ у него масло за два пайса купецъ и говоритъ:

— Отнеси горшокъ въ мою лавку!

Понесъ кули горшокъ въ лавку.

Сталъ разсуждать: — Далъ мнѣ купецъ два пайса; куплю я на два пайса курцу; продамъ курцу, куплю козу. Какъ будутъ отъ нея козлята, куплю корову. Корова будетъ молоко давать, стану молоко продавать и куплю буйвола; много будетъ молока, стану продавать молоко и сметану. Наберу много руни. Построю дохъ; какъ выстрою домъ, такъ женюсь. И будутъ у меня дѣти, и станутъ они какъ говорить:—Батюшка, дай намъ есть!

Потрасъ онъ тутъ головою и говоритъ: — А я имъ скажу: колчате, останьте!

Затрасъ онъ опять головою: ушелъ горшокъ и разбился. Было ему большое горе. Вотъ при томъ онъ къ купцу.

¹⁾ Кули—рабочій.

Говорить ему купецъ: Ты, зять¹⁾! зачѣмъ горшокъ разбилъ?

— А ты, зять! отвѣчаешь кули, зачѣмъ разорилъ все, что я настронилъ, всю мою семью?

Пошли они къ царю судиться. — Какъ ты разбилъ горшокъ? спросилъ царь.

— Задумался я, великій царь, и покачалъ головою, горшокъ упалъ и разбился. Теперь, таково мое желаніе: разстронилъ его горшокъ всю мою семью, такъ пусть же онъ состроитъ!

Разсмѣялся царь и прогналъ кули.

10.

Унесенная царица.

У одного царя было семь сыновъ и семь снохъ, и пришелъ къ царю факиръ, и былъ тотъ факиръ искусенъ въ колдовствѣ. Повелъ царь того факира въ свой домъ и выстроилъ для него *mātha*²⁾.

Послалъ царь накормить факира, въ первый день, первую сноху, во второй—вторую, въ третій—третью, въ четвертый—четвертую, въ пятый—пятую, въ шестой—шестую, въ седьмой — седьмую.

Прожилъ факиръ въ его домѣ три, четыре года. Онъ его кормилъ, и ѣлъ онъ ежедневно. Вотъ, разъ, настала очередь седьмой царицы. Въ другіе дни давали онъ хлѣбъ, рисъ, не входя къ факиру. Въ этотъ день двери были притворены: — Ранди! закричалъ факиръ царю, неси ѣду внутрь! Принесла царица. Тогда факиръ своимъ колдовствомъ перенесъ царицу, *mātha*, ѣду на берегъ седьмаго моря. Переправился черезъ море и поставилъ себѣ *mātha*. На берегу того моря жилъ купецъ.

¹⁾ Назвать зятемъ посторонняго человѣка считается великимъ оскорбленіемъ.

²⁾ *Mātha* здѣсь значитъ жилище отшельника. О другихъ значеніяхъ см. Bate Hindi Dict., s. v.

Стали тутъ царскіе сыны думать: — Братецъ, куда царица ушла? Узнали они, что пошла она кормить факира. Пошла вторая сноха посмотрѣть и увидала, что нѣтъ тамъ ни факира, ни царицы, ни *mâtha*.

Выбралъ тогда царскій сынъ коня и поѣхалъ ѣскать свою царицу. Ъхалъ, ѣхалъ и пріѣхалъ къ берегу седьмого моря. Остановился онъ въ лавкѣ. Ходилъ въ ту лавку ежедневно факиръ, за товаромъ.

— Нѣтъ-ли здѣсь какого факира? спрашиваетъ царскій сынъ.

— Есть здѣсь факиръ! отвѣчаетъ купецъ.

Увидалъ факиръ, что пришелъ царскій сынъ; взялъ горсть золы и сдѣлалъ его деревомъ. И осталось все его богатство и конь у купца.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ пришелъ другой братъ. Факиръ и его сдѣлалъ деревомъ. Тѣмъ-же образомъ и третьяго сдѣлалъ деревомъ, и четвертаго, и пятаго, и шестаго, и седьмаго, всѣхъ подѣлалъ деревьями.

Остался отъ нихъ одинъ сынъ; съ великимъ трудомъ выростили его до двадцати лѣтъ. Вотъ разъ спрашиваетъ онъ дѣда: — Гдѣ мой отецъ? и гдѣ мои дяди?

— Въ тотъ день, когда ты родился, была нѣтъ всѣмъ погибель. Твой отецъ и твои дяди на берегу седьмого моря деревьями сдѣлались. И твою тетку увелъ туда факиръ! отвѣчалъ дѣдъ.

— И я пойду туда! говоритъ юноша. Пошѣлъ онъ къ седьмому морю и пришѣлъ къ купцу. Показалъ ему купецъ коня, его отца и говоритъ: — То дерево твой отецъ, а вотъ тѣ — твои дяди!

— Побереги меня, говоритъ юноша купцу; дамъ тебѣ много богатства! Спряталъ его купецъ у себя. Приходилъ факиръ за товаромъ и не увидалъ его. На другой день спрятался юноша въ пещеру. Въ тотъ день факиръ надѣлъ свои сандалии и подошелъ къ морю. Высохла вся вода. Оставилъ факиръ свои сандалии и ушелъ. И была вся сила его колдовства въ тѣхъ сандаліяхъ. Надѣлъ юноша сандалию и пришелъ къ теткѣ.

Говоритъ ему тетка: — Съ великою горестью ты родился! Былъ у тебя отецъ и шесть дядей, и сдѣлались они семью деревьями!

Дала она ему другую такую-же сандалию и говоритъ: Ступай ты въ лавку, что на берегу моря!

Вотъ сталъ онъ уходить и говоритъ теткѣ:—Тетка! спроси у факира, гдѣ его дыханіе? Пришелъ въ лавку, поставилъ въ томъ мѣстѣ сандалин, а самъ спрятался.

Вернулся факиръ домой, и не говорила съ нимъ царица ничего въ тотъ день.

— Ты отчего ничего не говоришь? спрашиваетъ ее факиръ.

— Ты факиръ, отвѣчаетъ она, а я царица; коль ты умрешь, что стану я дѣлать въ этомъ мѣстѣ?

— Я никогда не умру, говоритъ факиръ, я безсмертный! — И сказалъ онъ царицѣ:—На берегу шестаго моря есть дворецъ, и есть подъ тѣмъ дворцомъ dharmasālā; а внизу, подъ землею, желѣзная кѣтка, и сидитъ въ той кѣткѣ попугай. Если кто убьетъ этого попугая, тогда и я помру!

Вотъ на другой день, какъ пришелъ факиръ въ лавку, пошелъ юноша къ теткѣ, и спрашиваетъ ее:—Что факиръ говорилъ?

— Такъ, вздоръ несъ! отвѣчаетъ та, ты бы шелъ домой, нечего тебѣ тутъ дѣлать!

— Нѣтъ, ты скажи, что онъ говорилъ? допрашивалъ юноша.

Говорила ему тетка:—Вотъ что онъ сказалъ: стоитъ на берегу шестаго моря дворецъ, подъ дворцомъ есть dharmasālā; а внизу подъ нимъ кѣтка, а въ кѣткѣ сидитъ попугай. Если кто убьетъ того попугая, тогда и я помру!

Поехалъ отуда юноша и пришелъ къ шестому морю. И былъ тамъ въ городѣ царь, а у царя дочь на выданьи, но не было у ней въ то время жениха. Былъ тамъ по дорогѣ пастухъ коровъ и буйволовъ. И увидалъ пастухъ юношу. Насталъ вечеръ; какъ пошли всѣ по домамъ, вернулся въ городъ пастухъ и говоритъ:—Видѣлъ я сегодня красавца юношу, вотъ кто достоинъ царевны!

Услыхалъ царь и отдалъ приказъ:—Позвать ко мнѣ всѣхъ новопріѣдшихъ въ городъ!

Вотъ сколько ни было гостей въ городѣ, всѣхъ привели къ царю. Но остановилось сердце царевны на томъ юношѣ. Прика-

залъ царь его вымыть, вычистить, обрить и сыграть царевинну свадьбу съ нимъ.

Сталъ его царь богатствами награждать, а тутъ юноша и сказалъ: — по твоимъ милостямъ, царь, ничего мнѣ не нужно, позволь мнѣ только слово молвить!

Позволилъ ему царь. И попросилъ юноша тотъ дворецъ.

— На что онъ тебѣ? удивлялся царь и подарилъ юношѣ дворецъ.

Послалъ юноша въ тотъ дворецъ работниковъ, снесли они дворецъ. И нашелъ онъ подъ дворцомъ dharmasāla; снесли это зданіе и нашли подъ нимъ кѣтку, а въ кѣткѣ попугая. Отрѣзалъ юноша попугая крылья и ноги.

Бросило факира въ жаръ. — Кто это мой врагъ? говорилъ онъ.

Взялъ юноша кѣтку и пошелъ къ царю. Послалъ съ нимъ царь царицу, войско, слоновъ, коней. Переплылъ онъ шестое море и пришелъ къ теткѣ.

Увидала его тетка и очень обрадовалась. Говорилъ юноша факиру: — Обрати въ людей дерева! Подулъ факиръ на дерева и стали они семью человѣками. Говорилъ факиръ юношѣ: — Сдѣлай ты мнѣ милость. Коль хочешь меня убивать, такъ убивай, но похорони меня.

Убилъ юноша попугая и убилъ факира, совершилъ надъ нимъ всѣ погребальные обряды.

Пошелъ юноша со всѣми: съ женою, отцемъ, дядями и теткою къ купцу въ лавку. Отдалъ имъ купецъ ихъ коней, а они ему дали много богатства и пошли къ себѣ домой.

Отецъ и мать ихъ были слѣпы; какъ услышали то событіе и прозрѣли. Пришелъ юноша домой и покропилъ на старика и старуху *амритомъ* ¹⁾. И стали оба молодыми.

— Силенъ ты! говорили ему родные, славенъ ты!

А отецъ и дяди говорили: — И мы ходили, да въ дерева обратились. Ты пошелъ, намъ жизнь далъ и сюда привелъ.

Мы пошли въ дерева обратились, ты пришелъ и людей изъ насъ подѣлалъ.

¹⁾ Напитокъ безсмертія.

II.

Перышко.

Былъ жилъ брахманъ и были у него жена да дочь. — Прошло немного лѣтъ и стала его дочь невѣстою.

Что ни день, то мужъ съ женою бранились. Говорить разъ жена: — У тебя дочь невѣста, а ты не думаешь, какъ бы ее замужъ выдать! Сочинилъ бы ты стишки, да преподнесъ бы ихъ какому-нибудь царю! Далъ бы тебѣ царь бакшишъ¹⁾, и сыграли бы свадьбу!

— А вѣдь она правду говоритъ! Образумился брахманъ и пошелъ къ царю.

Повстрѣчалъ онъ по дорогѣ Бута. И говоритъ ему тотъ: — Ты кто? Куда идешь?

— Я брахманъ! Въ домѣ у меня дѣвка на выданьи. Задумалъ ее выдать замужъ и иду къ царю денегъ просить!

— Услужи миѣ, говоритъ Бута, а не то, такъ я съѣмъ тебя!

— Что прикажешь! отвѣчалъ брахманъ.

— Отсюда, въ семи переходахъ, по дорогѣ сраженіе. Много людей померло. Принеси миѣ одно мертвое тѣло, на ѣду!

— Отлично! говоритъ брахманъ.

Сказалъ тутъ Бута: — Подарю тебѣ перышко. Положи ты то перышко на голову и увидишь ты между мертвыми тѣлами человека: Возьми ты то тѣло и неси ко миѣ!

Пошелъ брахманъ и съ великими трудностями чрезъ семь дней пришелъ туда. Положилъ онъ перышко, что далъ Бута, на голову. И видитъ миллионы и миллионы тѣлъ, а въ человѣческомъ образѣ только одно или два тѣла. Взялъ онъ человѣческое тѣло, принесъ и отдалъ Бутѣ. Обрадовался Бута и далъ брахману много рупи.

¹⁾ Бакшишъ, подарокъ, на водку!

Пришелъ брахманъ домой и выдалъ дочь замужъ.

Послѣ того мужъ и жена, все-таки, что ни день, то бранились.

Положилъ разъ брахманъ себѣ на голову то перышко, что подарилъ Бута и увидалъ, что жена его собака!

— Теперь и свой образъ нужно посмотреть! говорить самъ себѣ брахманъ. Посмотрѣлъ на себя въ зеркало и увидалъ тигра. — Вотъ почему мы съ женою все бранимся; она была собакою въ первомъ перерожденіи, а я тигромъ! Оттого мы и бранились.

Вышелъ брахманъ изъ дому и какъ пришелъ на базаръ, увидалъ одну Патарь ¹⁾. Говорить она ему: Съ нынѣшняго дня ты мнѣ мужъ, а я тебѣ жена!

Усмихнулся брахманъ.

Показала ему Патарь свое богатство. Обрадовался брахманъ. И какъ сталъ ей мужемъ, такъ и бросилъ свою первую жену. Положилъ брахманъ себѣ на голову перышко и видитъ, что Патарь тигрица.

И сказалъ онъ самъ себѣ: Вотъ почему она меня полюбила? Я тигръ, она тигрица. Она да я, сошлась пара!

И до смерти жили они въ радости.

12.

Хвастунишка.

Жилъ былъ нѣкій хвастунишка. Разъ говорить онъ матери:

— Матушка, испеки мнѣ немного хлѣбца, пойду странствовать.

Мать испекла ему хлѣба, и пошелъ онъ странствовать. Пришелъ къ одному пруду и сѣлъ. Вынулъ четыре хлѣбца и поставилъ ихъ по четыремъ угламъ пруда.

¹⁾ Патарь — женщина дурнаго поведенія.

Сталъ онъ такъ говорить: Съѣмъ одинъ хлѣбецъ, съѣмъ другой, съѣмъ третій, захочу поѣмъ васъ, всѣхъ четырехъ зятиковъ!

Въ этомъ пруду по четыремъ угламъ жили четыре змѣя; искугались они и стали говорить: Поѣсть онъ насъ непременно!

Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ хвастунишкѣ: Братецъ, не ѣшь насъ, я дамъ тебѣ кроватку-самолетку! ¹⁾

Другой змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ лохмотья-самосѣйки ²⁾!

Третій змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ чашу-самокипѣлку ³⁾!

Четвертый змѣй сказалъ: Братецъ, не ѣшь насъ, дамъ тебѣ ложку-самочерпалку ⁴⁾!

Первый змѣй прибавилъ: У моей кроватки-самолетки такое свойство: куда захочешь итти, туда тебя понесетъ.

Второй змѣй прибавилъ: У моихъ лохмотьевъ-самосѣекъ такое свойство: если ты крикнешь имъ: Роняйте рупи! Они навалятъ передъ тобою кучу денегъ!

Третій змѣй прибавилъ: У моей чаши-самокипѣлки такое свойство: какую захочешь пищу, ту сварить тебѣ, безъ огня и воды.

Четвертый змѣй прибавилъ: у моей ложки-самочерпалки такія свойства: сама собою поставитъ все передъ тобою.

Хвастунишка осмотрѣлъ всѣ эти вещи и сильно обрадовался.

Настала ночь и было поздно итти домой; вотъ онъ остано-

¹⁾ Uḍakhaṭaṇṭi: летающая кровать; отъ uḍanā, или uḍhanā: летать. Khaṭaṇṭi тоже что khaṭolanā, khaṭolā: кровать, постель.

²⁾ Jhalkanthā: лохмотья-самосѣйки, такъ я перевожу. Первая часть слова м. б. происходитъ отъ jhalnā, у Bate, s. v. to fan, to vo to and fro (as a fan), to flap etc. Вторая значитъ: (ibid, s. v.) a patch cloth or garment, rag, quilt of rags, beggar's wallet, coat of shreds worn by a Hindoo ascetic: a wall.

³⁾ Ūmala ḍibiyā. Первую часть слова, вѣроятно, нужно производить отъ umadānā: (Bate, s. v.) to become flooded, to overflow. ḍibiyā (ibid s. v.) a very small box (for medicines etc).

⁴⁾ Paṣak-paṇyā: Paṣak—ложка; paṇyā, Bate s. v: saleable, vendible.

ся на ночь въ домъ одной старухи. Старуха перемѣнила всѣ его вещи и на ихъ мѣсто поставила старья. Приходитъ онъ радостный и лишь пришелъ къ дому, закричалъ матери:

— Матушка, тащи ведро мѣять деньги.

Крикнувъ онъ тогда на лохмотья самосѣйки; но кромѣ вшей ничего не унало. И великую кучу вшей навалили они передъ нимъ. Сталъ онъ думать: Странно, какъ это случилось!

Пошелъ хвастунишка опять къ пруду и зачалъ по прежнему говорить: Поѣмъ васъ четырехъ зятиковъ!

Стали зѣны разсуждать: Однако же это странно, надавали мы ему столько вещей, а онъ все-таки насъ преслѣдуетъ!

И сказали ему зѣны: Братецъ, ~~Скажи~~ гдѣ ты почевалъ, старуха перемѣнила всѣ твои вещи. Теперь дадимъ тебѣ «бей палку» и «вяжи веревку». Возьми ихъ, ступай въ домъ старухи; скажи тамъ имъ: «Веревки, палка, отнимите у старухи всѣ мои вещи». Они пойдутъ, принесутъ тебѣ всѣ вещи и отколотятъ старуху въ свое удовольствіе.

Отобравъ хвастунишка у старухи свое добро и отколотилъ ее по сказанному.

13.

Умный врачъ.

Однажды нѣкій жюмадаръ (т. е. помѣщикъ) сказалъ врачу:

— Господниъ врачъ! У меня въ желудкѣ поднимается боль!

— Что вы ѣли вчера вечеромъ? спросилъ врачъ.

— Я поѣлъ сыраго хлѣба! отвѣчаетъ больной. Врачъ далъ ему лекарство для глазъ.

— Что это значитъ? спросилъ больной.

— Я далъ вамъ, отвѣчаетъ врачъ, лекарство для глазъ, чтобы вы на будущее время не ѣли сыраго хлѣба!

14.

Горные порядки.

Нѣкій горецъ сошелъ въ равнины.

О божественный брахманъ ¹⁾, спросилъ его какой-то *житель равнины*, въ твоей деревнѣ сколько жителей, сколько домовъ, сколько брадобрѣвъ, сколько прачекъ, сколько вѣстителей?

Брахманъ отвѣчалъ: Господинъ ²⁾, въ моей деревнѣ девять жителей, девять домовъ, девять брадобрѣвъ, девять прачекъ, девять чистителей ³⁾.

Спросили его объяснить этотъ отвѣтъ, и онъ сказалъ: Въ моей деревнѣ жители всѣ дѣла своими руками исполняютъ.

15.

Какъ молодецъ любилъ.

— Какъ мнѣ слюбиться съ молодницей? спросилъ молодецъ свою мать.

— Ступай, сынокъ, къ пруду и сядь тамъ; придетъ молодница туда, ты и брось въ нее камышкомъ. Коль она засмѣется, то знай, что полюбить тебя! Если же не засмѣется, брось въ нее камышкомъ побольше. И такъ бросай, пока не засмѣется, тогда знай, что полюбить тебя!

¹⁾ При обращеніи къ брахману, иногда прибавляется эпитетъ *devatā* т. е. божество.

²⁾ Такъ я перевожу *mahāgāja* соб. великій царь, но въ настоящее время это слово тождественно съ англійскимъ *sig!*

³⁾ Прачка въ Индіи всегда мужского пола. Это ремесло какъ и ремесло чистителя, т. е. подметающаго комнаты, улицы и т. д. считается самымъ презрѣннымъ. Въ Индіи въ каждой деревнѣ есть свой кузнецъ, прачка, водовозъ, жрецъ и т. д. Они работаютъ въ продолженіе года и получаютъ жалованье во время жатвы и кромѣ того небольшія подарки съ cadaго плуга.

Пошелъ молодецъ къ пруду и сѣлъ тамъ.

Въ скоромъ времени пришла туда молодница за водою.

Бросилъ въ нее молодецъ камышкомъ. Не сѣдется! Бросилъ камышкомъ побольше, не сѣдется. Бросилъ и еще и еще. Не сѣдется.

Бросилъ онъ въ нее большимъ камнемъ; а она и сдѣлай свое дѣло (т. е. умерла). Упала молодница и раскрылся у ней ротъ.

Посмотрѣлъ на нее дуракъ да и говоритъ: «Теперь полюбить меня!» А она бѣдненькая лежитъ мертва.

Пришѣлъ въ радостяхъ къ матери и началъ рассказывать:

— Полюбила меня, матушка, молодница. Глазъ съ меня не спускаетъ и ни куда иначе не смотреть.

— Гдѣ же она? спрашиваетъ мать. Какъ же это такъ, она тебя полюбила?

— Бросилъ я въ нее маленькимъ камышкомъ, говоритъ сынъ. Она молчитъ; бросилъ я камышкомъ побольше, она все молчитъ. Бросилъ я въ нее камнемъ тяжелымъ; улыбнулась и съ тѣхъ поръ глазъ съ меня не спускала, а говорить ничего не говорила!

Мать была разумная и поняла, что женщина убита. Побѣжала изъ дому къ пруду и нашла тамъ мертвую. Поснимала съ нее, въ торопяхъ, украшенія и бросила тѣло въ яму. Убила козу и бросила въ прудъ, туда-же.

Сынъ все это видѣлъ, тутъ же пошелъ на берегъ и приказалъ забить въ барабанъ т. е. объявлять.

— Пропаала подруга богатого человѣка! Кто ее найдетъ, великую награду получить!

Сталъ тутъ молодецъ похваляться: Была у меня съ нею любовь!

Присталъ къ нему народъ: Такъ укажи-же, гдѣ она?

Онъ отвѣчалъ: Въ пруду! Пошелъ народъ съ нимъ къ пруду и спрашиваетъ его: Гдѣ-же она?

— Въ водѣ! отвѣчаетъ молодецъ.

— Тащи ее изъ воды! кричатъ ему.

Пошелъ онъ въ воду и спрашиваетъ:

— Что у ней пара ушей была?

— Навѣрно было! отвѣчаетъ народъ.

— Четыре ноги были у ней? спрашивает онъ опять.

— Навѣрно были! отвѣчаетъ народъ.

— А рога были у ней? Спрашивает онъ опять.

Стагъ его народъ тутъ бранить: Тащи скорѣй! кричать ему.

И вытащилъ онъ тутъ козу.

Засмѣялся народъ и приблизъ его.

16.

Грѣхъ и законъ.

Былъ сынъ богача и былъ сынъ брахмана. И сказалъ сынъ богача: «Силенъ грѣхъ»!

— Нѣтъ! сказалъ сынъ брахмана, законъ силенъ.

— Хорошо, сказалъ сынъ богача, пойдемъ и спросимъ четырехъ человѣкъ. Коль скажутъ: грѣхъ силенъ! отрѣжу тебѣ руки и ноги. Коль скажутъ: законъ силенъ! отрѣжъ ты мнѣ руки и ноги!

Пошли они и по дорогѣ повстрѣчали корову. Спросили они у коровы, кто силенъ: законъ или грѣхъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчала корова. Закона совсѣмъ нѣтъ! Домъ моего хозяина полонъ моимъ потомствомъ. И вотъ мой хозяинъ выгналъ меня, старую, въ лѣсъ.

Повстрѣчали потомъ брахмана и спросили его, кто силенъ, грѣхъ или законъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ брахманъ. Если бы законъ былъ силенъ, выгнали-ли бы меня, на старости лѣтъ, жена и дѣти?

Повстрѣчали они потомъ медвѣдя и спросили его:—Ты лѣсной царь, скажи, кто силенъ, законъ или грѣхъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ медвѣдь! Живу я въ лѣсу, а люди меня все таки мучать!

Повстрѣчали они потомъ льва и спросили льва: что силенъ, грѣхъ или законъ!

— Грѣхъ силенъ! отвѣчалъ левъ, живу я въ лѣсу, а люди

ищутъ меня убить, чтобы за это награду получить. Сказалъ тутъ сынъ богача: Четыре человѣка спрошены! Отрѣзалъ онъ сыну брахмана руки и ноги, бросилъ его въ лѣсу, а самъ пошелъ домой.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ, однажды въ праздникъ, сидѣлъ сынъ брахмана подъ деревомъ. Сошлись туда божество, медвѣдь, тигръ, левъ, и стали они понемногу между собою разговаривать.

— Человѣческимъ духомъ пахнетъ здѣсь! говорятъ они. Да тутъ въ ямѣ человѣкъ сидитъ!

Сошелъ медвѣдь въ яму и говоритъ: Зачѣмъ ты, человѣкъ, сюда пришелъ? И стали они всѣ тутъ говорить: На этомъ деревѣ живетъ птица; кто ея навозомъ намажетъ руки и ноги, тотъ исцѣлится! И кто-то изъ нихъ прибавилъ: Подъ этимъ деревомъ два кувшина съ монетою!

Вымазался сынъ брахмана и сталъ съ руками и ногами. Случилось такъ, что въ этомъ городѣ умеръ царь, а народъ выбралъ въ цари сына брахмана. И взялъ онъ изъ подъ дерева кладъ.

Услыхалъ сынъ богача объ этомъ всемъ, пошелъ къ сыну брахмана и говоритъ ему: Отрѣжь мнѣ руки и ноги!

— Нѣтъ! Этого я не сдѣлаю! отвѣчалъ брахманъ. Сталъ сынъ богача настаивать; отрѣзалъ ему сынъ брахмана руки и ноги и бросилъ въ лѣсъ.

Сошлись на то мѣсто божество, медвѣдь, тигръ, левъ, и говорятъ: Человѣческимъ духомъ здѣсь пахнетъ!

А тотъ человѣкъ—въ ямѣ; сошлись они въ яму посмотрѣли, а тамъ человѣкъ сидитъ. Вытащили они его и побили!

17.

Б у т а.

Видѣлъ человѣкъ во снѣ, что повстрѣчалъ Bhūta. Ударилъ онъ Bhūta ногою въ лице и говоритъ ему:

— Ты въ полночь занять мѣсто пришелъ!

Ударилъ онъ его опять. Тутъ онъ проснулся и видитъ, что самъ себя билъ погую.

И разсмѣялся онъ въ умѣ.

18.

Н е в ѣ р у ю щ і й.

Нѣкій человѣкъ задалъ нищему три вопроса; сказалъ онъ ему:

— Зачѣмъ ты говоришь, что Верховный владыка всюду? Я его не вижу! Покажи мнѣ его!

И спросилъ онъ его еще:

— За грѣхи людямъ какое наказаніе онъ назначилъ, и что въ мірѣ дѣлается, развѣ все то не Верховный владыка самъ творитъ? Если бы люди были способны, то всѣ дѣла свершали бы?

И спросилъ онъ въ третій разъ: Зачѣмъ Верховный владыка бросаетъ людей въ адъ?

Какъ задалъ онъ эти три вопроса, нищій взялъ тяжелый камень да и бросилъ ему въ голову. Заплакалъ человѣкъ и пошелъ къ судѣ и говоритъ ему:

— Такому-то нищему задалъ я три вопроса, а онъ мнѣ въ голову бросилъ камень, и болитъ у меня голова съ тѣхъ поръ!

Сказалъ судья нищему:

— Говори, зачѣмъ бросилъ въ него камень? Почему не далъ отвѣта на его вопросы?

— Камень отвѣтъ на его вопросы! отвѣчалъ нищій и прибавилъ: Говоритъ этотъ человѣкъ, что у него голова болитъ! И не болитъ у него голова нисколько! Пусть покажетъ онъ мнѣ эту боль! Тогда я покажу ему Верховнаго владыку. И зачѣмъ онъ ищетъ у тебя суда? Не самъ-ли онъ говорилъ: все что здѣсь дѣлается, дѣлается Верховнымъ владыкою. Если бы на то не была воля Верховнаго владыки, могъ-ли бы я что-либо сдѣлать? И не глина-ное ли у него тѣло? А какая можетъ быть боль въ глиня-номъ?

Выслушавъ тотъ человѣкъ рѣчь нищаго и застыдился. А судья повѣрилъ словамъ нищаго.

19.

Листъ съ изрѣченіями.

Былъ жилъ бѣднякъ брахманъ; была у него жена брахманка. Брахманка бродила, да милостыню попрашивала. Такъ они поживали.

Услыхала разъ брахманка, что есть какой-то царь, и даетъ онъ всякому - по золотому и по коровѣ. Говоритъ брахманка мужу:

— Сидишь ты сиднемъ въ домѣ. Спишь да ѣшь. Пошелъ-бы ты въ такое-то мѣсто: живетъ тамъ царь, каждому даетъ по золотому и по коровѣ. Сегодня-же иди туда. Что выпросишь, то принеси! Отвѣчаетъ на это брахманъ.

— Ничего я не знаю! Какъ пойду въ мѣсто неизвѣстное? И что скажу царю? И сказать-то мнѣ нечего!

— Что по дорогѣ увидишь, то и расскажешь! говоритъ на это брахманка.

Вышелъ брахманъ на дорогу.

Что же онъ увидѣлъ на дорогѣ?

1. Сидитъ ящерица въ ямѣ, высунула морду и приговариваетъ: Кутъ! кутъ!

Посмотрѣлъ брахманъ на это и затвердилъ. Идетъ дальше по дорогѣ, да и твердитъ «кутъ! кутъ!»

Что-же онъ увидѣлъ дальше по дорогѣ?

2. Сидитъ змѣя, зонть подняла и гираули¹⁾ ловить.

Брахманъ посмотрѣлъ на это и запомнилъ: Вытянутая шейка красива на видъ.

Пошелъ онъ дальше. Что же увидалъ онъ дальше?

Подошелъ къ ямѣ съ водою, а въ ямѣ свинья бродитъ. Выдетъ изъ воды, потрется около стѣнки, да опять въ воду.

Посмотрѣлъ брахманъ и заучилъ: Гисъ! гисъ! (звукоподражательное описаніе тренія), и опять ушелъ!

¹⁾ Ghirauli, названіе небольшого насѣкомаго.

Заучилъ брахманъ три сказа:

1. Кутъ! кутъ! (стучить).
2. Вытянутая шейка хороша на видъ!
3. Гисъ! гисъ! (потерся) и опять ушелъ!

Что ты дѣлаешь, то я знаю! Что ты дѣлаешь, то я знаю!

Разсудилъ онъ такъ въ своемъ умѣ, попросилъ кого-то записать все это на листѣ и отдалъ царю. Далъ ему царь подарокъ.

Приказалъ царь прибить къ стѣнѣ то изрѣченіе, въ среднемъ этажѣ, въ спальнѣ, у своей постели въ головахъ и въ ногахъ!

Однажды ночью царь спалъ въ среднемъ этажѣ своего трехъ-этажного дворца. Въ полночь пришли воры.

Кутъ! кутъ! стучать воры, вбивая ломъ въ стѣну. Взошли на верхнюю террасу и *вытянувъ шею*, высматриваютъ: спитъ-ли царь, или нѣтъ?

Гисъ! пошли они въ низъ. *Гисъ!* пошли они въ верхъ.

Вытягиваютъ шею, выглядываютъ!

Проснулся царь и взглянулъ въ ноги, на прибитый къ стѣнѣ листъ, подарокъ брахмана; лежитъ царь, да громко читаетъ:

1. Кутъ! кутъ! стучить!
2. Вытянутая шейка хороша на видъ!
3. Гисъ! гисъ! потерся и опять ушелъ!

Что ты дѣлаешь, то я знаю!

Выглядѣли воры тутъ дорогу. смѣшались и побѣжали!

Услыхали сторожа: *гамъ! гамъ!* (звукоподражательное описаніе шума шаговъ), вскочили, перехватили воровъ и заперли ихъ въ *качери*.

— Кто вы? Изъ какихъ странъ? Спросилъ царь воровъ!

Отвѣчаютъ воры:

— Убей насъ! Зарѣжь насъ! Твоя воля! Принесли мы въ твой домъ воровать! Ты это *узналъ*, мы и побѣжали; сторожа насъ перехватили!

— Что и какъ я узналъ? спросилъ ихъ царь.

Отвѣчали воры:—Стали мы вбивать ломъ, а ты это узналъ: *Кутъ! кутъ!* (стучали). Вытянули мы шею посмотреть, спишь

ли ты, или нѣтъ! А ты узналъ и говоришь: *Вытянутая шейка хороша на видъ!*

Увидали мы, что ты не спишь, и стали ходить внизъ и въ верхъ, а ты говоришь: *Гисъ! исъ! то придетъ, то уйдетъ!*

Вотъ что ты узналъ!

Такъ истъ брахмана сдѣлалъ свое дѣло!

20.

Лату и Бату.

Жилъ былъ Лату и жилъ былъ Бату. И были Лату и Бату два брата.

Сказалъ однажды братъ Бату брату Лату:—Лату, Лату! Сегодня праздникъ. Пойду по домамъ жьотиповъ ¹⁾, пойду звать брахмановъ. Ты-же вымажь домъ глиною и коровьимъ навозомъ. Смѣшай съ водою немного рису; выкрась порогъ и скамью. Вымой старуху мать водою нетеплою и нехолодною!

— Хорошо, братецъ старшій ²⁾! Хорошо! отвѣчалъ братъ Лату.

Пошелъ братъ Бату звать брахмановъ; а братъ Лату пошелъ въ деревню ³⁾, набралъ человѣческаго навозу и вымазалъ этимъ

¹⁾ *Joshi*. Elliot Memoirs vol. I 140 An inferior tribe of Brahmins employed in casting nativities and fostering other superstitious practices of the natives. Their name is corrupted from *jyotishi*, an astrologer, and they are known also by the names of Bhadaria and Dakant. A very different meaning, however, is conveyed by calling a Brahman a Barā Jotishi, which is a title of great consideration, and implies that he is learned in the Jyotish Shastras, without engaging in the actual occupations of Joshis. It is with reference to this original meaning that the Joshis of Kamaon maintain a high character for respectability.

²⁾ Старшій братъ *dadā*, младшій *bhull*

³⁾ Собст.: за деревню, въ *galyādh*, на ту тропинку, по которой выгоняютъ скотъ, и которая въ тоже время служитъ отхожимъ мѣстомъ, для селянъ.

весь домъ внутри. Тамъ-сямъ отыскалъ клею и вымазалъ кле-емъ скамью. Вскипятилъ воды и сталъ кипяткомъ мыть голову матери. Обварилъ старуху, она тутъ-же и померла.

Какъ увидалъ Лату, что старуха померла, мигомъ досталъ въ домъ прялку, поставилъ старуху къ стѣнѣ, нарядилъ ее. Натеръ рису, смѣшалъ муку съ водою и вымазалъ этимъ губы старухи. Взялъ ее да и посадилъ такую въ огородъ, на припекѣ.

Вотъ пришелъ братъ Бату съ господами жьотипами; взошелъ онъ въ домъ и почуялъ, чѣмъ домъ вымазанъ. Говоритъ онъ брату Лату:

— Лату, Лату! откуда это вонь такая?

— Ахъ! братецъ! братецъ! отвѣчалъ Лату, не нашелъ я ко-ровьяго навоза, нигдѣ его нѣтъ. Нашелъ я только человѣческій навозъ. Этимъ вдоволь вымазалъ домъ!

— Пронадай, ты, дурень! Лучше бы тебѣ не родиться, а умереть. Тащи воды!

Пошелъ Лату къ пруду и принесъ изъ пруда воды.

Стали мазать горницу два брата, Бату и Лату

Лату мигомъ спряталъ наверхъ, на *Pāti*¹⁾ скамью, намазанную кле-емъ. Вымазали два брата горницу; провели *черты*²⁾; тутъ Ла-ту мигомъ стащилъ скамью сверху и подставилъ ее брахманамъ.

— Иди, зови старуху мать, свершать приношеніе *rāpīrāgana*³⁾, говоритъ братъ Бату брату Лату, а тотъ отвѣчаетъ:

— Ахъ! братецъ, что ты говоришь? Столько мы съ тобою дѣлъ надѣлали, а мать все это время сидѣла на припекѣ, не то пряла, не то рисъ жевала! Пусть кто нибудь изъ брахмановъ пойдетъ еѣ звать!

Сказалъ братъ Бату къ господамъ брахманамъ: Господа брах-

¹⁾ *Pāti*, доска, привѣшанная на веревкахъ къ потолку; сюда ставится провизія, дрова и пр.

²⁾ Проведенными чертами отгораживается извѣстное мѣсто въ комнатѣ. Здѣсь свершаются молитвы и сидятъ праздно, въ торже-ственные дни.

³⁾ *Rāpīrāgana*. Этотъ обрядъ состоитъ въ приношеніи воды и мелкихъ денегъ. То и другіе домохозяева отдаютъ брахманамъ.

маны! Этотъ малый готовъ умереть, да дѣла не дѣлать. Подите, кто нибудь изъ васъ, позовите старуху!».

Поднялись господа брахманы, а скамья, вымазанная клеемъ, прилипла къ ихъ спинѣ.

Схватился Лату обѣими руками за скамью и говоритъ: — «Господа брахманы, господа брахманы, куда скамью тащите? Скамья наша!»

Пошли господа брахманы въ огородъ, къ старухѣ.

— Старуха! Старуха! кричатъ. Старуха молчитъ. Стали они ее толкать, трясти. Мертва старуха, какъ ей говорить!

Побѣжали господа брахманы въ домъ и говорить:

— Бату! Бату! старуха не говоритъ и не двигается.

Побѣжалъ Бату на огородъ и говоритъ:—Матушка, а матушка! Не отвѣчаетъ старуха. Закричалъ тутъ Бату брату Лату:

— Лату! а Лату! Иди тащить мать сжигать, на кладбище!

А Лату отвѣчаетъ:

— Мигомъ иду! Дай мнѣ только нажарить *urd'a* (*Dolichos Pilosus*) коли дашь, тогда пойду!

А Бату думаетъ себѣ:—Вотъ младенецъ-то! Никто не ѣсть, когдѣ по сосѣдству мертвецъ! А тутъ мать померла; какая же тутъ ѣда!

А Лату все твердитъ: Коли дашь *urd'a*, такъ пойду!

Что дѣлать? Далъ Бату брату *urd'a*. Нажарилъ Лату; подвязалъ къ поясу и взвалилъ на плечи носилки.

Идетъ Лату на кладбище, да сѣмена погрызываетъ; и выпало одно сѣмячко изъ роту на дорогу; сбросилъ мигомъ Лату носилки съ плечъ и сталъ искать сѣмячко.

— Двигайся! говоритъ брату Бату; что тамъ дѣлается? что случилось? Зачѣмъ носилки уронилъ!

— Ахъ! другъ ты мой, братецъ! отвѣчаетъ Лату; упало у меня сѣмячко, пока его не найду, дотолѣ и носилокъ не понесу!

Ужъ онъ искалъ, искалъ сѣмячко. Замѣшкались они. Весь лѣсъ исходилъ Лату. Выскѣзъ огнивомъ огня и поджѣгъ травку, а на травкѣ червячка. Треснулъ червячекъ и упалъ на землю. Мигомъ схватилъ его Лату, да и въ ротъ. Бѣзъ поналъ на зубы

червячекъ, сталъ онъ пищать: чимъ! чимъ! А Лату говоритъ: «чимъ-ли, тимъ-ли! Пищи себѣ, а ты у меня во рту, сѣмичко!»

Жгли, жгли старуху и пришли два брата домой.

Говоритъ Бату брату Лату:

— Лату, а Лату! ступай въ домъ тестя, зови мою жену!

Набилъ корзину хлѣбцами и даетъ брату Лату снести въ домъ тестя.

Вышелъ Лату на дорогу; дни стояли весенніе, вышелъ онъ на дорогу, въ полдень, въ жаръ; идетъ, а его же тѣнь впередъ да впередъ бѣжить. Снялъ Лату корзину съ головы и понесъ ее на спинѣ. Смотритъ онъ на свою тѣнь и говоритъ къ ней, кивая головою:

— Хлѣбецъ ѣшь? А самъ пальцами показываетъ на хлѣбецъ. Что онъ дѣлаетъ, то и тѣнь дѣлаетъ. Бросилъ Лату тѣни хлѣбецъ; а тѣнь все бѣжить, да бѣжить.

— Иль корзинку хочешь? говоритъ онъ тѣни опять. Взялъ да и корзинку бросилъ. А тѣнь все бѣжить.

— Что же ты хочешь теперь? говоритъ опять Лату къ тѣни. Иль хочешь камли (шерстяное одѣяло вмѣсто плаща)?

Отдалъ онъ тѣни свое одѣяло.

— Чего ты хочешь? Или хочешь зипуна (cola, верхнее одѣяніе, родъ длинной рубахи, полотняное)? Отдалъ онъ и зипунъ и пошелъ голый; осталась у него на тѣлѣ одна *dhoti* (тряпочка пониже живота).

Идетъ онъ сердитый и, качая головою, говоритъ опять къ тѣни:—И чего тебѣ надобно? *Dhoti*? Отдалъ тѣни и *dhoti* и сталъ совершенно нагъ.

Пришелъ нагой къ дому братишка тестя; отъ стыда въ домъ не вошелъ, а сѣлъ на дворикѣ, передъ хлѣвомъ. Насталъ вечеръ, а онъ все причется. Вышла на верхнее крылечко сноха и облила его сверху помоями. А Лату сидитъ внизу, да говоритъ:

— Дождь, перестань. Дождь, перестань! Я старшего брата младшій братецъ!

Узнала сноха голосъ деверя и сошла къ нему внизъ. Увидѣла голаго и прикрыла его своимъ верхнимъ одѣяніемъ; а сажа по-

уложилъ голову обѣєю, пошла въ домъ и его съ собою туда привела. Изложила и изложила деверя.

Прошла ночь. Пошелъ Лату со снохою дохой. По дорогѣ пришли въ рѣку. И говорить Лату снохѣ:

— Какъ переходить рѣку, вбродъ или вплавь?

— Вплавь перейдемъ на тотъ берегъ! отвѣчаетъ сноха ¹⁾.

Мигомъ Лату вытащилъ мечъ и снесъ голову снохи; отрѣзалъ ногу, взвалилъ на плечо и скорехонько дошелъ до дому.

Пришелъ Лату домой, ногу привѣсилъ къ потолку, а внизу разставилъ жаровню, чашу. Развелъ въ печкѣ огонь. Нарядилъ бревно женщиною и посадилъ около печки.

Пришелъ Бату и говорить брату:

— Гдѣ твои сноха?

— У печки, хлѣбъ печеть, клецки жаритъ! отвѣчаетъ тотъ. Пошелъ въ домъ Бату и какъ увидалъ, что тамъ дѣлается, съ плачемъ выбѣжалъ оттуда. Въ сердцахъ взялъ да и поджогъ домъ.

Мигомъ Лату вбѣжалъ въ домъ, схватилъ подъ мышку камни мукомолки и пустился было бѣжать.

А Бату говорить ему: — Лату! а Лату! Убилъ ты ее. Вѣдь она была тебѣ сноха! Умерла она! Идемъ теперь въ чужую страну!

Пошли два брата по дорогѣ. Увидалъ Бату, что у брата подъ мышкою камни, и говорить ему:

-- Брось! Брось! На что они тебѣ? Зачѣмъ взялъ ихъ? Коль чашку напелъ, въ ней сварилъ и поѣдимъ! Съ камнями что станешь дѣлать?

- Ахъ! братецъ старшій! отвѣчаетъ Лату, а коль тамъ, куда мы идемъ, камней нѣтъ, что станешь дѣлать?

Такъ и остался онъ съ камнями подъ мышкою.

Настала полночь, пришли они въ лѣсъ, къ одному баньяну. Вѣтали они на дерево, со страху отъ тигровъ и медвѣдей. Пришелъ туда же свадебный поѣздъ и расположился подъ тѣмъ же

¹⁾ Вопросы: *саракат*? въ плавъ (отсѣлка воды) и отвѣтъ: *саракат* *саракат*; въ плавъ (отсѣлка) переправимся, заключаешь въ себя двой-
ной смыслъ.

деревомъ. Сталъ народъ хлѣбъ печь, рисъ варить; всякъ хлопотеть у огня. Наѣлись, напились, поужинали и улеглись спать.

— Ахъ! братецъ старшій! говорятъ Лату брату, животъ заболѣлъ у меня! Что мнѣ дѣлать?

— Молчи! молчи, дитятко! отвѣчаетъ ему Бату. Внизу поѣзжане; изъ ружей перебьютъ насъ!

Не унялся Лату.

— Охъ! братецъ старшій! Сильнѣе животъ заболѣлъ!

Что ему братъ ни говорилъ, а онъ все свое, взялъ да испражнился прямо на головы поѣзжанамъ!

Вскочили поѣзжане, а Лату со страху прикинулся что спитъ.

— Братецъ старшій! говорятъ Лату, возьми ты камни. Устали мои руки!

Трахъ! камень полетѣлъ внизъ, прямо на головы поѣзжанъ. Испугались поѣзжане, повскакали! А Лату тѣмъ временемъ пустилъ внизъ другой камень!

— Что тутъ дѣлается? говорятъ поѣзжане, камни сверху падаютъ!

Убѣжали всѣ, забывъ о невѣстѣ.

А Лату нигомъ схватилъ невѣсту и отдаетъ ее брату:

— Иди, братецъ старшій! Вотъ тебѣ и свадьба!

И повелъ Лату и Бату невѣсту къ себѣ въ домъ.

Такъ-то камни сдѣлали свое дѣло!

21.

Полунѣмой.

Жилъ былъ богачъ и былъ у него одинъ сынъ; былъ этотъ сынъ полунѣмой. Чтобы ему не говорили, на все онъ отвѣчалъ: ха! ха! (т. е. да! да!).

Много старался богачъ и женилъ таки своего полунѣмаго сына.

Прошло нѣсколько дней и пришло отъ тестя къ нѣмому зятю

приглашеніе. Передъ тѣмъ, какъ итти ему къ тестю, сталъ учить богачъ полуиѣмаго сына:

— Сынокъ! Тебѣ чтобы ни говорили, на все ты отвѣчаешь: ха! ха! Такъ не дѣлай! Разъ скажи: ха! (да!); въ другой разъ: не (нѣтъ).

Научилъ такъ богачъ сына, и пошелъ полуиѣмой къ тестю. Шелъ, шелъ и дошелъ до тестя. Пришелъ зять къ тестю и обрадовались всѣ. Посматриваетъ тесть на зятя, да о здоровьѣ спрашиваетъ. Вспомнилъ тутъ полуиѣмой, какъ его отецъ училъ и рѣшилъ въ умѣ, что отвѣчать.

— Иди, зятникъ! говорить тесть.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ полуиѣмой.

— Все-ли у васъ здорово? спрашиваетъ тесть.

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

— Или въ домѣ кто боленъ? спрашиваетъ тесть.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ зять.

— Или отецъ съ матерью больны? спрашиваетъ тесть.

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

— Или наша дочка больна? спрашиваетъ зять.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ зять.

— Да ужъ жить-ли ей? спрашиваетъ тесть.

— Не! (нѣтъ!) отвѣчаетъ зять.

Призадумались тесть съ тещею. Но скоро изготовился обѣдъ; накормили зятя, поѣли сами; купили на базарѣ апѣга (romesgapate) и разныхъ травъ и виѣстѣ съ зятемъ пошли къ нему въ домъ.

Идутъ туда, да горюютъ: Увидать ли намъ дочку!

Приходятъ туда и повстрѣчали дочку. А дочка и здорова и весела. Дивуются тесть съ тещею и рассказываютъ свояку все подробно: То-то и то-то говорилъ намъ твой сынъ!

Услыхалъ богачъ ихъ слова и устыдился.

22.

С и п а й.

Одинъ сипай (солдатъ) въ отпуску сталъ ходить въ лавку купца (Банья); завсегда покупалъ тамъ провизію.

Былъ онъ красивъ. Увидала его разъ жена купца и влюбилась въ него. Позвала его разъ купчиха къ себѣ и говоритъ ему: Ты кто?

— Я сипай! отвѣчаетъ тотъ. Получаю пять рупи въ мѣсяцъ!

Говоритъ ему купчиха: Коль ты мнѣ послужишь, стану давать тебѣ, ежедневно, по золотому!

— Что прикажешь мнѣ дѣлать? спрашиваетъ сипай.

Говоритъ на это купчиха: Вотъ твое дѣло: когда я пожелаю, наслаждайся со мною!

Обрадовался сипай и говоритъ: Отлично! Съ нынѣшняго дня я твой слуга!

Сталъ онъ ходить къ ней, ежедневно, по утрамъ; и наслаждался они вмѣстѣ и получалъ сипай по золотому.

Случилось разъ, какъ пришелъ сипай къ купчихѣ, увидала она, что мужъ идетъ. Мигомъ сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ.

Вотъ принесъ мужъ апельсины и сѣлъ рядомъ съ женой. Стали они ѣсть апельсины и вздумала тутъ жена: Ахъ! ѣмъ я апельсины, хорошо бы было покормить апельсинами дружка!

Говоритъ она мужу: Смотри-ка! чья рука вѣрнѣе бросаетъ! Давай бросать апельсины въ цыновку! Чей апельсинъ попадетъ внутри!

Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется, да ѣстъ!

Поѣли апельсины и пошелъ мужъ въ лавку. Вытащила купчиха дружка изъ цыновки и наслаждалась съ нимъ. Дала ему золотой и отослала изъ дому.

Пошелъ сипай въ лавку и сѣлъ тамъ покурить; а у самого лица такое радостное!

— Что ты сегодня такой веселый? спрашиваетъ его купецъ.

— Истинно! отвѣчаетъ тотъ, веселъ я, потому что очень чудное видѣлъ я сегодня! Наслаждался я съ одной купчихою и дала она мнѣ золотой. Въ это время пришелъ ея мужъ. Мигомъ завернула она меня въ цыновку. Сталъ мужъ съ женою ѣсть апельсины. Захотѣлось женѣ меня апельсинами покорить и говорить она мужу:

— Смотри-ка, кто вѣриѣ бросаетъ! кто попадетъ апельсинами въ цыновку? Стали они оба, мужъ съ женою, бросать апельсинами. И больше ихъ поѣлъ я апельсиновъ! Смѣшно было смотрѣть на женскую мудрость!

Сталъ купецъ думать: Вѣдь я только-что дѣлалъ это самое. Ужъ не моя-ли жена свела съ нимъ дружбу?

— Другъ, говоритъ онъ сипаю, сведи меня разокъ къ твоей подругѣ!

— Какъ это можно!? отвѣчаетъ сипай.

На другой день пошѣлъ сипай опять къ купчихѣ. Только-что онъ къ ней, какъ мужъ въ домъ. Пришелъ мужъ со сладостями.

Мигомъ жена упрятала самую въ корзинку.

Вотъ сталъ мужъ съ женою ѣсть сласти, а жена думаетъ: Мы ѣдимъ сласти, а дружокъ не ѣсть; не хорошо это!

— Посмотри-ка говоритъ она мужу, кто вѣриѣ бросаетъ? кто попадетъ леденцомъ въ корзинку?

Стали они бросать леденцами въ корзинку, а сипай смѣется, да ѣсть.

Вотъ ушелъ мужъ въ лавку, вытащила купчиха дружка изъ корзинки, согрѣшила съ нимъ, отдала золотой и отослала его.

Пошелъ онъ оттуда и сѣлъ въ лавкѣ мужа. И говоритъ ему мужъ: Другъ! Сегодня какую новость скажешь? Что ты дѣлалъ сегодня?

Отвѣчаетъ сипай: Какъ только пришелъ я сегодня къ ней въ домъ, идетъ мужъ, тащить лакомство. Мигомъ спрятала она меня въ корзинку. Накормила она меня леденцами, тѣмъ же манеромъ, какъ апельсинами!

Слушаетъ купецъ и дивуется. Думаетъ онъ про себя: Вѣдь я дѣлалъ такое!—Спрашиваетъ онъ сипая:

Другъ! завтра пойдемъ къ ней?

— Непременно! отвѣчаетъ сипай. Не зналъ онъ, что жена купца его подруга. Завтра, говоритъ, пойду туда, въ полдень!

На другой день купецъ тайкомъ подсмотрѣлъ, куда пойдетъ сипай. Увидѣлъ онъ, какъ сипай пошелъ, какъ вошелъ въ его домъ, и какъ жена приперла двери. Немного погодя, пришѣлъ и мужъ; и кричитъ онъ грозно: Отпирай двери! Спрятала жена сипая въ сундукъ и приперла. Отперла двери. Взошелъ мужъ и сталъ смотрѣть. Нигдѣ не видятъ сипая. Странная вещь! думаетъ онъ, куда сипай ушелъ? Нѣтъ, думаетъ опять, онъ здѣсь гдѣ нибудь въ домѣ!

Вотъ мужъ заперъ всѣ двери и поджегъ домъ. Говоритъ самъ себѣ: Если онъ тамъ, то сгоритъ!

Стало пламя подниматься кругомъ дома, заплакала купчиха и говорить:—Ахъ мой сундукъ съ платьями, родительское подареніе! Вытащи изъ дому мой сундукъ!

Пошелъ бѣднякъ и вытащилъ изъ дому сундукъ, въ которомъ былъ спрятанъ сипай. Тащитъ бѣднякъ сундукъ, а оттуда что-то течетъ; голова его смокла. А жена говорить:

— Разлилось все лекарство, что было въ сундукѣ!

Вотъ въ полночь открыла она сундукъ, и убѣжалъ сипай цѣлъ и здоровъ.

Такъ бѣднякъ понапрасну сжегъ свой домъ.

Послѣ этого онъ съума сошелъ.

23.

Старикъ и зятя.

I.

Жила была старуха и жилъ былъ старикъ. Было у нихъ три дочери. Одну они выдали за шакала, другую за медвѣдя, третью за орла.

Вотъ разъ пошелъ старикъ обѣдать къ медвѣдю. Пришелъ

туда и говорить: Хочется мнѣ поѣсть пирожковъ! ¹⁾ Говорить такъ медвѣдю.

Приказываетъ медвѣдь женѣ: Накали до-красна сковороду, а я пойду въ поле пожевать гороху!

Пошѣлъ медвѣдь въ поле горохъ ѣсть, а жена накалила до-красна сковороду.

Наѣлся медвѣдь и приходитъ домой. Въ брюхѣ у него было много гороху. Выбросилъ онъ этотъ горохъ, а жена натерла гороху, смѣшала со всякими пряностями ²⁾ и положила на сковороду. Сѣлъ на сковороду медвѣдь и смочилъ горохъ своимъ жиромъ. Напекъ медвѣдь пирожковъ и досыта накормилъ старика.

Наѣлся старикъ пирожковъ и пошѣлъ домой. Пришелъ домой и говорить старухѣ: Хорошо я поѣлъ сегодня!

— Ты вотъ ѣлъ, отвѣчаетъ старуха, а я что ѣла?

— Нанеку и тебѣ такихъ же пирожковъ! говоритъ старикъ.

— Отлично! согласилась старуха.

Говорить старикъ старухѣ: Накали до-красна сковороду, а я пойду гороху жару!

Накалила старуха сковороду до-красна, а старикъ нажевалъ гороху. Приходитъ старикъ домой и выбросилъ горохъ. Истерла старуха горохъ.

— Накалила сковороду? спрашиваетъ старикъ.

— Да! отвѣчаетъ старуха.

Сѣлъ старикъ на сковороду и обжегся. Съ трудомъ всталъ и еле живъ остался. Стала старуха его лечить и говорить: Медвѣдь своимъ жиромъ горохъ смочилъ. Развѣ у человѣка столько же жиру натаеть, какъ у медвѣдя?

II.

Захотѣлось разъ старику мяса поѣсть. Пошѣлъ онъ къ своему зятю шакалу.

— Хочется мнѣ мяса!—говорить онъ зятю.

¹⁾ Vafá. Родъ круглаго пирога; готовится изъ съмянъ ирдъа (т. е. *dolichos pilosus*); печется въ маслѣ.

²⁾ Пряности, *masálá*, см. Bate, s. v.

— Обѣщался я тебя мясомъ покормить, говоритъ шакалъ. Пойдемъ къ хлѣву; я заберусь туда и выброшу тебѣ козленка, а ты тащи его домой.

— Отлично! говоритъ старикъ.

Пошли въ хлѣву. Выбресилъ шакалъ изъ хлѣва козленка; стащилъ старикъ его въ домъ шакала.

Наѣлся старикъ мяса и пришёлъ домой.

— Наѣлся я сегодня мяса у зятя шакала! говоритъ старикъ старухѣ.

— Ты наѣлся, а я что ѣла? говоритъ ему старуха.

— И тебя накормлю!

— Ты ужъ разъ спину сжегъ!

— Теперь непремѣнно мясомъ накормлю! Постарюсь для тебя!

— Нѣтъ, нѣтъ! отказывалась старуха.

Не послушался ее старикъ и говоритъ: Я тебѣ изъ хлѣва вытащу жирную козу, ты ее и тащи внизъ, домой.

Согласилась старуха; пошли къ хлѣву. Старикъ на конѣ вѣхалъ въ хлѣвъ. Испугался конь и сталъ брыкаться.

Старуха думаетъ, что коза, и потащила старика подъ-гору. Кричитъ старикъ: Ты меня убила.

— Не говорилъ-ли ты, чтобы я тащила? Я и думала, что это козелъ.

Притащила старуха мужа домой. Кое-какъ чрезъ нѣсколько дней онъ оправился.

III.

Захотѣлось разъ старику посмотрѣть на весь міръ. Взялъ его зять орелъ на крылья и показалъ ему весь міръ.

Посмотрѣлъ старикъ на весь міръ, приходитъ домой и говоритъ своей старухѣ:

— Я весь міръ видѣлъ!

— Ты видѣлъ, а я что видѣла? сказала ему старуха.

— Я и тебѣ весь міръ покажу! обѣщалъ старикъ.

— Ты разъ пироги пекъ, да спину обжѣгъ; въ другой разъ съ коня свалился. Что въ третій разъ сдѣлаешь, я не знаю!

Взялъ старикъ крылья отъ мельницы и пошелъ со старухой

на высокую гору. Пришёл на гору и посадил старуху себя на спину.

Подняться не поднялся, а вниз упал; и оба, старик и старуха, разбились до смерти.

24.

К о ш к а .

Разъ какая-то кошка сунула рыльце въ горшокъ съ молокомъ. Стала вытаскивать назадъ рыльце, да и не можетъ. Разбился горшокъ, а горлышко осталось у ней, на шеѣ.

— Что мнѣ теперь дѣлать? думаетъ кошка про себя.

Побѣжала оттуда и повстрѣчалась съ куропаткою.

— Куда идешь? спрашиваетъ ее куропатка.

— Иду въ *Гаю*, иду въ *Каси* ¹⁾! — отвѣчаетъ кошка, пойдешь со мною!

— Ты меня съѣшь! — говоритъ куропатка.

— Нѣтъ, говоритъ кошка, я крови не проливаю. Смотри у меня на шеѣ рудракша ²⁾.

Пошли вѣстѣ. Шли, шли и пришли къ пещерѣ. Остановились тамъ. Слетѣлось пять, десять и болѣе куропатокъ.

Проголодалась кошка и говоритъ куропаткамъ:

— Уже полночь, спите!

Расположились куропатки спать, кошка опять говоритъ:

— Я васъ покараужу, а вы по одной приходите на смѣну!

Пришла первая куропатка, кошка ее и съѣла.

Пошла другая и издали увидала разбросанныя перья. Увидала, да и не идетъ.

¹⁾ Гаи, городъ въ Бихарѣ, Каси, т. е. Бенаресъ, святыя мѣста для индусовъ.

²⁾ Рудракша, названіе дерева (*Eleocarpus ganitrus*), изъ темныхъ плодовъ котораго дѣлаются четки.

— Ты что не идешь? спрашивает кошка.

— Да ты меня, съ голоду съѣшь!—говоритъ куропатка.

Кошка погналась за куропаткою.

Вспорхнули всѣ куропатки и улетѣли.

Улетѣли куропатки, а кошка осталась въ пещерѣ. Приходятъ двѣ, три мыши. Увидала кошка мышей и притаилась, а мыши и убѣжали.

Вотъ ищетъ кошка мышей, а тутъ пришѣлъ тигръ, да и съѣлъ кошку.

25.

Шакалъ и куропатка.

I.

Жилъ былъ шакалъ и жила была куропатка; были они дружны. Говоритъ однажды шакалъ:—другъ куропатка, хочется, братецъ, мнѣ поѣсть пирожка изъ гороху!

— Хорошо, говоритъ куропатка; завтра исполню твое желаніе.

Вотъ идетъ одинъ жинадаръ (помѣщикъ) съ пирогами. Куропатка подлетѣла къ нему, подъ ноги. Увидалъ куропатку жинадаръ и думаетъ: Хорошо бы убить куропатку!

Какъ только ему эта мысль пришла, тотчасъ же поставилъ онъ корзину на землю и побѣжалъ за куропаткою.

Куропатка сдѣлаетъ четыре перелета и остановится; шесть перелетовъ сдѣлаетъ и остановится. Послѣ четвертаго или пятаго перелета станетъ крылья разбирать. То сядетъ, то полетитъ. Увидала куропатка, что шакалъ вдалека наѣлся пирожковъ, вспорхнула на гору и стала невидима.

Идетъ жинадаръ въ отчаяніи назадъ, къ корзинѣ, и видитъ, что шакалъ ѣстъ пирожки. Взялъ онъ камень и бросилъ въ него. Убѣжалъ шакалъ. Смотритъ жинадаръ на пустую корзину и говоритъ:—Не хорошо быть жаднымъ; куропатки не поймалъ, да и пироги растерялъ! Какъ теперь домой къ дѣтямъ идти?

Пошелъ онъ домой, застыдившись.

Вотъ подлетѣла куропатка къ шакалу и говоритъ:—Ну, другъ, шакалъ братецъ, все ли было по твоему желанію?

Отвѣчаетъ радостный шакалъ:—Да, другъ, куропатка братецъ! Сегодня по твоей добротѣ, я радостенъ! Вдоволь набѣлся пироговъ!

II.

Спрашиваетъ опять куропатка шакала: — Скажи, другъ, чего ты еще желаешь?

— Другъ, куропатка братецъ, говоритъ шакалъ, по твоей милости набѣлся я пироговъ. Осталось у меня одно желаніе!

— Говори, чего хочешь?

— Сметанки да сливочекъ хочется мнѣ поѣсть!

Вотъ на другой день куропатка сдѣлала по-прежнему: идетъ человѣкъ, пастухъ, несетъ на коромыслѣ горшки съ молокомъ да сметаною; несетъ ихъ на базаръ продавать. Подлетѣла ему куропатка подъ ноги. Кружила, кружила да и улетѣла далеко. Увидала куропатка, что шакалъ набѣлся молока и совѣтъ скрылась.

Повернулся въ отчаяніи молочникъ; идетъ къ своему коромыслу и видитъ, что шакалъ молоко ѣстъ; бросилъ онъ издали камнемъ въ шакала. Побѣжалъ шакалъ и разлилъ все молоко, что оставалось.

Пошелъ молочникъ домой, съ пустыми горшками на коромыслѣ. Идетъ да раскаивается: — Никому въ глаза нельзя посмотрѣть!

Подлетѣла куропатка къ шакалу и спрашиваетъ:

— Другъ, шакалъ братецъ, исполнилось ли твое желаніе, набѣлся ли ты молочка?

Сѣбется шакалъ и говоритъ:—Да, другъ, куропатка братецъ! Долго живи! Сегодня набилъ я брюхо! Напилъся молочка!

III.

Какъ сказалъ это шакалъ, говоритъ ему опять куропатка:— Другъ, шакалъ братецъ, теперь чего желаешь?

— Теперь, другъ, куропатка братецъ, мнѣ хочется посмѣяться.

— Хорошо, другъ!

Вотъ на другой день идетъ по дорогѣ толпа факировъ. Увидѣла ихъ куропатка и говоритъ шакалу:

— Спрячься и смотри; я тебя разсмѣшу!

Что же стала куропатка дѣлать?

Миновала она того факира, который позади всѣхъ шелъ, и сѣла на голову шедшему передъ нимъ.

Увидѣвъ куропатку позади шедшій факиръ и изо всей силы тростью ударилъ по головѣ передняго.

Вспорхнула куропатка и сѣла на голову слѣдующаго. У факира назади хотъ кровь изъ головы и текла, а онъ взялъ да и приблизъ передняго палкою.

У ста факировъ на головахъ куропатка посидѣла; у ста факировъ головы палкою побиты, а куропатка жива осталась и улетѣла.

Глядѣвъ шакалъ и много смѣялся. Подлетѣла куропатка къ шакалу и спрашиваетъ:

— Насмѣялся ли, другъ, шакалъ братецъ?

— До того смѣялся, другъ, отвѣчаетъ шакалъ, что кожа у меня разболѣлась! Осталось у меня одно желаніе; завтра тебѣ объ этомъ скажу!

IV.

Вотъ, какъ сошлись они на другой день, куропатка и говоритъ:

— Другъ, шакалъ братецъ, какое у тебя желаніе осталось?

— Спина у меня чешется, другъ, куропатка братецъ, отвѣчаетъ шакалъ; какъ хочешь почеси, тогда мнѣ лучше будетъ!

— Очень это мнѣ трудно, говоритъ куропатка, коль возможно, такъ сдѣлаю!

Говоритъ опять куропатка:—Спѣши, другъ; пойдемъ въ лѣсъ!

Пошли въ лѣсъ и видятъ: расхаживаетъ тамъ охотникъ и четыре собаки съ нимъ.

Какъ только шакалъ съ куропаткою пришли въ лѣсъ, увидѣлъ ихъ охотникъ; увидѣлъ, да и погналъ собакъ за шакаломъ.

Стали собаки шакала кругомъ гонять.

Бричить шакалъ:—Умираю, другъ, куропатка братецъ, умираю!

Слетѣла куропатка съ дерева и стала летать; то перелетитъ, то взлетитъ.

Бросили собаки шакала и погнались за куропаткою. Куропатка поднялась и далеко улетѣла. Ищутъ ее собаки повсюду.

Немного спустя, сошлись опять куропатка и шакалъ. Говоритъ куропатка:

— Скажи, другъ, шакалъ братецъ, перестала ли у тебя спина чесаться или же нѣтъ?

— Да, другъ, перестала у меня спина чесаться; даже ссадины на спинѣ, и въ жаръ меня бросило. Поведи меня туда, гдѣ вода есть!

— Хорошо, пди! говоритъ куропатка; привела шакала на берегъ рѣки, гдѣ мельница стояла.

— Не броситъ ли тебя въ прудъ? спрашиваетъ куропатка шакала.

— Нѣтъ, другъ, поведи меня въ такое мѣсто, гдѣ вода сверху польетъ—проситъ шакалъ.

— Хорошо, пди, поставлю тебя подъ мельничное колесо, а сверху пушу воду ¹⁾.

— Хорошо! согласился шакалъ и пошли оба подъ мельницу.

¹⁾ О мѣстныхъ мельницахъ см. Traill, Statistical sketch of Камаонъ, въ Asiatic Researches, vol. XVI, стр. 187. The grain is ground by means of watermills, which are extremely numerous: the declivity of the rivers, which is always considerable, greatly aids the erection of the machines. A small stream being diverted from the main channel, is carried on a level along the bank, until a sufficient height is obtained to admit of a fall of eight or ten feet: the mill is then erected below, and the stream is directed by an inclined wooden trough on an overshot wheel. The mill stones are commonly from one and a half to two feet in diameter; the grain is placed in a funnel-shaped bag, suspended over a hole in the centre of the upper stone, and drops gradually from it as in a hourglass. By a simple contrivance the shoot of water can be increased or diminished.

Привязала куропатка шакала къ колесу; изготовился онъ, стоитъ. Вотъ и говоритъ ему куропатка:

— Теперь я немного пушу воды!

Сказала и взлетѣла. Скрылась куропатка.

Вотъ какъ куропатка выпустила немного воды, въ эту пору пришелъ мельникъ. Взошелъ въ мельницу, открылъ засыпь, высыпалъ пшеницу, вышелъ и выпустилъ всю воду.

Завертѣлось колесо; вертять и бьетъ шакала.

— Другъ куропатка, остылъ я, вытащи меня!

Услыхала куропатка голосъ друга, вспорхнула и подлетѣла къ мельнику. Порхаетъ у его ногъ. Погнался за куропаткою мельникъ.

Думаетъ про себя куропатка, убѣжалъ теперь шакалъ, поднялась вверхъ и скрылась.

Пришелъ мельникъ на мельницу. Пшеница смололась. Собралъ онъ муку и пошелъ домой.

V.

— Другой день не встрѣчалась я съ шакаломъ! думаетъ куропатка, куда онъ ушелъ? Пошла подъ мельницу и увидѣла шакала брата. Стоитъ шакалъ братецъ, осклапалъ зубы на небо и весь окоченѣлъ.

Увидѣла куропатка мертваго шакала и горько плакала.

Улетѣла оттуда и соединилась съ другими куропатками.

ated at pleasure, and the wheel is stopped by removing the wooden trough, when the water passes through a channel under the wheel. A mill requires but one person (usually a boy) to attend it, and will grind from three to four mannds in the day.

26.

Четырехъ дѣлъ не дѣлай.

I.

Умпралъ одинъ человекъ и сказалъ своему сыну:

Сынъ! четырехъ дѣлъ не дѣлай! Первое дѣло: не говори женѣ, того, что у тебя на сердцѣ (1).

Второе дѣло: не дружись ты съ *râcelî*¹⁾, а дружись съ *rândî* изъ высшей касты²⁾ (2). Третье дѣло: не дружись съ малымъ богачемъ, а дружись съ большимъ богачемъ (3). Четвертое дѣло: съ царскими слугами не дружись, а дружись съ самимъ царемъ! (4).

Сказалъ это отецъ сыну и померъ.

II.

Задумалъ сынъ испытать этотъ завѣтъ и сдружился со всѣми: во первыхъ сдружился съ малымъ богачемъ, а потомъ съ большимъ. Сдружился съ царскими слугами, а потомъ и съ самимъ царемъ. Сдружился съ *râcelî* и съ *rândî* изъ высшей касты.

Вотъ разъ задумалъ онъ испытать жену. Укралъ царскаго павлина и говорить женѣ:—Изжарь нынѣ павлиньего мясца!

А самъ павлина спряталъ: зарѣзалъ голубя, да и говорить женѣ:—Изжарь этого павлина; изъ царскаго дому я укралъ его!

Изжарила жена голубя. Поѣли мяса оба.

На другой день, рано утромъ пошла жена къ пруду, за водою. Идетъ по дорогѣ, да передъ спутницами зубы чистить.

— Ты вчера что ѣла? спрашиваютъ ее спутницы. Отчего ранехонько утромъ въ зубахъ ковыряешь? А та говорить:

¹⁾ *Râcelî* (срв. у Bate, *râcanâ* to be affected, or imbued with love, to be strongly attached, *râcâ* imbued with love) женщина низшей касты, проститутка, но въ то же время служительница въ храмѣ.

²⁾ *Kaumatavâli rândî* проститутка по происхожденію, высшей касты, *Kauma* у Bate a tribe, caste, sect, people, nation, family, house or dynasty.

— Мужъ мой изъ изъ царскаго дому павлина укралъ; наѣлись мы мяса.

Пошли спутницы по домамъ; рассказали обо всемъ мужьямъ; а тѣ донесли царю.

Приходятъ царскіе слуги схватить вора. А тотъ руки, ноги вымылъ и обѣдать приготовился. Не дали ему царскіе слуги поѣсть; схватили его и привели къ царю.

— Гдѣ мой павлинъ? спрашиваетъ его царь.

— Съѣлъ я его! *mañagājā* (великій царь), отвѣчаетъ тотъ.

Отдалъ царь приказъ повѣсить его. Говоритъ опять тотъ царю:

— Дозволь мнѣ, *mañagājā*, на минутку сходить домой, а потомъ и вѣшай меня!

— Хорошо! сказалъ царь и позволилъ ему сходить домой.

Пошелъ онъ съ начала къ *rācelī* и говоритъ ей:

— Завтра меня повѣсятъ!

Стала она грустна: намазала слюнами глаза, чтобы показать ему, что и она плачетъ. Плачетъ, да и говоритъ ему потомъ:

— Ахъ! другъ, какъ мнѣ тебя поминать? Подари ты мнѣ ту шаль, что на тебѣ надѣта. Буду я смотрѣть на шаль, да тебя вспоминать!

Отдалъ онъ ей шаль.

Повели его послѣ того вѣшать. И тѣ-же царскіе слуги, кому онъ даривалъ по тысячѣ рупи, бьютъ его башмаками и кричатъ:— «Спѣши, поворачивайся!»

Дошла вѣсть обо всемъ до малаго богача. Пришелъ онъ къ бѣдняку; снялъ съ него турбанъ и говоритъ:— «Стану я думать, что этотъ турбанъ мнѣ стоитъ тысячу рупи!»

Дошла вѣсть до большого богача; пошелъ онъ къ царю и говоритъ:— *Rājā-sa'ab*, (господинъ царь!) отпусти его; сколько онъ вѣситъ, столько тебѣ дамъ серебра, золота. Что пожелаешь, то дамъ тебѣ!»

Не послушалъ его царь.

Ведутъ его вѣшать; бьютъ въ барабаны, въ ладони. Увидѣла это изъ своего дому *gandī* высшей касты и сказала царскимъ слугамъ:

— Не вѣшайте его, пока я не вернусь изъ царскаго дому!

Побѣжала она къ царю и говоритъ тамъ:

— Mahāgāja, дай тебѣ столько серебра, золота сколько онъ вѣситъ. Отпусти его. Коль этихъ не доволенъ, повѣсь меня вмѣсто него. А его отпусти!

Не послушалъ ее царь.

III.

Вотъ говоритъ бѣднякъ:

— Коль отдашь я павлина назадъ, отпустить ли меня царь?

Побѣжали люди къ царю и говорятъ:

— Mahāgāja, говоритъ онъ: «павлинъ у меня въ дому, отпусти меня!»

Хорошо! Коль приведетъ павлина, такъ я его отпущу! сказалъ царь.

Побѣжалъ бѣднякъ домой и привелъ оттуда павлина, къ царю назадъ.

— Зачѣмъ ты все это дѣлалъ? спрашиваетъ его царь.

— А онъ отвѣчаетъ царю:

— Какъ умиралъ мой отецъ, такъ говорилъ мнѣ, четырехъ ты дѣлъ не дѣлай. Сталъ я испытывать его слова, и все это сдѣлалъ.

Былъ царь очень доволенъ. Подарилъ ему деревню, и далъ ему награду.

— Что ни говорилъ мой отецъ, какъ умиралъ, все то справедливо!

И пересталъ онъ съ тѣхъ поръ со всѣми дружитья.

27.

Богачъ и бѣднякъ

I.

Khima и *Saṅkar* были два брата. *Khima* былъ бѣднякъ, *Saṅkar* былъ богачъ. *Khima* ходилъ въ лѣсъ, рубилъ дрова, продавалъ ихъ на базаръ и тѣмъ пропитывалъ свою семью.

Попелъ онъ однажды въ лѣсъ и застала его тамъ ночь. Вотъ приходятъ туда ночью сорокъ воровъ. Увидалъ ихъ *Khima* и испугался. Увидалъ воровъ *Khima* и взобрался на дерево *pīral* (*ficus religiosa*).

Пришли туда сорокъ воровъ, потому что подъ тѣмъ деревомъ былъ у нихъ большой домъ. И былъ этотъ домъ со всѣхъ сторонъ запертъ, и только съ одной стороны отпертъ. И было въ томъ домѣ богатство воровъ; а снаружи, у дверей былъ большой камень. Пошли въ домъ воры и все, что ни накрали, все туда поставили, все туда стащили.

Все это видѣлъ съ дерева бѣднякъ. Какъ ушли воры, слѣзъ онъ съ дерева, сдвинулъ камень и вошелъ въ домъ.

И увидалъ онъ, что весь домъ полонъ драгоценными камнями, серебряными и золотыми деньгами. Навьючилъ онъ на своего осла столько, сколько тотъ могъ снести, и пошелъ съ добромъ, домой. Какъ пришелъ онъ домой, жена его была въ тотъ день очень радостна.

Перетаскалъ онъ къ себѣ все добро такимъ образомъ.

II.

Спрашиваетъ его разъ братъ:

— Какъ это ты сталъ такимъ богачемъ?

Онъ и говоритъ:

— Сходилъ я разъ въ лѣсъ, тамъ богатство получилъ!

— Укажи мнѣ, гдѣ ты богатство получилъ! проситъ братъ.

— Хорошо, пойдемъ! Я тебѣ укажу!

Повелъ онъ туда брата, указалъ ему дерево и говоритъ: —

— Сюда ночью придутъ сорокъ человекъ; ты имъ скажи: дайте мнѣ богатства; они съ большимъ удовольствіемъ дадутъ!

И было у него на умѣ: — Хорошо было-бы, какъ бы воры его убили!

Попелъ тотъ бѣднякъ въ лѣсъ; ночью приходятъ воры. Увидали они его и говорятъ:

— Вотъ онъ, кто насъ обокралъ; хватайте его, и убейте его!

А онъ отъ страху побѣжалъ; прибѣжалъ домой и всѣ сорокъ воровъ съ нимъ прибѣжали. Пришли въ его домъ, да и убили

его тамъ. Наругались надъ его женою всё сорокъ человѣкъ. Померла она; да помпрая и сказала ворамъ:

— Изъ-за богатства вы меня убили, а богатство-то взяло у зятя моего въ домъ!

III.

На другой день окружили сорокъ воровъ домъ *Khim'ы* и порѣшили его убить. Подслушала жена *Khim'ы* ихъ совѣтъ; и вскипятила масло въ сорока сосудахъ ¹⁾.

Вотъ ночью приходятъ воры. Разбили крышу и спускаются по одиночкѣ, въ домъ. Схватила она первого и бросила въ масло. Сталъ спускаться второй и его тоже убила. И переморила она, такимъ образомъ, всѣхъ сорокъ воровъ.

Все богатство, что осталось отъ воровъ, стащила къ себѣ въ домъ.

И стали они послѣ того такими богачами, что не было имъ равныхъ.

28.

Четыре драгоценности.

Былъ одинъ царь и былъ у него одинъ сынъ. Однажды говоритъ царевичъ отцу:

— Батюшка, хочется мнѣ на свѣтъ посмотрѣть.

— Хорошо, сынъ, отвѣчаетъ царь, ступай, посмотри на свѣтъ!

Пошелъ царевичъ къ своей женѣ и говорить:

— Иду на свѣтъ посмотрѣть. Ты чего желаешь, о томъ скажи; куплю тебѣ!

Отвѣчала жена:

— Хорошо! Купи мнѣ четыре вещи:

Первую вещь: изъ хорошаго дурное, вторую вещь: изъ дур-

¹⁾ *Киръ*, каменный сосудъ большихъ размѣровъ.

наго хорошее, третью вещь: собаку *kotva'a* (полицейскаго), четвертую: осла съ престола!

— Хорошо! отвѣчалъ царевичъ; пошелъ онъ къ отцу и говорить:

— Bābā-jī (батюшка)! ухажу теперь!

Говорить отецъ:

— Сынъ, сколько ты войска возмешь?

— Я, батюшка, возьму одного коня; пойду, какъ простой путникъ.

Пошелъ онъ оттуда безъ войска и даже конюха не взялъ съ собою. Шелъ, шелъ и дошелъ до Дельги. Подошелъ онъ къ городскимъ воротамъ и повстрѣчалъ тамъ одного человѣка. Подарилъ онъ этому человѣку золотой и сказалъ:

— Позови мнѣ, *kotva'a* (полицейскаго)!

Позвалъ тотъ человѣкъ *kotva'a* (полицейскаго); сказалъ царевичъ полицейскому:

— Дай травки моему коню! И дай мнѣ что нибудь поѣсть!

Приготовилъ все это *kotva'a* (полицейскій). Вынулъ царевичъ золотой и отдалъ *kotva'a* (полицейскому). Обрадовался полицейскій и говорить царевичу:

— Вы здѣсь долго поживете?

А царевичъ отвѣчаетъ:

— Непзвѣстно, не могу сказать, какъ долго!

— Вамъ бы домъ нанять!

— Хорошо! согласился царевичъ.

Нанялъ полицейскій царевичу домъ. Осмотрѣлъ царевичъ весь городъ Дельги. Давалъ онъ полицейскому по золотому ежедневно.

Вотъ сдружился царевичъ съ одною Патаръ, и сколько у него было денегъ, всё передавалъ ей.

Въ томъ городѣ жила принцесса, дочь бѣднаго царя. Была она на выданѣ. Разъ говорить *kotva'a* царевичу:

— Mahārājā, есть здѣсь дочь одного царя; великая она красавица и невѣста. Отлично было бы, кабы вы на ней женились!

— Хорошо! согласился царевичъ. Увидалъ онъ принцессу,

влюбился въ нее и женился на ней. И были они оба очень довольны.

Ходилъ царевичъ ежедневно на охоту и однажды вздумалъ испытать свою жену. Пошелъ онъ охотиться на дикихъ козъ, убилъ одну козу и отрѣзалъ ей голову. Завязалъ онъ онъ голову козы въ платокъ, принесъ ее домой и повѣсилъ.

Спрашиваетъ его жена:

— Это что такое?

А онъ отвѣчаетъ:

— Сегодня не встрѣтилъ я никакого звѣря. Повстрѣчалъ я одного человѣка и отрѣзалъ ему голову. Смотри, не говори никому!

— Испугалась жена и говорить про себя:

— Какой мой мужъ злой, людей убиваетъ!

На другой день царевичъ опять пошелъ на охоту; убилъ козу; завязалъ ея голову въ платокъ и повѣсилъ у себя въ домѣ. Такимъ образомъ убилъ онъ семь козъ; и развѣсилъ ихъ головы въ своемъ домѣ.

Увидѣла это его жена и стала скорбѣть:

— Убиваетъ онъ людей постоянно; какъ разъ и меня убьетъ!

Пошелъ царевичъ, однажды, на охоту; а жена позвала *kotvala* (полицейскаго) и говоритъ ему:

— Ты говорилъ, что выдашь меня замужъ за очень хорошаго человѣка. Смотри, семи человѣкамъ онъ поотрѣзалъ головы! Что ни день, то убиваетъ по человѣку!

Вотъ *kotval* (полицейскій), которому царевичъ ежедневно давалъ по золотому, скорехонько донесъ обо всемъ падишаху.

— *Mañâgâjâ* (великій царь), пришелъ сюда иѣкій царевичъ. Что ни день, то убиваетъ онъ по человѣку. До семи головъ висятъ въ его домѣ!

— Ты какъ объ этомъ узналъ? спрашиваетъ падишахъ.

— Мнѣ его жена объ этомъ сказала! отвѣчаетъ полицейскій.

— Хорошо! повѣсить его! отдай приказъ падишахъ.

Вотъ *kotval* (полицейскій), которому царевичъ съ самаго приходу ежедневно давалъ по золотому, пошелъ его схватить. Схватилъ его полицейскій и привелъ къ падишаху.

— Хорошо! повѣсь его! говоритъ падишахъ.

Услыхала объ этомъ Патаръ и скорехонько пришла къ падишаху:

— Маһагаја, говорила она, не разспросилъ ты его хорошенько и отдалъ приказъ повѣсить! Спроси его, убивалъ ли онъ людей или нѣтъ?

Какъ сказала Патаръ, такъ и сдѣлалъ падишахъ. Спросилъ царевича:

— Ты убивалъ ли людей или нѣтъ?

А тотъ отвѣчаетъ:

— Зачѣмъ меня спрашивать? Повѣсить меня теперь отданъ приказъ!

Спрашиваетъ падишахъ *kotval*'а (полицейскаго):

— Ты какъ узналъ?

Отвѣчаетъ *kotval* (полицейскій):

— Жена его мнѣ говорила, что убилъ онъ семь человѣкъ, завязалъ ихъ головы въ платки и повѣсилъ въ своемъ домѣ!

— Хорошо! говоритъ падишахъ, принести мнѣ эти платки!

Принесли платки падишаху; развязалъ онъ ихъ и вытащилъ козьи головы. Застыдился и сталъ грозить *kotval*'у (полицейскому):

— Ты зачѣмъ, своими глазами не видѣвъ, донесъ?

— Жена его мнѣ такъ сказала! говоритъ полицейскій.

Спросилъ падишахъ жену, а она отвѣчаетъ:

— Мнѣ мужъ такъ говорилъ: не нашелъ я звѣря, такъ убилъ человѣка. Вотъ я и сказала *kotval*'у (полицейскому)!

— Ты зачѣмъ все это дѣлалъ? спрашиваетъ падишахъ царевича.

Отвѣчалъ царевичъ:

— Въ тотъ день, какъ уходилъ я изъ своей страны въ Индустанъ, наказывала мнѣ жена принести четыре вещи. Сдѣлалъ я все это, чтобы добыть четыре эти вещи!

— Какія же эти четыре вещи? спрашиваетъ падишахъ.

Говорилъ царевичъ:

— Первая вещь: изъ дурнаго хорошее (1). Вторая вещь: изъ хорошаго дурное (2). Третья вещь: собаку *kotval*'а (полицейскаго) (3). Четвертая: осла съ престола (4). Всѣ четыре ве-

щи досталъ я теперь. Первая вещь, изъ дурнаго хорошее, это Патаръ. Почему? Не достойна она довѣрія; кто ей пѣйса (мелкая монета) дастъ, тотъ къ ней и идетъ. А она то и хороша, потому что спасла меня. (1)

Вторая вещь: изъ хорошаго дурное. Это моя замужняя жена! Почему? Сказалъ я ей: смотри, ни кому не говори! А она kotval'у (полицейскому) рассказала. Поэтому изъ хорошаго дурное! (2)

Третья вещь: это kotval (полицейскій). Передалъ я ему около трехъ, четырехъ сотенъ золотыхъ. А онъ скорехонько пришелъ меня вѣшать. Не было у него ни малѣйшей жалости ко мнѣ, а потому онъ-то и есть собака kotval'a (полицейскаго). (3)

Четвертая вещь: это ты, оселъ съ престола. Своими глазами не видалъ, а по словамъ kotval'a (полицейскаго) отдалъ приказъ повѣсить меня. Ничего ты не знаешь. Поистинѣ ты оселъ съ престола!

Выслушалъ падишахъ его слова и сильно застыдился.

— Скажи мнѣ истину, ты кто? спрашиваетъ падишахъ царевича. Отвѣчалъ тотъ:

— Я сынъ нѣкоего царя!

Посадилъ его падишахъ съ собою на престолъ. Женилъ его на своей дочери и говорить:

— Дарю тебѣ полцарства; оставайся при мнѣ; у меня кромѣ дочери нѣтъ другихъ дѣтей!

— И я одинъ сынъ у отца! отвѣчалъ царевичъ.

Пошелъ царевичъ съ молодою женою, въ свой городъ и Патаръ взялъ съ собою. Пришелъ домой.

— Принесъ мнѣ мою покупку? спрашиваетъ его жена.

— Ха! (да!) отвѣчаетъ царевичъ и рассказалъ ей все происшествіе.

Выслушала жена и была очень довольна.

29.

Счастливы́й дуракъ.

I.

Былъ малый. Говоритъ онъ однажды своей бабушкѣ:

— Бабушка, пойду сегодня къ тестю!

Говоритъ онъ опять бабушкѣ:

— Бабушка, коль теща меня спроситъ: ты гдѣ сегодня ѡлѣ, или: ты что сегодня ѡлѣ? такъ что мнѣ сказать?

Говорила ему бабушка:

— Ты, внучекъ, скажи: дома ѡлѣ, *khicadi*¹⁾ (похлебку) ѡлѣ!

— Бабушка, какъ же мнѣ это запомнить? спрашиваетъ опять малый.

— А ты, внучекъ, иди по дорогѣ, да и тверди: *khicadi*, *khicadi*! учила его бабушка.

Вышелъ малый на дорогу и твердитъ:—*khâ cadî*, *khâ cadî* (ѣшь, птица! ѣшь птица!)

По дорогѣ, у одного жинадара (землевладѣльца) птицы стали рись клевать. Растянулъ жинадаръ сѣти. А тутъ идетъ малый, да твердитъ: *khâ cadî*, *khâ cadî*! (ѣшь, птица! ѣшь, птица!)

Разсердился жинадаръ, и говоритъ:

— Какой вдовій сынъ сталъ тутъ говорить: *khâ cadî*, *khâ cadî* (ѣшь, птица! ѣшь, птица!)

Посмотрѣлъ жинадаръ и увидалъ малаго. Много былъ онъ малаго и сказалъ ему:

— Ты, вдовій сынъ, говори такъ: идите, въ сѣть падайте!

Пошелъ малый впередъ по дорогѣ и твердитъ:

— Идите, въ сѣть падайте!

Стоять по дорогѣ воры и говорятъ между собою:

— Какой вдовій сынъ сталъ тутъ говорить: идите, въ сѣть падайте!

¹⁾ *Khicadi*, у Bato, s. v. a certain dish made of pulso and rice boiled together.

Увидали они малаго, приближили его и говорятъ ему:

— Ты говори, приходите и берите!

Вотъ сталъ малый твердить: — приходите и берите! Идетъ по дорогѣ впередъ. Несутъ мертвеца. Услыхалъ его рѣчь народъ и сталъ говорить:

— Какой вдовій сынъ твердить: приходите и берите! Увидалъ народъ малаго и много билъ его. Говорятъ ему:

— Ты ступай, да тверди: такого чтобы ни съ кѣмъ не случилось!

Пошелъ малый впередъ, по дорогѣ и сталъ твердить:

— такого чтобы ни съ кѣмъ не случилось!

Идетъ по дорогѣ свадебный поѣздъ и слышитъ его слова.

— Какой вдовій сынъ тутъ говорить: такого чтобы ни съ кѣмъ не случилось! говорятъ поѣзжане. Много они били его башмаками. Съ великимъ трудомъ добрался онъ до тестя.

Пришелъ онъ къ тестю, да и спрятался. Стали дѣти въ домѣ ѣсть, онъ все это подсмотрѣлъ. Какъ настала ночь, пришелъ онъ къ тещѣ, да и говоритъ:

— Такое знаніе я прибрѣлъ, что кто съѣлъ, то я знаю!

Разнеслась вѣсть: — пришелъ въ деревню зять такого-то человека. Вычиталъ онъ такое-то знаніе!

Дошла вѣсть до царя. Призвалъ его царь; а самъ взялъ въ руки кузнечика (pilagaŋa), да и спрашиваетъ малаго: ¹⁾

— Что у меня въ рукѣ?

Испугался малый, да и говоритъ самъ себѣ:

— Охъ! Pilagaŋi! (такъ малаго звали) смерть твоя пришла!

А царь-то думаетъ: — сказалъ, что у меня въ рукѣ кузнечикъ (Pilagaŋa)!

Отпустилъ его царь.

III.

Пропало у царя бриліантовое ожерелье. Призвалъ царь малаго и говоритъ ему:

¹⁾ Pilagaŋa, кузнечикъ; у Bate pila и. пр. значитъ a young bird
По скр. pilana a large black ant.

— Если ты мнѣ чрезъ полиѣсяца не принесешь ожерелья, я тебя повѣшу!

Проходятъ пятнадцать дней. Ни ѣсть, ни пьеть малый. Плачетъ, да зоветъ бабушку и мать:

— Охъ! Сâpiyâ! Охъ! Muniyâ! Куда мнѣ итти? Что мнѣ дѣлать?

Были у царя двѣ служанки: Сâpiyâ и Muniyâ. Онѣ-то и украли ожерелье. Услыхали они, что малый говоритъ: испугались, пришли къ нему и говорятъ:

— Mahârajâ! Мы украли ожерелье и спрятали въ такомъ-то мѣстѣ твое ожерелье!

Не зналъ малый, какъ ночь провести. Прошла ночь, пошѣлъ онъ къ царю.

— Гдѣ мое ожерелье? спрашиваетъ царь его. Отвѣчаетъ малый:

— Mahârajâ! Твое ожерелье въ такомъ-то мѣстѣ!

Посмотрѣлъ царь и остался очень доволенъ.

Далъ малому большую награду и пошѣлъ тотъ домой.

30.

К л а д ъ.

Есть извѣстная пословица: коли богъ захочетъ подать, такъ чрезъ окно подастъ.

Пришѣлъ разъ нѣкій человекъ на корточки. А былъ въ томъ мѣстѣ сухой пенъ. И укололся сильно этотъ человекъ. Разсердился онъ и выдернулъ съ корнемъ тотъ пенъ. У корня былъ большой сосудъ, полный богатства. Посмотрѣлъ тотъ человекъ на сосудъ и говоритъ:

— Великъ, не стащу! Если у бога на сердцѣ есть желаніе дать, такъ изъ окна подастъ!

Не понесъ онъ богатства домой. Оставилъ его тамъ и ушелъ.

Вотъ ночью рассказываетъ онъ женѣ этотъ случай. Услыхали его тутъ его-же родные.

— Сидиши, говорить ему жена, теперь-же притащи сосудъ съ богатствомъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Болю богъ захочетъ подать, такъ изъ окна подастъ

Какъ услышалъ его родственникъ, скорехонько побѣжалъ. Прибѣжалъ туда, смотреть; а сосудъ полонъ змѣй и ящерицъ.

Разсердился онъ сильно. Прикрылъ онъ тотъ сосудъ плащомъ и потащилъ его къ дому того человѣка. Пришелъ, взобрался на крышу, да и вытрясъ весь сосудъ черезъ окно. Какъ сталъ онъ трясти, тутъ же услышалъ звонъ рупій.

— Что за причина? Не понимаю! Запускалъ я руку и не было тамъ ничего, кромѣ змѣй и ящерицъ; а теперь звенятъ рупіи!

Испугался родственникъ. Сыгралъ свадьбу своего сына, и много рупій истратилъ. По той причинѣ:—въ домъ роднаго, говорилъ онъ, набросалъ я змѣй и ящерицъ. Большой грѣхъ я сдѣлалъ!

А тотъ человѣкъ проснулся на другой день, увидѣлъ рупіи да и говорить женѣ:

— Не говорилъ ли я: колю Богъ захочетъ подать, такъ чрезъ окно подастъ. Смотри какъ онъ подалъ!

31.

Несчастливая жена.

Нѣкій человѣкъ былъ на двухъ женатъ. И было между женами много ссоры.

Сильно любилъ мужъ вторую жену. Сшилъ онъ ей разъ много хорошихъ платьевъ. А первой женѣ ничего не шилъ. Разсердилась эта. Разъ, какъ пошла вторая жена ѣсть, старшая жена сожгла всѣ ея платья.

*

Разсердился мужъ сильно и много билъ ее; она и убѣжала изъ дому.

Шла она семь дней и пришла къ дому нѣкоего *hanvāl'*а. ¹⁾ Пожила тамъ. Надоѣла она *hanvāl'*у и выгналъ онъ ее, изъ дому.

Побѣжала она оттуда въ лѣсъ и повстрѣчала въ лѣсу факира. Спрашиваетъ ее факиръ:

— Ты кто? Куда идешь?

Она отвѣчаетъ:

— Я жена одного купца. Мужъ меня прибилъ, я и убѣжала изъ дому. Въ домѣ у меня соперница. Мужъ въ нее влюбленъ. Меня все бьетъ; съ нею всегда спать, а со мной не спать!

Вотъ спрашиваетъ её опять факиръ:

— А теперь ты куда идешь?

— А теперь иду мужа искать! отвѣчаетъ она.

Далъ ей факиръ немного плодовъ. Она поѣла. Пошли виѣстѣ. Шли, шли, настала ночь. Легли они спать въ *Dharmasāl'*ѣ. Ночью посмотрѣлъ на нее факиръ и распалился. •

Сталъ онъ говорить:

— По ночамъ ходить тутъ левъ. Коля человѣкъ одинъ спитъ, съѣсть его левъ. Лучше будетъ, коля мы оба виѣстѣ будемъ спать. Такимъ образомъ другъ другу жизнь спасемъ!

Испугалась бѣдняжка и легла на постель къ факиру. Согрѣшилъ факиръ.

— Теперь ты женись на мнѣ! говоритъ она факиру.

Факиръ смылъ съ тѣла пепелъ. Бросилъ факирство и ради этой жены занялся купеческимъ дѣломъ. Говоритъ однажды жена факиру:

— Много добра у моего перваго мужа. Если ты умѣешь колдовать, умори его. А жену его себѣ въ жены возьми!

— Ха! (Да!) умѣю я колдовать! отвѣчаетъ факиръ.

Вотъ привела она факира въ домъ своего перваго мужа. Сдружился съ нимъ факиръ. Накормилъ его заколдованною ѣдою. Съ ума сошелъ бѣднякъ, до того, что сталъ ѣсть навозъ.

¹⁾ *Hanvāl*. Название низкой касты. Женщины этой касты пласуны.

Взялъ себѣ факиръ въ жены его вторую жену и сталъ владѣть всѣмъ его добромъ. Влюбился онъ сильно во вторую жену ¹⁾).

Разсердилась разъ сильно первая жена и говоритъ:

— Первый мужъ былъ сильно влюбленъ въ нее, и второй тоже!

Разъ, какъ спали два человѣка на постелѣ, нашелъ на нее гнѣвъ, схватила она мечъ и прирѣзала обоихъ.

На другой день, рано утромъ стала плакать, кричать:

— Приходили вору, мужа моего убили и все добро расхитили!

Послѣ этого сыграла она свадьбу съ третьимъ мужемъ.

32.

Умные зятя.

I.

Былъ одинъ царь и было у него четыре сына. Говорятъ разъ сыновья отцу:

— Батюшка, жени насъ!

— Нѣтъ у меня денегъ теперь васъ женить! отвѣчалъ имъ отецъ.

Разсердились сыновья; выбрали по хорошему коню и выѣхали изъ дому.

Шли, шли и пришли въ нѣкій городъ. У царя того города были дочери на выданѣ. Остановились царевичи въ домѣ у царя.

— Вы что будете ѣсть? спросилъ ихъ царь.

— Mahārāja! говорилъ первый, дай мнѣ стаканъ воды и укажи мѣсто, гдѣ спать, я и засну.

— Mahārāja! сказалъ второй, дай мнѣ чашку молока, да чашку воды; я помолюсь, да и засну.

¹⁾ *Saut* вторая жена, одновременно съ первой. Одна жена, въ отношеніи другой *saut*.

— Mahārāja! сказалъ третій, если бы я нашелъ чашку воды да *haluvā*, ¹⁾ такъ я бы и заснулъ.

Mahārāja! сказалъ четвертый, еслибы я нашелъ немного мяса, да чашку воды, такъ я бы и заснулъ.

Вотъ дали имъ такія кушанія. Они поѣли и легли спать.

Встали они рано утромъ. Посылаетъ къ нимъ царь одного человѣка:—Ступай, говоришь ему царь, и спроси ихъ: mahārāja, что случилось въ прошлую ночь?

Отвѣчалъ первый:

— Братецъ, въ моей постелѣ конскій волосъ, и лежитъ онъ подъ четвертой простынею!

Подняли постель и позвали прачку; вытащила прачка четвертую простыню, а тамъ бумага, а на ней конскій волосъ, длиною въ девять локтей.

— Очень разуменъ этотъ человѣкъ! сказали люди.

Говорилъ второй:

— Братецъ! молоко было коровье, но запахъ въ немъ буйвола!

Позвали молочника, а тотъ говоритъ:

— Молоко коровы! Но, mahārāja, въ молодости у этой коровы мать померла, и повилъ я ее буйволинымъ молокомъ. Оттого отъ коровьяго молока и пахнетъ буйволомъ!

Вотъ спрашиваютъ третьяго:

— Расскажи, братецъ, что случилось съ тобою?

Говорилъ третій:

— Братецъ, ѣлъ я *haluvā* и ѣда пахла *urd'*омъ (*Dolichos pilosus*)!

Позвали повара и спрашиваютъ его:

Ты въ чемъ пекъ *haluvā*?

Тотъ отвѣчаетъ:

— Mahārāja! въ маслѣ пекъ.

— Говори правду!

— Mahārāja! я правду говорю!

¹⁾ *Halustā* названія кушанья, въ которой входитъ между прочимъ, мука, сахаръ, масло и т. п.

— Такъ отчего-же *haluvā* пахнетъ *urd'омъ* (*Dolichos pilosus*)?

Пошелъ поваръ къ купцу и спрашиваетъ:

— Братецъ! какая то мука?

А тотъ отвѣчаетъ:

— *Maḥārājā*, отъ муки *urd'омъ* (*Dolichos pilosus*) пахнетъ. Ходилъ я, *maḥārājā*, на мельницу молоть ее, а въ той мельницѣ былъ *urd* (*Dolichos pilosus*) насыпанъ. Шесть, семь разъ я вытираю, и все таки въ мельницѣ пахло *urd'омъ*!

Пришелъ поваръ назадъ, къ царскимъ слугамъ, и говоритъ:

— *Maḥārājā*! справедлива его рѣчь!

Заговорилъ четвертый:

— Братцы! Ыль я мясо, но отъ мяса человѣческимъ мясомъ пахло!

Позвали мясника ¹⁾ и спрашиваютъ его:

— Братецъ! отчего козлиное мясо пахнетъ человѣческимъ?

Отвѣчаетъ тотъ:

— Въ дѣтствѣ у этого козленка мать померла. Жена моя половину своего молока давала козленку, а половину своему ребенку. Поэтому и пахнетъ отъ козлинаго мяса человѣческимъ!

— И этотъ справедливъ! сказали царскіе слуги. Пошли къ царю и донесли:

— Изъ четырехъ четверо очень справедливы!

— Позвать ихъ сюда! приказалъ царь слугамъ. Пошли слуги и привели къ царю четырехъ человѣкъ. Посмотрѣлъ на нихъ царь и сказалъ:

— Очень красивы эти малые! Хорошо было бы женить ихъ на дочеряхъ!

Вотъ отдалъ царь приказъ слугамъ:

— Вымойте ихъ!

Отдалъ царь этимъ четверемъ человѣкамъ четырехъ своихъ дочерей. Сыгралъ свадьбу.

¹⁾ *Vosaḍ* мясникъ (ф здѣсь произносится какъ *ḍ*).

II.

Заболѣлъ у царя родственникъ и чрезъ мѣсяцъ померъ. Въ этомъ городѣ, кто на кладбище ходилъ мертвого сожигать, тотъ домой никогда не возвращался.

Говорилъ царь своимъ совѣтникамъ:

— Ступайте, сожгите его!

Совѣтники завидовали царскимъ зятьямъ и сказали царю:

— Завтра или послѣзавтра отдашь ты свое царство зятьямъ. А дѣла мы дѣлаемъ. Посылай своихъ зятьевъ! И сказалъ царь зятьямъ:

— Ступайте, сожгите его!

Рѣшили четыре брата:

— Спѣшите, братцы! что будетъ, то увидимъ!

Взяли они родственника, положили его на носилки и понесли на кладбище. Пришли туда и говорятъ между собою:

— Братцы, въ ночи четыре раһар, ¹⁾ а насъ четыре брата. Одинъ будетъ стеречь, а трое будутъ спать!

Настала очередь старшаго брата. Сталъ онъ ходить и увидалъ въ одномъ мѣстѣ свѣтъ. Взялъ мертвеца и пошелъ туда. Смотритъ, и что-же тамъ?

Привелъ Ракшасъ одну женщину; такъ-сякъ загородилъ ее. Съ большимъ трудомъ нашелъ молодецъ дорогу туда. А Ракшасъ ушелъ за дровами. Взошелъ молодецъ за ограду и спрашиваетъ женщину:

— Ты зачѣмъ сюда пришла?

А женщина отвѣчаетъ:

— Я царская дочь; спала я въ своей комнатѣ; пришелъ онъ и увелъ меня. Завязалъ мнѣ лицо, да и говоритъ: я тебя съѣмъ, оставайся здѣсь!

Сказалъ ей молодецъ:

— Придетъ сюда Ракшасъ, разведетъ огонь и поставитъ на

¹⁾ *Paһar* у Бате, в. в., a division of time, consisting of eight gharees, being an eight part of a day, i. e. three hours... Strictly speaking the *paһar* is the fourth part of a natural day or night, and consequently varies in length from six to nine gharees according to the latitude and the season of the year...

огонь сковороду съ масломъ: «Пляши!» скажетъ онъ тебѣ. А ты ему отвѣтъ: «Bābā-jī! (батьюшка!) не умѣю я плясать! Станетъ онъ тебя учить плясать и, какъ начнетъ кружиться около сковороды, ты его толкни, упадетъ онъ на сковороду съ масломъ.

Ушелъ молодецъ до прихода колдуна ¹⁾ и спрятался въ одномъ мѣстѣ. Пришелъ колдунъ и говоритъ:

— Дочка, походи кругомъ сковороды!

Она отвѣчаетъ:

— Я не умѣю!

Сталъ колдунъ ходить кругомъ, она его толкнула на сковороду. Тутъ вышелъ молодецъ, отрѣзалъ колдуну косы и сжегъ его. А косы оставилъ у себя.

Пошла домой царевна, а молодецъ вернулся на кладбище.

— Братцы! кому любезна вторая очередь? спрашиваетъ онъ.

Всталъ второй братъ. Привязалъ себѣ на спину мертвеца и говоритъ:

— О! Нараяна, исполнилась очередь старшаго брата! Какъ-то ночь пройдетъ!

Увидалъ онъ свѣтъ и пошелъ въ ту сторону. Пришелъ туда, смотреть—а тамъ одинъ Ракшасъ. Какъ заиграетъ онъ на свирѣли, приходитъ къ нему царица изъ міра Индры ²⁾ и наслаждается онъ съ нею. Какъ заиграетъ онъ во второй разъ, падаютъ къ нему съ неба плоды и сласти, и поѣдаетъ онъ ихъ. Заиграетъ въ третій разъ, съ неба летитъ корзина съ питьемъ. Заиграетъ въ четвертый разъ, и все уходитъ на небо.

Подожелъ молодецъ и схватилъ Ракшаса за голову.

— Дай мнѣ обѣщаніе! говоритъ онъ ему.

— Обѣщаюсь! отвѣчаетъ Ракшасъ.

— Оживи моего мертвеца, и подари мнѣ свирѣль!

Далъ ему Ракшасъ черный и бѣлый хвостъ ³⁾, и сказалъ:

¹⁾ Jogi собств. подвижникъ, обладающій сверхъестественными способностями; онъ же и колдунъ. Ракшасъ—демонъ. Въ сказкѣ одно и то же лице называется колдуномъ и демономъ.

²⁾ Индра, древній богъ индійцевъ. Народъ помнитъ это имя, хотя теперь Индрѣ не молятся, и нѣтъ храмовъ Индры.

³⁾ Saṁvagar u Bate, s. v., a kind of flapper for driving away flies.

— Помашешь бѣлымъ, онъ оживетъ; чернымъ—онъ умретъ!

Далъ ему Ракшасъ свирѣль и сказалъ:

— Коль случится у тебя несчастіе, поиграй на ней; я предстану предъ тобою. Ежеминутно не играй!

Пошелъ молодецъ назадъ на кладбище.

— Братцы! Кому очередь мила? спрашиваетъ онъ.

Всталъ третій братъ и говорить:

— О! Нараяна! Двѣ стражи ночи (pahar) два брата какъ провели?

Навязалъ на спину мертвеца и пошелъ. Видитъ въ одномъ мѣстѣ огонекъ и пошелъ въ тотъ домъ. А тамъ Пари ¹⁾ изъ міра Индры въ кости играютъ.

— И я поиграю! говоритъ молодецъ.

— И ты поиграй! отвѣчаютъ онѣ.

Сталъ онъ играть и побѣдилъ всѣхъ. Идутъ онѣ въ міръ Индры. А онъ ихъ не пускаетъ. Говорятъ онѣ ему:

— Ты чего отъ насъ желаешь?

— Оживите этого мертвеца! говоритъ онъ имъ.

Дали онѣ ему черный и бѣлый листъ и говорятъ:

— Коль бѣлый листъ на него уронишь, онъ оживетъ, а на живого черный уронишь, онъ помретъ!

Пошелъ онъ оттуда на кладбище и говорить:

— Братцы! кому очередь мила?

Всталъ четвертый братъ и привязалъ мертвеца за спину. Пошелъ и увидалъ въ одномъ мѣстѣ Ракшаса, а на деревѣ связанную женщину. Подбѣгаетъ къ ней Ракшасъ; рѣжетъ мясо, да ѣстъ. Были у Ракшаса зубы въ локоть длиною и косы были.

Прыгнувъ на Ракшаса молодецъ и убилъ его ногою. Взялъ себѣ его косы и длинные зубы.

Исполнилась очередь четвертаго. Пошелъ онъ на кладбище, разбудилъ братьевъ. Разсвѣло, вымыли они лица и говорятъ другъ другу:

It is generally made of peacock's feathers, sometimes also of the tail of a species of ox (*Bos grunniens*) and is waved over the head of any great personage to keep off flies.

¹⁾ *Pari*, тоже что пери, у *Bate* с. т. а fairy.

— Братцы, какова была прошлая ночь?

Первый братъ показываетъ косы; второй и третій оживили мертвеца. Четвертый показываетъ зубы и косы.

Пошли они къ царю; а царь испугался, да побѣжалъ; насилу могли его поймать.

III.

Стали они жить. Трехъ братьевъ царь на охоту посылалъ, а четвертый дома оставался. Придутъ братья домой, да наслаждаются.

Заиграетъ одинъ на свирѣли. Придутъ къ нимъ изъ міра Индры Пари. Веселятся съ ними, набѣдятся небесныхъ плодовъ и сластей.

Однажды говоритъ царь второму брату:

— Ступай и ты на охоту!

Заперъ онъ свирѣль семью замками и пошелъ. Отперла ящикъ его жена и заиграла на свирѣли.

Сошлись Пари изъ міра Индры. Отдала имъ жена свирѣль и сказала:

— Randi! чтобы отыши въ вашихъ лицъ не было видно здѣсь!

Пришелъ мужъ домой; сталъ искать свирѣли и не нашелъ.

Сталъ онъ факпромъ и двѣнадцать лѣтъ былъ имъ. А чрезъ двѣнадцать лѣтъ получилъ назадъ свирѣль и пришелъ домой.

33.

Умный царевичъ.

I.

Былъ одинъ царь и было у него семь сыновъ. Вотъ разъ царь раздумался:

— Какъ женю я старшаго царевича, такъ хорошо будетъ!

Подслушали царевичи его рѣшеніе и говорятъ между собою:

— У какого царя есть семь дочерей, на тѣхъ мы женимся!
Иначе не женимся!

Сказали они отцу:

— Батюшкѣ, жени насъ на семи дочеряхъ одного царя!

Удивился царь и говоритъ:

— Гдѣ же такой царь, у котораго было бы семь дочерей?

Послалъ царь четырехъ человекъ въ четыре стороны свѣта
и сказалъ имъ:

— Болѣ найдете такого царя, великую награду дамъ вамъ!

Вотъ разъ ходилъ одинъ брахманъ по западной сторонѣ и
увидалъ, какъ въ одномъ озерѣ семь царевенъ купаются. Разу-
ждали царевны между собою:

— У какого царя есть семь сыновъ, за тѣхъ мы выйдемъ
замужъ!

Услыхалъ ихъ рѣчи брахманъ и спрашиваетъ ихъ:

— Вы чьи дочери?

— Мы дочери царя! отвѣчаютъ онѣ.

Сказалъ имъ брахманъ:

— Какъ вы говорите, такъ и сыны моего царя говорятъ.
Ряди этого и пришелъ я сюда!

— Отлична твоя рѣчь! отвѣчаютъ царевны. Ступай къ па-
шему отцу: спроси нашъ janmapatra ¹⁾). Сговорись съ нимъ!

— Пришелъ брахманъ, ищетъ онъ невѣсть сыновьямъ сво-
его царя! Дошелъ такой слухъ до царя. И отдалъ онъ приказъ:

— Позовите его!

Пришелъ брахманъ къ царю. Почтилъ его царь. Привелъ въ
свой совѣтъ; посадилъ и своихъ брахмановъ призвалъ. Осмотрѣ-
ли они гороскопы и порѣшили, старшему жениться на старшей,
младшимъ на младшихъ.

Говоритъ брахманъ:

— Mahārāja! Отъ нынѣ на осьмой день придетъ нашъ поѣздъ.
Приготовься какъ слѣдуетъ!

Пошелъ брахманъ оттуда домой и сказалъ своему царю:

¹⁾ Janmapatra, Bate s. v. horoscope, nativity, a genealogical table.

— Mahārāja! Нашелъ я невѣсть! Такому-то царю я сказалъ:
«отнынѣ на осьмой день приведу поѣздъ!»

Одарилъ царь брахмана многими добромъ.

На осьмой день вышелъ ихъ поѣздъ на дорогу. Самый млад-
шій сынъ говоритъ отцу:

— Батюшка! Иди ты съ шестью сынами, а я дома оста-
нусь на тотъ случай, если придетъ какой-либо нашъ врагъ, да
заберетъ все наше царство. Тогда, что станемъ дѣлать?

И сказалъ онъ еще:

— Уходите вы все; но, не останавливайтесь у такого-то
озера.

— Хорошо! Не остановимся! сказалъ царь. Оставилъ въ до-
мѣ младшаго сына. Взялъ поѣздъ и пошелъ въ царскій домъ.
Пришелъ туда, и шесть сыновъ женилъ на шести царевнахъ, а
седьмую выдаютъ за *katārā* ¹⁾.

Вотъ стала седьмая принцесса плакать:

— Не пойду замужъ! говоритъ она. «Мой супругъ или слѣпъ,
или хромъ, или глухъ или безрукъ? Оттого онъ и не пришелъ!»

Стали шесть сестеръ утѣшать ее.

— Ты наша милая. Не заботься! Твой мужъ самый краси-
вый! Если же нѣтъ, то шесть дней мы будемъ жить съ мужья-
ми, а на седьмой тебя отдавать!

Такъ онѣ согласились. Съ большимъ трудомъ совершили об-
рядъ *ācal* ²⁾ надъ седьмою царвною съ *katārā*.

Сыграли свадьбу. Вышелъ на дорогу поѣздъ. А отецъ же-
нниковъ остался позади. Вотъ остановился поѣздъ у того самаго
озера. Стали ѣсть-пить. Въ это время приходитъ отецъ жени-
ховъ. Переполнилось озеро и потонули шесть его сыновъ, семь
снохъ и весь поѣздъ.

Говорилъ тутъ царь:

¹⁾ *Kaṭārā* 1. The aloe plant. 2. The medicinal plant, Globe thistle
(*Echinops echinatus* Roxb).

²⁾ *ācal* окончательный обрядъ при совершеніи брака. Онъ со-
стоитъ въ томъ, что платья жениха и невѣсты связываются.

— Сказалъ мнѣ мой сынъ: у такого то озера не останавливайся! Какъ я ему теперь покажусь? Лучше и мнѣ потонуть!

И какъ уже хотѣлъ прыгнуть въ озеро, топиться, вышелъ оттуда *sidhi* (чудотворецъ) и сказалъ ему:

— Смотри! Не прыгай!

Услыхалъ царь его слова и спрашиваетъ;

— *Yogi*! зачѣмъ ты мнѣ говоришь, не топись?

— Если ты мнѣ обѣщаніе дашь, такъ я вытащу весь твой поѣздъ и отдамъ тебѣ! отвѣчалъ *Yogi*.

Пообѣщавъ царь:

— Вытаскивай мой поѣздъ и давай!

Стало озеро по прежнему; вышелъ весь поѣздъ.

Сталъ тутъ кухарь обѣдъ готовить, а ѣдоки принялись ѣсть.

Вотъ говоритъ царь чудотворцу:

— Проси чего хочешь!

— Отдай мнѣ, царь, младшаго сына! просить тотъ.

Ничего не сказалъ на это царь.

II.

Узналъ младшій сынъ: «Отдалъ меня отецъ чудотворцу!» и сѣлъ на коня.

Увидалъ его царь и упалъ безъ чувствъ. А увидала царевича на конѣ его жена и обрадовалась.

Говорилъ царевичъ:

— Батюшка, ты царствуй, не заботься! Черезъ шесть мѣсяцевъ отнынѣ, домой вернусь!

Пошелъ онъ къ *Yogi*. Увидѣла его жена, вскочила съ постели и уцѣпилась за хвостъ коня.

— Ты куда идешь? спрашиваетъ ее царевичъ.

— Куда ты идешь, туда и я! отвѣчаетъ она.

— Ступай домой; черезъ шесть мѣсяцевъ отнынѣ я назадъ приду!

Не послушалась его царевна. Взялъ онъ ее на коня и поѣхалъ; ѣхалъ, ѣхалъ и доѣхалъ до того озера. Пріѣхалъ туда, ударилъ коня; конь и прыгнулъ въ озеро. И пошелъ онъ оттуда къ *Yogi*.

Двѣнадцать лѣтъ какъ Yogi изготавилъ ему обѣдъ. Накормилъ его, да и говорить:

— Вотъ для чего я звалъ тебя: у одного царя есть дочь; когда она смѣется, въ это время роняетъ рубины, когда плачетъ, въ это время роняетъ перлы. Отецъ изъ жадности не выдаетъ ее замужъ. Ступай и женись на ней!

Вышелъ царевичъ на дорогу изъ озера, а царевну оставилъ съ Yogi.

Шелъ, шелъ и увидалъ; пасеть пастухъ козъ. Двѣ тысячи козъ у него въ плащѣ. Вырвалъ онъ пребольшое дерево. Корнемъ уперся въ небо, а вѣтви дошли до ада.

Подоселъ къ нему царевичъ и говорить:

— Братецъ! великій ты силачъ!

Онъ отвѣчаетъ:

— Mahâgâja! Какой я силачъ? Вотъ идетъ человѣкъ жениться на царевнѣ *Hirâ*, такъ тотъ силачъ!

— Я туда иду! говоритъ царевичъ.

— Mahâgâja! я съ тобою пойду!

— Отлично! согласился царевичъ. — Пойдемъ!

Пошли оба по дорогѣ и увидали одного человѣка, какъ онъ собственную жену убиваетъ. Пускалъ онъ въ нее стрѣлы: въ глаза, уши, ротъ—не попадалъ, а въ носъ попадалъ. Посмотрѣли на это, и говоритъ царевичъ;

— Братецъ! великій ты силачъ! Въ глаза, уши, ротъ не попадаешь; а въ носъ попадаешь!

Отвѣчаетъ тотъ человѣкъ:

— Какой я силачъ! Вотъ идетъ жениться на царевнѣ *Hirâ* одинъ царь, такъ тотъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ ему царевичъ.

— И я съ тобою пойду! говоритъ тотъ человѣкъ. Пошли три человѣка. Повстрѣчали они, слѣпца; сидитъ онъ протянулъ руку.

Говоритъ ему царевичъ:

— Ты зачѣмъ протянулъ руку?

— Когда стрѣлы царя Подры падаютъ, такъ я ихъ ловлю! отвѣчаетъ слѣпецъ.

— Братецъ, великій ты силачъ!

— Mahāgajā! Какой я силачъ! Ёдетъ жениться на царевнѣ Hirā одинъ царь, онъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ слѣпому царевичъ. А тотъ отвѣчаетъ:

— Постой здѣсь; я съ тобою пойду. Вотъ упадетъ стрѣла, я ее поймаю!

Упала стрѣла; поймалъ ее слѣпецъ, истеръ и бросилъ. Пошли четыре человѣка; въ полночь повстрѣчали плотника. Пошли пять человѣкъ вѣстѣ. Легли спать, а плотникъ началъ свою работу. Построилъ дворецъ съ двадцатью-двумя галлерейми и двадцатью-двумя дверями. Взглянулъ на дворецъ царевичъ и говоритъ:

— Другъ, плотникъ! великій ты силачъ!

А тотъ говоритъ:

— Mahāgajā! Какой я силачъ! Идетъ жениться на царевнѣ Hirā одинъ царь, тотъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ ему царевичъ.

— Такъ я съ тобою пойду! говоритъ плотникъ.

— Отлично! согласился царевичъ. Пошли. Видятъ они человѣка съ одною ногою; въ одну минуту собираетъ онъ вѣсти изъ четырехъ странъ свѣта.

— Ты куда ѣдешь? спрашиваютъ они его.

Онъ отвѣчалъ:

— Въ одну минуту собираю я вѣсти изъ четырехъ странъ свѣта?

— Великій ты силачъ! говорятъ они ему.

— Какой я силачъ, братцы! Идетъ жениться на царевнѣ Hirā одинъ царь; тотъ великій силачъ!

— Этотъ царь я! говоритъ царевичъ.

— Пойду и я съ тобою!

— Отлично! согласился царевичъ.

Пошли шесть человѣкъ.

III.

Вотъ приходятъ они къ царевнѣ Hirā. Увидала она царевича и обрадовалась.

— Накормите хорошенько и напоите этих людей! приказываетъ своимъ слугамъ.

Накормили ихъ слуги, и поселились они тамъ. Прошелъ мѣсяцъ.

Однажды отецъ царевны вышелъ въ садъ погулять; увидалъ онъ царевича и остался имъ доволенъ.

Женилъ онъ царевича на дочери. Какъ женился царевичъ и пошелъ къ Yogi въ то озеро.

Увидалъ его Yogi, обрадовался и говоритъ:

— Иди теперь домой!

— Mahārāja! Зачѣмъ мнѣ домой идти? говоритъ царевичъ.

Уговорилъ его Yogi. Пошелъ царевичъ домой. Подарилъ ему Yogi много богатства и жену отдалъ.

Взялъ царевичъ двухъ женъ и пошелъ домой. Увидалъ его отецъ и очень обрадовался; все царство отдалъ сыну.

34.

Женское поведеніе.

I.

Пошелъ царевичъ въ лѣсъ охотиться; по дорогѣ встрѣтилъ человѣка. На головѣ у человѣка была корзина съ глиною.

— Что ты дѣлаешь съ глиною? спросилъ царевичъ того человѣка.

— Понесу ее на базаръ, да продамъ! отвѣчалъ тотъ.

— Сколько *найса* добудешь?

— Двѣ, четыре *анна* добуду!

Вынулъ царевичъ золотой и отдалъ тому человѣку и говорить.

— Возьми себѣ золотой, а мнѣ глину отдай!

Вытѣпалъ царевичъ изъ глины куклу и сказалъ тому человеку:

— Покажи эту куклу на базаръ и говори: это женское поведеніе!

Взялъ тотъ куклу, понёсъ ее на базаръ и показываетъ:

— Вотъ женское поведеніе!

Нѣкая дочь точильщика ¹⁾ увидѣла это, да и говоритъ:

— Это не женское поведеніе!

Ударила дѣвка по куклѣ кулакомъ и разбила её. Заплакалъ тотъ человѣкъ и пошелъ къ царевичу.

— Mahāgājā! говоритъ онъ ему, какая-то дѣвка, дочь то- чильщика разбила куклу, да сказала: Это не женское поведеніе!

Разсердился царевичъ:

— Хорошо! Гдѣ эта дѣвка? Укажи мнѣ ея домъ?

Указалъ тотъ человѣкъ дѣвкинъ домъ царевичу.

Пошелъ царевичъ къ своему отцу и говоритъ:

— Жени меня на дочери точильщика. Не то я умру!

— Отлично! согласился отецъ; и позовавъ точильщика въ свой домъ и говоритъ ему:

— Сына хочу женить на твоей дочери!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Mahāgājā! Какъ такое можетъ случиться. Вы царь, а я мечи точу; не можетъ этого случиться!

— Истинно, хочу женить сына на твоей дочери! говоритъ царь.

Пошелъ царскій брахманъ посмотрѣть на дочь точильщика.

Была она очень красива, такъ точно какъ и царевичъ.

Сыграли ихъ свадьбу съ великимъ шумомъ.

II.

Послѣ свадьбы выстроилъ царевичъ женѣ дворецъ и сдѣлалъ въ этомъ дворцѣ одно только окно. Окружилъ этотъ дворецъ рвомъ, глубиною въ ростъ человѣка и всегда полнымъ водою. Заперъ тамъ жену; поставилъ воды ей на годъ, и спрашиваетъ ее:

¹⁾ *Tigudā*, названіе касты точильщиковъ.

— Скажи миѣ, что такое женское поведеніе?

А она отвѣчаетъ:

— Я вѣдь женщина, какъ миѣ это знать? Коль ты миѣ не расскажешь, какъ миѣ тебѣ это сказать?

Заперъ ее тамъ царевичъ, а самъ ушелъ.

Разъ эта дѣвка выѣзла оттуда чрезъ окно; сняла съ себя платье; вытерла тѣло золою и перерядилась факиромъ. Пошла на базаръ и стала тамъ плясать, пѣть, на свирѣли играть. Услыхали это люди; собрались, и всѣмъ понравилось ея пѣніе. Услыхалъ царевичъ похвалы факирову пѣнью и игрѣ. Послушалъ онъ факира и остался доволенъ.

Послѣ этого захотѣлось ей мужа; посматривала она въ лѣсъ и увидала тамъ чернаго пастуха. Поманила его изъ окна, онъ къ ней забрался въ домъ. Былъ онъ такъ страшенъ, что кто ни увидитъ его, тотъ испугается.

Ходилъ онъ къ ней каждый день и грѣшилъ съ нею.

III.

Однажды пошелъ царевичъ въ лѣсъ охотиться. Захотѣлось ему пить. Поискалъ онъ воды и не нашелъ. Взобрался онъ на дерево и что-же увидалъ съ дерева? Увидалъ, какъ дымъ поднимается изъ Маѳа. Пошелъ онъ туда и что-же видитъ? Сидитъ тамъ факиръ и разложилъ вареный рисъ на трехъ тарелочкахъ. Очень удивился царевичъ и говорить самъ себѣ:

— Вижу я одного факира, а разставилъ онъ три тарелочки передъ собой?

Что же сталъ факиръ дѣлать? Вынулъ онъ изъ кося коробочку, открылъ ее, и вышли оттуда двѣ женщины, великія красавицы; далъ факиръ каждой по тарелочкѣ, а съ одной тарелки самъ ѣлъ. Поѣли и послѣ того стали наслаждаться.

Все это царевичъ видѣлъ спрятавшись. Наслаждался факиръ и послѣ того колдовствомъ заперъ тѣхъ женщинъ въ коробочку, а коробочку спряталъ себѣ въ косы.

Подождалъ царевичъ къ факиру и говорить ему:

*

— Bābā jī! (Батюшка!) Дай мнѣ немного воды испить!

Далъ ему факиръ воды испить. Напился царевичъ.

Спрашиваетъ его факиръ:

— Милый! ты кто? Откуда и куда идешь?

Отвѣчалъ царевичъ:

— Mahāgājā! Я царскій сынъ; пошелъ на охоту и захотѣлось мнѣ пить. Пришелъ я къ тебѣ воды напиться!

— Хорошо, милый! говоритъ факиръ, а теперь чего желаешь?

— Mahāgājā! отвѣчаетъ царевичъ, теперь мнѣ хочется, чтобы ты хоть разъ ко мнѣ пришелъ и поѣлъ-бы въ моемъ домѣ!

— Отлично! согласился факиръ.

Вотъ пошелъ царевичъ оттуда. Пошелъ туда, гдѣ заперта была дочь точильщика. Пришелъ туда, да и говоритъ ей:

— Наготовь всякой ѣды и поставь четыре тарелки!

Наготовила она всякой ѣды. Въ тотъ день пришелъ къ ней утромъ пастухъ. Завернула она его въ плетенку и поставила къ стѣнѣ.

Пришелъ царевичъ и факпра съ собою привелъ. Вотъ поставилъ царевичъ передъ факпромъ три тарелки.

Удивился сильно факиръ и говоритъ:

— Милый! ты зачѣмъ передо мною поставилъ три тарелки? Кто станетъ ѣсть съ нихъ?

Отвѣчалъ царевичъ:

— Bābā-jī! (Батюшка!) Кто нибудь да поѣстъ?

Думаетъ факиръ:

— Навѣрное онъ узналъ мой обычай!

Вынулъ онъ изъ кося двухъ женъ. И позналъ колдовствомъ о спрятанномъ пастухѣ. Говоритъ факиръ опять царевичу:

— На одну тарелку положи мнѣ нной ѣды!

Положилъ царевичъ на одну тарелку нной ѣды. — Вотъ говоритъ опять факиръ, (обращаясь къ пастуху:)

— Иди, малый! Выходи и ты! Иди!

Вышелъ черныи пастухъ и поѣлъ виѣсть съ факпромъ.

Думаетъ жена:

— Теперь мужъ навѣрное меня убьетъ!

А царевичъ смотритъ на пастуха, да изумляется:

жена. Въ этотъ день царь Индра посмотрѣлъ на ея пляску и остался очень доволенъ:

— Проси, чего хочешь! сказалъ онъ плясунѣ.

— Mañāgājā! отвѣчала она, подари мнѣ тотъ брильянтовый перстень, что у тебя на рукѣ!

Царь далъ ей въ награду тотъ перстень. Заплясала она и во время пляски отдала перстень царевичу. Обрадовался онъ, а люди удивляются:

— Зачѣмъ она ему отдала перстень?

На другой день была опять пляска. Пошелъ царевичъ опять туда. Посмотрѣлъ царь Индра на пляску и остался очень доволенъ:

— Проси, чего хочешь! говоритъ плясунѣ.

Mañāgājā! Подари мнѣ то ожерелье, что у тебя на шеѣ! просить перн.

Подарилъ ей царь Индра ожерелье, а она отдала и это царевичу, своему мужу. Взялъ царевичъ ожерелье и былъ очень доволенъ. Пошелъ въ свой дворецъ.

Поплясала жена и пришла тоже туда, перерядившись факиромъ. Говоритъ факиръ (т. е. жена) царевичу, своему мужу:

— Теперь пойдемъ на землю!

— Да! Yāg-vāji, (другъ почтенный!) нужно идти теперь на землю! отвѣчалъ царевичъ.

Съшли оба въ dolā (носилки) и спустились на землю.

У.

Вотъ истекъ годъ. Перерядилась жена женщиною и пошла къ себѣ. Приходить туда-же царевичъ:

— Теперь ты мнѣ скажи, что такое женское поведеніе! говоритъ онъ женѣ. Не то я тебя зарѣжу!

— Вѣдь я женщина! отвѣчаетъ она, ты меня сюда заперъ! А онъ говоритъ:

— Нѣтъ, я тебя непременно зарѣжу!

— Зарѣжетъ онъ меня теперь! подумала жена, да и гово-

рптъ: — Не ходилъ ли ты съ факиромъ къ царю Индрѣ? Не смотрѣлъ ли ты тамъ на пляску пари? Не подарила ли тебѣ цари во время пляски тотъ перстень, что ей царь Индра въ награду далъ? Не подарила ли она тебѣ, во время пляски то ожерелье, что ей царь Индра въ награду далъ?

Изумился царевичъ и говорить:

— Ты какъ все это узнала?

— Да я сама все это сдѣлала! отвѣчаетъ жена.

Схватился царевичъ за уши (т. е. удивился и смирился).

Говорила жена:

— Таково то женское поведеніе! А ты изъ глины куклу сдѣлалъ, да и говоришь: вотъ женское поведеніе!

Повелъ ее царевичъ къ себѣ въ домъ и послѣ того слушался ея приказаній.

35.

И г р о к ъ.

Былъ одинъ брахманъ; былъ онъ сильный игрокъ. Пошелъ онъ однажды къ царю.

— Брахманъ! ты чего желаешь? Зачѣмъ пришелъ? спрашиваетъ его царь.

— Я пришелъ съ тобою поиграть! говорить брахманъ.

— Хорошо! садись! отвѣчаетъ царь.

Сѣлъ брахманъ.

— Въ какую игру станешь играть? спрашиваетъ его царь.

— Mahâgâjâ! Поиграемъ въ кости!

Приказалъ царь слугамъ принести кости. Принесли слуги кости. Стали они играть. Выложилъ сначала царь сто-двадцать рупи. Проигралъ ихъ, а брахманъ выигралъ. Выложилъ царь въ другой разъ тысячу рупи. Выигралъ и это брахманъ. Выложилъ царь полъ-лака рупи (т. е. пятьдесятъ тысячъ). Выигралъ и это брахманъ.

Говорилъ тутъ царь:

— Брахманъ! не жадничай много. Этого хватить тебѣ на много лѣтъ. Уходи теперь!

— Пришѣлъ я выиграть у тебя все царство! А ты теперь испугался! говоритъ брахманъ. Разсердился царь и съ-разу выложилъ два лака рупій.

— Бросай кости! говоритъ брахману.

Бросилъ брахманъ кости и проигралъ. Не было у него столько денегъ.

Приноси, откуда хочешь! говоритъ ему царь.

— Закладываю жизни! отвѣчаетъ брахманъ; бросай кости! Ставлю душу!

Бросилъ царь кости и выигралъ. Ахнулъ брахманъ и души лишился.

36.

В о р ъ.

У одного человѣка пропалъ мѣшокъ съ рупи. Пошѣлъ онъ къ судѣ. Созвалъ судья его домашнихъ; далъ каждому по палкѣ и говорить:

— Кто воръ, у того палка завтра на палецъ выростетъ!

Пошли все домашніе назадъ домой. И тутъ между ними, кто деньги укралъ, сильно испугался. Взялъ да обрѣзалъ свою палку на палецъ.

На другой день судья опять позвалъ ихъ; осмотрѣлъ палки; схватилъ вора и наказалъ его.

37.

Три занятія.

Нѣкій царь позвалъ трехъ человѣкъ и спросилъ ихъ:

— Вы чѣмъ занимаетесь?

Первый сказалъ:

— Мое дѣло красть. И много я краду!

Второй говоритъ:

— Мое дѣло вино пить. И много вина я пью!

Третій сказалъ:

— А я игрокъ! И много играю!

Говорилъ онъ опять царю:

— Mahārāja! Если ты поставишь твое царство, такъ я стану съ тобою играть!

Отпустилъ царь вора и пьяницу, а игроку голову отрѣзалъ.

38.

Конь въ домѣ, а цѣна по дорогѣ.

Понадобилась одному человѣку какая-то вещь. Пошелъ онъ за нею и повстрѣчалъ по дорогѣ путника.

— Эта вещь у меня въ домѣ есть, говоритъ путникъ; козь ты мнѣ свою цѣну скажешь, такъ я тебѣ ея покажу!

А человѣкъ тотъ отвѣчаетъ:

— Покажи сначала, потомъ я цѣну скажу!

— Козь скажешь цѣну, такъ и вещь покажу! говоритъ опять путникъ. А тотъ человѣкъ отвѣчаетъ:

— У тебя такая пословица: конь въ домѣ, а цѣна на дорогѣ!

39.

Писецъ.

Нѣкій человѣкъ пошелъ разъ къ писцу и говоритъ ему:

— Будь добръ, напиши мнѣ письмо!

— Не могу! отвѣчаетъ тотъ, нога у меня болитъ!

— Я тебя никуда не посылаю, зачѣмъ-же ты мнѣ такъ говоришь?

— Это то правда! Да тотъ, кому ты письмо хочешь писать, онъ за мною пришлетъ прочесть письмо. Моего писанія другому не разобрать!

40.

Шесть хлѣбовъ.

Нѣкій человѣкъ ходилъ ежедневно на базаръ и покупалъ тамъ шесть хлѣбовъ.

Встрѣтилъ разъ онъ друга, тотъ его и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты покупаешь шесть хлѣбовъ?

А онъ отвѣчаетъ:

— Одинъ я самъ ѣмъ; одинъ бросаю; два въ займы даю; двумя долгъ плачу!

— Не понимаю! говоритъ другъ. Скажи пояснѣе, чтобы я тебя понялъ!

— Одинъ самъ съѣмъ; одинъ тещѣ дамъ; два хлѣба дѣтямъ два отцу съ матерью!

41.

Хитрый судья.

Два человѣка отдали нѣкой старухѣ свое добро, на сохраненіе.

— Когда оба вернемся, тогда и добро возьмемъ! говорили они ей.

Прошло нѣсколько дней; приходитъ одинъ изъ нихъ и говоритъ старухѣ:

Померъ мой товарищъ. Отдавай мнѣ наше добро! Отдала ему старуха все добро. Черезъ нѣсколько дней приходитъ другой товарищъ и говоритъ старухѣ:

— Отдавай мнѣ мое добро!

Отвѣчала ему старуха:

— Приходилъ твой товарищъ; сказалъ онъ мнѣ: померъ мой товарищъ; отдавай мнѣ, мое добро! Много я ему отказывала. Онъ меня не послушалъ. Вотъ и отдала я ему ваше добро!

Повелъ тотъ человѣкъ старуху къ судѣ.

— Разрѣши мое дѣло! говорилъ онъ судѣ.

Говорилъ судья:

— Очень бѣдна эта старуха и не кажется мнѣ воровкою. Спросилъ судья опять того человѣка:

— Вы какъ съ нею условливались?

— Мы говорили ей, — когда оба вернемся, тогда и добро возьмемъ!

Такъ позови товарища, и вмѣстѣ берите свое добро! А одинъ какъ-же ты хочешь брать порѣшиль судья.

Застыдился тотъ человѣкъ и пошелъ домой.

42.

Бѣдный брахманъ и клады.

I.

Былъ бѣдный брахманъ; питался онъ тѣмъ, что выпроситъ въ трехъ, четырехъ деревняхъ. Однажды случилось такъ: вышелъ онъ попросить милостыни; походилъ по тремъ, четыремъ деревнямъ и никакой бѣды не нашелъ. Пошелъ онъ къ дому старосты. Старосты не было дома, а старостиха позволила ему постоять въ домѣ.

Вернулся домой староста; прибилъ брахмана башмаками и выгналъ его.

Пошелъ оттуда брахманъ и увидалъ на кладбищѣ огонекъ. Пошелъ онъ на кладбище, и что-же увидалъ? Нѣкій *Piçac* (демонъ) разложилъ костеръ. Подошелъ туда брахманъ и сѣлъ погрѣться.

Посмотрѣлъ на него *Piçac* (демонъ); сперва обрадовался а потомъ заплакалъ. И брахманъ сталъ тоже дѣлать.

Спрашиваетъ *Piçac* брахмана:

— Ты отчего сперва обрадовался, а потомъ сталъ плакать?

А брахманъ о томъ-же самомъ спрашиваетъ демона.

— Обрадовался я сперва оттого, что былъ я одинъ, да другой пришелъ ко мнѣ! Заплакалъ я потомъ оттого, что придутъ сегодня сюда изъ четырехъ странъ четыре ракшаса. Съѣдятъ они или меня, или тебя! такъ отвѣчалъ *Piçac* (демонъ).

— Нѣтъ надежды на жизнь? спросилъ брахманъ демона.

— Ступай на это дерево! говоритъ *Piçac* (демонъ) ему.

Взлѣзъ брахманъ на дерево. Вотъ приходятъ съ четырехъ странъ четыре ракшаса. Съѣли они того демона и стали между собою разговаривать:

— Друзья! расскажите что-нибудь!

Говоритъ первый изъ нихъ:

— Братцы! подъ этимъ деревомъ есть двѣ чаши серебра. Кто вырастетъ это добро, тому на всю жизнь хватить бѣды!

Говорилъ второй ракшасъ:

— На этомъ деревѣ есть птица. Если ея изверженіями покормить семидесятилѣтняго, то станетъ онъ десятилѣтнимъ на видъ!

Говорилъ третій ракшасъ:

— Есть тутъ яма, и въ ямѣ тоймышь; на шеѣ у ней дорогое ожерелье. Гдно утромъ выходитъ тамышь на солнце посмотреть. Если кто броситъ въмышь горсть глины, тому достанется ожерелье.

Четвертый ракшасъ сказалъ:

— Если какой-нибудьчеловѣкъ выстроить на такой-то горѣ домъ, то найдетъ въ своемъ домѣ золотые камни!

Поговорили такъ, да и разошлись по четыремъ странамъ свѣта.

Слѣзъ съ дерева брахманъ. Вырылъ сперва серебро и поставилъ его къ одному мѣсту. Набралъ птичьихъ изверженій. А какъ солнце взошло, снялъ съмышь ожерелье.

II.

Былъ въ томъ городѣ царь прокаженнымъ. Много врачей его лечило, и ничье лекарство его не вылечивало.

Вотъ пришелъ брахманъ къ царскимъ воротамъ и спрашиваетъ слугъ:

— Mahārāja! Каковъ нынѣ царь?

Приблили его слуги, полу-живымъ сдѣлали. Такъ онъ и не попалъ къ царю. Вотъ говоритъ ему одинъ слуга:

— Братецъ! вылечи сперва себя, а потомъ и царя станешь лечить!

— Mahārāja! Ничего я не знаю! говоритъ брахманъ.

Добился брахманъ, пустилъ его къ царю. Какъ привели его къ царю, такъ отдалъ онъ приказъ:

— Только я да царь останемся внутри! Черезъ семь дней вылечу я царя!

Вылечилъ брахманъ царя. Говорилъ ему царь:

— Дамъ тебѣ, чего ни попросишь!

— Mahārāja! Подари мнѣ такую-то гору! попросилъ брѣхманъ.

— Ахъ! безумный! Зачѣмъ просишь гору! Проси чего-нибудь другого! говоритъ царь.

А брѣхманъ опять просить:

— Mahārāja! Если ты мнѣ эту гору подаришь, поставлю я тамъ себѣ хижинку жить!

Подарилъ ему царь гору, да немного золотыхъ. Пошелъ домой брѣхманъ. Выстроилъ онъ себѣ домъ на той горѣ и сталъ очень богатъ.

III.

Вотъ разъ тотъ староста, что билъ брѣхмана башмаками, пришелъ къ его дому и просить:

— Дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!

Сказалъ брѣхманъ женѣ:

— Насыпь въ тарелку перловъ и дай ему!

Жена такъ и сдѣлала; не взялъ староста тарелки.

Пришла жена въ домъ, и говоритъ мужу:

— Не беретъ онъ тарелки!

— Ты перловъ мало насыпала! Насыпь верховъ!

Взялъ брѣхманъ тарелку самъ въ руки и понесъ къ старостѣ. Не беретъ староста тарелки.

— Ты чего желаешь? спрашиваетъ его брѣхманъ.

— Сдѣлай меня такимъ-же богачемъ, какинъ самъ сдѣлался! просить староста:

Говорить на это брѣхманъ:

— Братецъ! въ тотъ день, какъ ты меня башмаками прибилъ, увидалъ я огонекъ на кладбищѣ и пошелъ туда. То-то и то-то случилось тамъ съ мною!

Разсказалъ ему все брѣхманъ. Пошелъ староста на кладбище. Что съ брѣхманомъ было, то и съ нимъ случилось.

— Нѣтъ ни какой надежды на жизнь? спрашиваетъ староста Pīśas'a (демона).

Напугалъ его Pīśas (демонъ), да и говоритъ:

— Полѣзай на это дерево!

Влѣзъ староста на дерево; сошлись съ четырехъ сторонъ четыре ракшаса и стали между собою говорить:

— Друзья! расскажите что-нибудь!

Говорилъ первый изъ нихъ:

— Братцы! что рассказывать! Говорилъ я разъ, что подъ этимъ деревомъ есть богатство. Кто-то взялъ его и ушелъ въ свой домъ!

Говорилъ второй изъ нихъ:

— Братцы! что рассказывать! говорилъ я разъ, что есть здѣсь мышь и у ней на шеѣ дорогое ожерелье. Стащилъ какой-то человекъ ожерелье у мыши. Плачетъ мышь теперь!

Говорилъ третій изъ нихъ:

— Ахъ! братцы! что рассказывать! Говорилъ я разъ, что есть на этомъ деревѣ нѣкая птица...

Взглянули они тутъ на дерево и увидали старосту. Увидали его, да и говорить:

— Ты тотъ человекъ, что наши вещи покралъ!

Взяли четыре ракшаса старосту, съѣли его, да и разошлись по своимъ странамъ.

43.

М а ч и х а.

1.

У одного царя было семь царицъ. Вотъ разъ случилось такое: пошелъ царь на охоту; пошелъ на охоту, да по дорогѣ повстрѣчалъ антилопу. Погнался онъ за нею и никакъ не могъ догнать.

Переѣхавшись антилона въ козу, а потомъ сдѣлалась прекрасною женщиною; царь за нею, и говорить:

— Ты кто?

— Я царица! отвѣчаетъ она.

— Ты зачѣмъ сюда пришла?

— Мой мужъ оставилъ меня въ лѣсу!

Говоритъ ей опять царь:

— Пойдемъ со мною!

— Пойдемъ, маһагѣя! отвѣчаетъ она.

Привелъ ее царь въ свой дворецъ. И были ея дѣла такія:

Убила она, разъ ночью, коня и вымазала его кровью губы семи царицъ. На другой день говоритъ она царю:

— Маһагѣя! Посмотри на своихъ царицъ: что ни день убиваютъ они коней и ѣдятъ ихъ!

Разсердился царь и отдалъ приказъ:

— Въ ровъ бросить всѣхъ семерыхъ!

Исполнили царскій приказъ: бросили въ ровъ семь царицъ. Голодали онѣ тамъ. И родился у первой царицы сынъ; онѣ его съѣли; но седьмая царица не ѣла. Дѣлали онѣ такъ: у шести царицъ были сыновья и всѣхъ они поѣли.

Родился сынъ у седьмой царицы. Говорятъ другія:

— Съѣдимъ и этого!

Да мать не отдала.

II.

Выросъ мальчикъ; вотъ разъ спрашиваетъ онъ мать:

— Матушка, гдѣ мой отецъ?

Отвѣчала царица:

— Твой отецъ поселился въ своемъ домѣ Ракшаси, а насъ семь царицъ выгналъ!

Пошелъ разъ мальчикъ во дворецъ, къ отцу.

Ты кто? спрашиваетъ его отецъ.

— Маһагѣя! отвѣчаетъ онъ, я вашъ сынъ!

Оставилъ его царь во дворцѣ, а давалъ ему ежедневно по два шера ¹⁾ ячменю.

Разъ говоритъ мачиха мужу:

¹⁾ Ser, Bate s. v. Incutta Calantha, the factory ser=1 lb. 13 or 13.86 drs. Avoirs dupois and the bâzâr ser=2 lb. 0 or 13.853 drs.

— Болить у меня голова!

— Какъ же тебя вылечить? спрашиваетъ ее царь.

А она говорить:

— За семью морями находится моя родина; тамъ въ моемъ домѣ находится мой гребень. Если не принесешь его сюда, такъ я не выздоровѣю!

— Кто же туда пойдетъ?

— Этотъ малый пойдетъ! говорить мачиха про царскаго сына.

Спросилъ царь сына:

— Пойдешь ли ты туда?

— Пойду! отвѣчалъ онъ. Написала ему Ракшаси письмо. И пишетъ она:—это мой врагъ, съѣшьте его тамъ.

Взялъ царевичъ письмо и пошелъ. По дорогѣ повстрѣчалъ его Yogi и спрашиваетъ:

— Ты куда идешь?

Отвѣчалъ царевичъ:

— У моей мачихи голова болитъ, иду ей за лекарствомъ!

— Нѣтъ ли съ тобою како-нибудь письма!

— Да! есть!

— Покажи мнѣ его! проситъ Yogi. Отдалъ царевичъ ему письмо; Yogi изорвалъ его и написалъ другое.

Говорилъ ему Yogi:

— Есть тамъ семь чашъ; и въ семи чашахъ заключена жизнь семи человѣкъ. Ступай туда и покажи письмо старухѣ. Поклонись ей; поклонись также тремъ дядямъ и тремъ теткамъ. Какъ отдадутъ тебѣ гребень, ты его возьми и спроси у нихъ: въ этихъ чашахъ что? Какъ скажутъ они тебѣ, ты сперва убей старуху, а потомъ съ-разу возьми въ руки жизнь шести человѣкъ, и изотри её, а жизнь мачихи приноси домой!

III.

Сдѣлавъ царевичъ все, какъ ему тотъ сказалъ, и пришелъ домой.

— Что, принесъ! спрашиваетъ его царь.

— Принесъ! отвѣчаетъ царевичъ. И говоритъ потомъ:

— Maharaja! Вѣдь она ракшаси; если прикажешь, я ее убью!

— Отлично! согласился царь.

Убилъ мачиху царевичъ. Вернулись къ царю семь царицъ.

А сынъ сталъ царевичемъ.

44.

Р а к ш а с и.

Было у одного царя семь сыновъ. Разъ говоритъ имъ отецъ:

— Одинъ изъ васъ пусть будетъ царемъ, а другіе шесть царевичами!

— Или будемъ мы всѣ семь царями, или всѣ семь царевичами! говорятъ царевичи. И пошли они всѣ семеро въ чужую страну.

Пришли они въ одинъ городъ и видятъ, что онъ весь въ развалинахъ. Вошли они въ одинъ дворецъ и нашли тамъ постель. Легли они на постель, и, когда засыпали, всѣмъ семерымъ было мѣсто, а ночью шестерымъ было мѣсто на постелѣ, а седьмому не было.

Бродила въ томъ дворцѣ коза; днемъ она была козою, а ночью становилась Ракшаси. Стала она поѣдать по одному брату. А братья не догадывались; какъ съѣла она перваго, говорятъ они между собою:

— Убѣжалъ нашъ братецъ! Нельзя ему вѣрить!

Съѣла она такимъ образомъ пятерыхъ, осталось только два брата. Стали они говорить другъ другу:

— Всѣ ушли; сегодня и ты, пожалуй, уйдешь?

Взяли да связали себѣ ноги. Ночью сдѣлалась коза Ракшаси и стала ѣсть одного брата. Въ это время другой проснулся и что же видитъ? Ёсть Ракшаси человѣка. Испугался онъ сильно.

Поѣла Ракшаси шестаго брата и сдѣлалась прекрасною женщиною. Говоритъ она царевичу:

— Ты чего испугался? Я твоя царица, а ты мой царь! Завтра свадьбу сыграемъ!

Прошла ночь, настало утро. Говоритъ она опять царевичу:

— Сегодня же приготовь все для свадьбы. А я пойду купаться! и ушла.

Намѣшалъ царевичъ муки въ горшокъ, навязалъ его на палку и пошелъ въ лѣсъ другою дорогою.

Не видавъ онъ, какъ она слѣдомъ туда-же пришла, да и спрашиваетъ:

— Все ли готово?

Царевичъ влѣзъ отъ нея на дерево. Сѣла Ракшаси подъ деревомъ, да и плачетъ.

Въ это время какой-то царь вышелъ въ лѣсъ охотиться. Захотѣлось его слугамъ нить и пришли они туда. Увидали, что женщина плачетъ и спрашиваютъ ее:

— Ты кто?

А она отвѣчаетъ:

— Влѣзъ мой мужъ на дерево и бросилъ меня!

— Ты отчего ее не берешь? спрашиваютъ слуги царевича.

Онъ говоритъ:

— Возьмите ее! Отдаю ее вамъ и разводный листъ напишу.

Пошли слуги къ своему царю и говорятъ:

— Mahâgâjâ! Плачетъ тамъ прекрасная царица, а мужъ ея говоритъ: «возьмите ее, разводный листъ дамъ!»

Заплатилъ царь за нее двѣсти тысячъ рупи и увелъ ее домой.

Перебила она въ его домъ весь скотъ, всѣхъ птицъ и всѣхъ поѣла.

45.

Свое счастье.

I.

У одного царя было семь дочерей. Спросилъ онъ разъ нѣтъ;

— Дочки! вы чьимъ счастьемъ живете?

Сказали шесть дочерей:

— Батюшка, твоимъ счастьемъ живемъ!

А седьмая говорила:

— Своимъ счастьемъ живу!

Разсердился царь и прогналъ ее:

— Уходи и живи своимъ счастьемъ!

Пошла она въ чужую сторону и повстрѣчала богача на дорогѣ.

— Ты кто? спрашиваетъ онъ ее.

— Я царская дочь! отвѣчаетъ она.

— Зачѣмъ ты въ лѣсъ пришла и куда идешь? спрашиваетъ онъ ее. Разказала она ему все.

— Теперь ты куда же идешь? говоритъ богачъ.

— А теперь я съ тобою пойду!

Посмотрѣлъ богачъ на нее, видитъ, что красавица, и взялъ ее съ собою домой. Послѣ этого сыгралъ онъ съ нею свадьбу.

II.

По волѣ Нараяны случилось такъ: обѣднѣлъ тотъ царь и обѣднѣли его шесть дочерей. Вспомнилъ тутъ царь:

— Была у меня еще одна дочь. Пойду къ ней въ домъ; можетъ быть, она мнѣ что-либо дастъ.

Пошелъ царь къ дочери въ домъ. Много она его угощала. Вотъ спрашиваетъ она мужа:

— Какъ пойдетъ отецъ, что мнѣ ему дать?

— Что попроситъ, то и дай! говоритъ мужъ.

Пошелъ отецъ домой и подарилъ она ему золотой жерновъ. Обрадовался онъ и пошелъ домой.

Пришелъ домой, семью свою кормилъ.

— Эта дочь умница! сталъ онъ говорить; съ этимъ и умеръ.

46.

Отданный царевичъ.

Было у царя семь женъ и не было у него потомства.

Вышелъ царь изъ дому и пошелъ. Повстрѣчалъ онъ по дороге Yogi.

— Царь! Ты куда идешь? спросилъ его Yogi.

— Есть у меня семь царицъ и нѣтъ отъ нихъ потомства! отвѣчалъ царь.

— Хорошо! Будетъ у семи царицъ по сыну! Пусть только изъ семи сыновъ одинъ станетъ моимъ! говоритъ Yogi и далъ онъ царю плодъ.

Взялъ царь тотъ плодъ и въ радости пошелъ домой. Далъ онъ тотъ плодъ шести милымъ царицамъ, а седьмой не далъ. Нашла седьмая царица кожицу того плода и съѣла ее.

Родились отъ семи царицъ семь сыновъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ пришелъ къ царю Yogi и говоритъ:

— Отдай мнѣ сына!

Спрашиваетъ царь своихъ женъ:

— Кто изъ васъ семи отдаетъ ему сына?

Ни одна не согласилась. Говоритъ имъ царь:

— Вы отчего не соглашаетесь? Такъ я пойду съ нимъ!

Услыхалъ это сынъ седьмой царицы и говоритъ матери:

— Матушка, лучше я пойду вмѣсто отца!

Отдалъ его царь и положилъ ему ножъ dadhapini. Увелъ Yogi мальчика въ свой домъ. Показалъ ему все свое богатство, а одной комнаты не показавъ.

Вотъ разъ ушелъ Yogi изъ дому за какимъ-то дѣломъ. Отперъ царевичъ ту комнату въ этотъ день. Что же онъ тамъ увидалъ? Полна комната костей. Догадался онъ, что Yogi людоедъ. А кости, какъ увидали его, сперва засмѣялись, а потомъ заплакали.

¹⁾ Dadhapini, см. ниже.

— Зачѣмъ вы смѣялись, когда увидали меня? спрашиваетъ царевичъ.

— Въ какомъ мы состояніи, въ такомъ и ты будешь! отвѣчаютъ кости.

Говоритъ царевичъ:

— Если есть средство спастись, скажите мнѣ!

Отвѣчаютъ кости:

— Есть средство остаться въ живыхъ. Вотъ принесетъ Yogi дрова и разведетъ большой огонь. Поставитъ онъ на огонь котелъ съ масломъ и скажетъ тебѣ: «ходи кругомъ!» А ты скажи: «не умѣю я ходить кругомъ, впереди учитель, сзади ученикъ!» Станетъ онъ ходить кругомъ, ты и разбей ему голову, и брось его въ котелъ съ масломъ. Вылетятъ изъ него двѣ пчелы: одна красная, одна черная; убей ты красную, а черную брось въ котелъ.

Пришелъ Yogi; развелъ огонь, поставилъ на него котелъ съ масломъ и говоритъ царевичу:

— Чадо! ходи кругомъ!

— Bābā-jī (батюшка!) не умѣю я совершать paṅikṛāta (т. е. ходить кругомъ). Впереди учитель, сзади ученикъ! Сталъ Yogi учить его, какъ свершать paṅikṛāta. Убилъ его царевичъ своимъ пожемъ и бросилъ его въ котелъ. Убилъ красную пчелу, а черную бросилъ въ котелъ.

II.

Пошелъ онъ въ домъ и нашелъ tumadī¹⁾ (выдолбленную тыкву) съ amṛta (бессмертный напитокъ). Окропилъ онъ amṛt'ю кости. Ожили они и стали его войскомъ. Забралъ онъ тамъ все добро и пошелъ домой.

Какъ сталъ онъ подходить къ отцовскому городу, испугался отецъ и говоритъ:

— Какой это царь идетъ отбирать у меня мое царство?

¹⁾ Tumadī, Bate s. v. tumadī, a hollow gourd (cucurbita lagenaria).

Послалъ царевичъ отцу сказать: «Я, твой сынъ, котораго ты отдалъ Yogi!

Посадила царь царевича на престолъ. А самъ сталъ по свѣту бродить и шесть другихъ сыновъ въ лѣсъ отослалъ.

47.

Мудрый судъ.

Были два брата бѣдняка. Пошли они бродить по свѣту и нашли на дорогѣ иѣшокъ. Было въ этомъ иѣшкѣ золото, да два рубина.

Исполнилось мое желаніе, пойду я домой! говорятъ младшій братъ. А старшій сказалъ:

— А я пойду бродить по землѣ!

Подѣлили они между собою свое добро. Старшій братъ отдалъ свою часть младшему и говоритъ:

— Мою часть отдай дома женѣ!

Пришелъ младшій братъ домой и не отдалъ братниной части его женѣ, и рубина не отдалъ.

Черезъ три года вернулся старшій братъ изъ странствія и не нашелъ рубина у своей жены. Спрашиваетъ онъ брата:

— Гдѣ рубинъ?

— Отдалъ я твоей женѣ! отвѣчаетъ тотъ.

— А она говоритъ, что ты ей не отдавалъ!

Говорилъ младшій братъ:

— Лжетъ она!

Услыхалъ это старшій братъ, да и сталъ женѣ грозить. А она убѣжала къ судѣ и рассказала ему все дѣло.

Призвалъ судья двухъ братьевъ и говоритъ младшему:

— Говори правду, отдавалъ ли ты братниной женѣ богатство или нѣтъ? Если же отдавалъ, кто твои свидѣтели? .

— У меня есть два человѣка свидѣтелей! говорятъ младшій братъ.

— Позови ихъ!

Представилъ младшій братъ двухъ свидѣтелей судѣ. Далъ имъ немного денегъ, они и солгали. Говоритъ судья старшему брату;

— Отыскивай свой рубинъ у жены!

Какъ услышала это жена, побѣжала къ царю и рассказала ему все событіе.

— Отчего ты судѣ всего не рассказала? спрашиваетъ ее царь

— Я къ нему ходила, да онъ не рассудилъ насъ хорошо! говорить жена.

Позвалъ царь двухъ братьевъ и двухъ свидѣтелей. Разставилъ ихъ отдѣльно; далъ имъ въ руки по куску воску и приказываетъ: -

— Слѣпите форму рубина!

Два брата вылѣпили одинаковую; а оба свидѣтеля по разной.

— Лѣпи и ты! говоритъ царь женѣ.

— Какъ мнѣ лѣпить, когда я рубина не видала!

Услыхалъ царь эти слова и приказалъ повѣсить обонхъ свидѣтелей. Сказалъ онъ имъ:

— Коль вы мнѣ правду скажете, такъ не убью васъ!

Повинились они и говорятъ:

— Лгали мы оба!

Сталъ тогда царь бить младшаго брата. Говоритъ онъ:

— Mahārāja! великій грѣхъ я сдѣлалъ! Прости меня!

— Почему ты правды не говорилъ? спрашиваетъ его царь, да бьетъ.

Отдалъ младшій братъ рубинъ старшему.

ЛЕГЕНДЫ.

1.

Бхимснихъ, Нараснихъ, Хараснихъ были три силача ¹⁾ въ Чампавати ²⁾.

Разъ Бхимснихъ сказалъ матери:—Свершимъ приношеніе ³⁾ всѣмъ предкамъ; никогда мы этого не дѣлали.

— Сынъ, — отвѣчала мать, — вотъ брахманъ пришелъ; онъ свершитъ сраддху родителямъ.

— О, мать, — говорилъ Бхимснихъ, — то Дану-кумера, переродѣтый брахманомъ!

¹⁾ Силачъ здѣсь называется *paṇḍā*; у Bate, в. в. дается значеніе: 2, т. а minister or priest who presides at the temple of an idol.

²⁾ *Champāvati*, древняя столица Камаона. *Traill*, въ *Asiatic Researches*, vol. XVI, стр. 149. *Champāvati*, in long. 79°28', lat. 29°19', and elevated five thousand four hundred and seventy feet above the sea, is situated in the district of *Kali Kamaon*, near the extremity of the province: it was originally a village, the residence of the principal Zemindar of that quarter, but became, between six and seven centuries past, the capital of small independent principality, established by the Zemindar in question, out of the wrecks of the *Kūtār* monarchy destroyed at that period: it subsequently became the entrepot for the trade of Tartary, passing from *Dharmaghat* to *Belhary* in the plains; and to this circumstance must be ascribed its continued existence as a town, and its retention of a bazar, after it had ceased to be the residence of the court.

³⁾ Т. е. *śrāddha*, приношеніе мучныхъ клецокъ умершимъ предкамъ. Обрядъ этотъ совершается въ различныя времена и имѣетъ

*

Не послушалась мать сына. Повелъ Бхимсинхъ Дану-кумеру купаться. Вымылъ его и привелъ домой. Стали три силача у жертвоприношенія. Далъ Дану-кумера имъ въ руки траву куса ¹⁾ и бросилъ на нихъ сѣть. Посмотрѣлъ Дану-кумера на Бхимсинха и испугался; послалъ его за листомъ дерева *bhalya*. Пришелъ оттуда Бхимсинхъ домой и нашелъ весь домъ пустымъ.

Сѣлъ онъ, скрестивъ ноги, и говоритъ:—Поѣмъ, брюхо наполнию.—Поѣлъ, вышелъ изъ дому, вымылъ руки и пошелъ по дорогѣ. По дорогѣ встрѣтилъ онъ человѣка.

— Куда идешь?—спрашиваетъ онъ того человѣка.

Говорилъ встрѣченный:—У Дану-кумеры на завтра приносится въ жертву птица *Ranīvā*. Найду я тамъ ѣду, потому иду туда.

Отрѣзалъ ему Бхимсинхъ ноги, руки, сунулъ ихъ въ ротъ и говоритъ:—Вдовій сынъ, ѣшь!

Пошелъ оттуда впередъ и повстрѣчалъ земледѣльца.

— Куда идешь? спрашиваетъ его.

— На завтра,—отвѣчаетъ тотъ,—у Дану-кумеры приносится въ жертву птица *Ranīvā*. Добуду тамъ потроха, а потому и иду туда!

Отрѣзалъ ему Бхимсинхъ руки, ноги, сунулъ ихъ ему въ ротъ, и говоритъ:—Жри ногу!

Пошелъ оттуда впередъ и повстрѣчалъ барабанщика (*dhauli*).

— Куда идешь?—спрашиваетъ его.

— У Дану-кумеры жертва птицы *Ranīvā*. И я туда же иду.

нѣсколько видоизмѣненій. Его цѣль замолить грѣхи умершаго и доставить ему высшее блаженство. Родственники, для которыхъ совершается этотъ обрядъ, суть: 1) отецъ, дѣдъ, прадѣдъ; 2) мать, отецъ, дѣдъ матери; 3) мачиха; 4) мать, бабушка и пробабушка отца; 5) братья отца; 6) братья матери; 7) сестры отца; 8) сестры матери; 9) сестры и братья; 10) тестя; 11) семья учителя. Гая въ Бихарѣ есть одно изъ св. мѣстъ Индіи, гдѣ *śrāddha* совершается всего чаще, ибо отъ свершенія обряда въ этомъ мѣстѣ ожидается особая польза умершимъ. Подробное описаніе обряда см. въ *Gayāśrāddhādī paddhatīḥ* Calcutta. 1872., а такъ же *The Indian Antiquary*, vol. V. (part LVI. July, 1876), стр. 200 и сл.

¹⁾ *Kusa*, *Poa cynosuroides*. Трава считается священной и употребляется при многихъ жертвоприношеніяхъ.

Отрѣзалъ Бхимсинхъ и тому руки, ноги.

Пошелъ дальше и пришелъ къ саду. Въ саду старуха цвѣты рвала.

— Зачѣмъ цвѣты рвешь?—спросилъ онъ ее.

— Сегодня,—отвѣчаетъ старуха,—у Дану-кумеры жертва слачей. Для того и рву эти цвѣты. Свѣсивъ, станутъ цвѣты жертвовать; а самый тяжелый цвѣтокъ поставить передъ огнемъ, въ иѣдномъ сосудѣ.

Вотъ Бхимсинхъ влѣзъ въ красивый цвѣтокъ.

Принесла старуха цвѣты къ Дану-кумеру; и разложилъ ихъ тотъ на голову Devi.—Припри двери!—раздался голосъ. Приперъ двери Дану-кумера.

— Подай печеное, чрезъ окно!—раздался опять голосъ.

Подавъ печеное чрезъ окно Дану-кумера. И поѣлъ все это Бхимсинхъ, въ цвѣткѣ.

Попросилъ голосъ воды пить, выпилъ тысячу сосудовъ; а двѣ тысячи отдалъ назадъ.

— Отъ нашей Деви рѣка родилась!—говорить Дану-кумера своему народу, купайтесь всѣ здѣсь!

И стали всѣ они купаться. А Бхимсинхъ тутъ вкнутъ. Испугался Дану-кумера.

Вышелъ Бхимсинхъ изъ цвѣтка; всѣхъ перебилъ и плѣнныхъ братьевъ привелъ назадъ домой.

2.

Въ преисподней родился змѣй Вайсинги¹⁾; на небѣ родился царь Индра. На землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы. Въ Калпанаукотѣ родились Виринаула, Айтинаула, пара братьевъ. Старшій братъ былъ Виринаула, младшій братъ Айтинаула. Виринаула буйволовъ пасъ, Айтинаула въ домѣ жилъ. Въ Махарикотѣ родились семь братьевъ, Махараловъ. Юнымъ женамъ не давали

¹⁾ Vaisiṅgi, тоже что Vāṣuki: царь змѣй, поддерживающій вселенную.

они гулять, и не давали пастись жирнымъ козамъ. Народились въ Махарикотѣ таковыя чудныя силачи. Чудны они были и не были счастливы.

И пошли разъ семь братьевъ въ лѣсъ охотиться. Поохотились и на поля, орошенные, Айтинаула они зашли. На поляхъ, орошенныхъ, зрѣлъ бѣлый рисъ и бѣло-красный рисъ. И порѣзали семь братьевъ тотъ рисъ, порѣзали и разбросали его.

Приходила на то поле Айтмава, жена Айтинаула; приходила она на поля рисъ полоть. Били ее семь братьевъ и, ограбивъ, съ поля прогнали. Плача пла она оттуда, по лицу себя била.

Какъ пришла домой, говорила она мужу:—Вотъ, ты спишь, лежишь, Айтинаула; а на орошенные поля семь братьевъ Махараловъ пришли и посбили они рисъ!

Всталъ Айтинаула и женѣ говорилъ:—Кто у тебя померъ, вдова, что ты меня разбудила? Или твой отецъ померъ, что ты меня разбудила?

— Такой сынъ лучше бы померъ, чѣмъ родился! Вѣдь я жепскаго полъ, что мнѣ дѣлать?

Услыхавъ это слово и всталъ Айтинаула; потихоньку онъ пошелъ на поля орошенные.

— Кто вы, воры и плуты? И зачѣмъ посбивали мой бѣлый и бѣло-красный рисъ?—такъ Айтинаула говорилъ.

Подшли къ нему семь братьевъ и сказали:—Что ты ругаешься? Не на нашемъ ли ты полѣ?

— Вашего ли отца это поле?—говорилъ Айтинаула. Били его семь братьевъ и въ песокъ, у канавы, на первомъ полѣ сбросили его. Увели сыны доблестной матери его жену и въ свой домъ пошли.

Вирипаула, старшій братъ въ равнинахъ гулялъ, буйволовъ пасъ. И снился ему сонъ и во снѣ говорилъ ему Айтинаула:—Ты спишь, Вирипаула, а семь братьевъ Махараловъ бросили твоего младшаго брата, Айтинаула, въ песокъ, на первомъ полѣ, у канавы. И его жену увели семь братьевъ Махараловъ къ себѣ въ домъ. Живешь ты здѣсь безопасно!

Услыхавъ эту вѣсть Вирипаула и по ночамъ шелъ въ родной домъ. Прийдя домой, шелъ онъ на свое поле орошенное;

посмотрѣлъ, гдѣ лежалъ братъ зарытымъ. Отылъ его и сказалъ:

— Родился ты, братъ, въ моемъ домѣ овцею; родился ты, словно щенокъ шакала. Тебѣ бы семь братьевъ перебить и ни одного не оставить! Тебѣ бы одного изъ двухъ перебить! Овцею родился ты въ домѣ моего отца!

И такое слово сказавъ, оставилъ онъ тамъ брата и пошелъ въ Махарикотъ. Шелъ, шелъ и пришелъ туда.

Махараловъ самый старшій братъ въ равнинахъ буйволовъ пасъ, а шесть младшихъ дома оставались. Пришелъ Виринаула и въ воротахъ у нихъ сѣлъ:

— Чиламъ (трубку) и табакъ дайте мнѣ!—говорилъ онъ.

— Откуда, изъ какихъ мѣстъ, путникъ?—братья говорили.

— Изъ Науликота я, Айтинаула братъ и зовутъ меня Виринаула. За роднаго брата отмстить я пришелъ.

— Безумный, что ты говоришь? Лучше бы ты вѣдалъ, какъ безъ ссоры отсюда уйти. Не то быть тебѣ убиту!

— Коль отца вы вашего дѣти, такъ выходите по одиночкѣ со мною биться! Коль трусливы и сумасбродны выходите всѣ вмѣстѣ!

По одиночкѣ выходили шесть братьевъ съ нимъ биться и изъ шести онъ убилъ шесть.

Приходилъ изъ равнинъ тогда Махараловъ седьмой братъ. Увидалъ его Виринаула, какъ домой онъ шелъ, по дорогѣ. Потрѣзалъ онъ шести Махараламъ ноги, уши и какъ увидалъ старшаго брата, говорилъ:

— Шесть твоихъ братьевъ я убилъ; одинъ ты остался. Коль ты сынъ твоего отца, со мною ты побейся! Коль ты шакалъ, или овца, или не отъ мужа родился, такъ убѣгай.

Побросалъ на землю Махаралъ все свое добро и сталъ биться съ нимъ. Семь ночей, семь дней они бились и сталъ Виринаула уставать.—Коль мать и отецъ добро дѣлали, такъ убью я!—говорилъ онъ тогда.

Бились, бились и въ четырнадцатый день, на разсвѣтѣ, Виринаула повергъ на землю врага. Умеръ Махаралъ, семь его женъ увелъ къ себѣ въ домъ Виринаула и своими руками брата младшаго похоронилъ.

3.

I.

Въ Дхоникотѣ родился Було, Багъ Дхони и родились у него два сына: Жайража, Майража.

Нѣтъ переправы чрезъ рѣку Кали¹⁾), нѣтъ гѣстницы на небо и нѣтъ силача противъ Жайрожа или Майрожа.

Прошелъ голодъ, ѣду нашелъ; прошли гѣта, встрѣтилъ женщину.

— Отецъ, нашу свадьбу ты сыграй! Какъ зеренъ много у тебя денегъ!

— Нѣтъ вамъ равнаго силача!

Було, Багъ Дхони шелъ искать сыновьямъ невѣсту; обувался и шальвары надѣвалъ. Повязалъ турбанъ, посохъ взялъ, облачился и на дорогу выходилъ.

— Отецъ!—говорили Жайража и Майража,—ступай искать намъ невѣсту! Дочери не высокой семьи не приводи! Изъ такой семьи, что выше нашей приводитъ невѣсту.

Задумался Було, Багъ Дхони:—Кто же выше моей семьи? И откуда приведу невѣсту высокой семьи? Или идти къ царю и его дочь привести?

Вотъ сѣлъ онъ на коня и пріѣхалъ въ Чампавати.

Сидѣлъ царь Ратаначанда въ Качари и совѣтники кругомъ него. Сходилъ съ коня Було, Багъ Дхони.—Кто ты?—царь спросилъ.

— Изъ Дхойикота я, Було, Багъ Дхони. Слышалъ я, царь, что у тебя дочь, Жайти на выданьи. Дай мнѣ ея чихна²⁾).

— Хорошо, отвѣчалъ царь,—дамъ.

Къ своимъ совѣтникамъ шелъ царь и говорилъ:—Этотъ хіаъ³⁾ у меня дочернинъ чихна просить.

— Дай ему чихна, царь!—отвѣчали совѣтники.—Когда же свадьбу придетъ играть, мы рупи набавимъ.

Отдавалъ царь чихна.—Посмотри на чихна!—говорилъ Було

¹⁾ Кали, рѣка составляющая восточную границу Камаона.

²⁾ Сіһпа, соб. примѣты, описаніе примѣтъ.

³⁾ Khās, см. приложение.

Багъ Дхони брахману Наротаме. Посмотрѣлъ брахманъ и сказалъ:—Все какъ слѣдуетъ.

Стали они о подаркахъ толковать.—Принеси мнѣ семь кошъ рупи!—говорилъ царь Ратаначанда.

Вынималъ тутъ Було Багъ Дхони мечъ и сказалъ:—Не былъ бы ты царемъ, такъ убилъ бы я тебя. И твоимъ совѣтникамъ повыкололъ бы глаза. Какую вещь ты запросилъ! Но, если бы ты сказалъ: наполни деньгами семь ямъ! и наполнилъ бы я деньгами всѣ твои семь ямъ. Что ты просишь, то дамъ тебѣ.

Черезъ три дня онъ съ поѣздомъ пріѣзжалъ, сыгравъ свадьбу и дои уходя, говорилъ царю:

— Мы вхасы, и съ нами ты породился! Что же мнѣ тебѣ дать? Не владыка ли ты всего царства? Но какъ будетъ у тебя трудность, позови въ ту пору насъ, и придемъ мы.

II.

Собрались они на ярмарку, въ Девидхура; говорили два брата:—Понцемъ мыла и одежду вымоемъ.

— Вымой нашу одежду!—говорили два брата женѣ Жайти.—Вымой вашу одежду, да и съ вами пойду!—отвѣчала Жайти.

— Хорошо, мы возьмемъ тебя. Но коль по дорогѣ ты съ кѣмъ нибудь пересмѣхнешся, отдадимъ тебя тому!

— Хорошо!—согласилась Жайти, и пошли всѣ въ Девидхура.

Слышалъ всю ту рѣчь пастухъ Суникатхайта и сказалъ:—Разсмѣшу ее и будетъ она моею женой!

Разсмѣшилъ ее по дорогѣ, и отдали Майража и Жайража жену свою пастуху.

Посылала Жайти письмо отцу и писала:—Твой Жайража и Майража за усмѣшку прогнали меня; ты убей ихъ!

III.

Въ Дхоникотъ посылалъ письмо царь Ратаначанда, и писалъ:—Изъ Тибета соль, изъ равнинъ сахаръ остановили! Принесите мою соль и мой сахаръ. Въ горахъ Гагаръ¹⁾ ручнымъ сдѣлайте

¹⁾ Gāgar, названіе южныхъ отроговъ Гималаевъ въ Камаонѣ.

льва, и въ лѣсу Чулан убейте птицу *чулан*¹⁾. Отрубите голову Султану Патану. Какъ сдѣлаете это дѣло, то будете мнѣ зятьями. И какъ придете, сдѣлавъ это, сыиграю вашу свадьбу съ дочерью Бхѣги. Лице у Жайти, что пятки у Бхѣги.

И пошли Жайража и Майража: изъ Тибета соль, изъ равнинъ сахара доставали, въ горахъ Гагаръ льва сдѣлали ручнымъ, въ лѣсу Чулан убили птицу чулан, отрубили голову Султана Патану и пришли въ Чампавати.

На Пайти женился Жайража, на Бхѣги Майража, поженились и пошли домой; въ Дхоникотъ они царствовали; у Пайти былъ одинъ сынъ Садува, великій силачъ, у Бхѣги не было дѣтей.

4.

I.

Въ ручейкахъ, какъ бы въ Гангѣ онъ, Дарпани борѣ купался, мой отецъ!

Какъ боговъ *камни*²⁾ чтилъ онъ. Но у сына доблестной матери не было дѣтей. Крѣпки зубы у Дарпани боры, но сѣды волосы, и горюя о дѣтяхъ, онъ дряхлѣлъ.

Вотъ въ полночь, о герой мой славный, спалился ему Гангъ и Бхагиратхи:

— Въ ручейкахъ, какъ бы въ Гангѣ ты купался, какъ боговъ камни чтилъ ты. Но потомства не нашелъ. Въ мой дворецъ ты ни разу не ходилъ, не то былъ бы съ потомствомъ!

И проснулся Дарпани борѣ, доблестный матери сынъ. Вышелъ и царницу Дудакелу сталъ онъ звать. И призвавъ къ себѣ царницу, говорилъ ей:

— Оставайся здѣсь, я ѣду къ Гангу, къ Бхагиратхи рѣкѣ омываться! Наготовила царница тридцать два рода ѣды всякой,

¹⁾ *Cūdāi* (чулан), названіе птицы и *ястреби*, (т. е. духа жертвенца, привидѣнія). Отъ прикосновенія чуланъ человѣкъ падаетъ въ обморокъ. Его чтутъ, поставивъ камень, такъ же какъ и бхутовъ.

²⁾ *Dhātmgā*, камень. О почитаніи камней см. Приложение.

сѣдлалъ коня конюхъ.—Изготовлена ѣда, мой царь!—говорила царица.

Побѣлъ Дарпани борѣ ѣды всякой и лицо, руки вымылъ. И омывшись, шелъ въ кладовую. Узелъ съ одеждою взялъ оттуда и въ восточномъ углу, во второмъ этажѣ, развязалъ тотъ узелъ.

Надѣвалъ на себя одежду толстую, хорошую, славный мой герой. Обвязалъ голову турбаномъ пестрымъ, перекинулъ черезъ плечи платокъ шелковый, перепоясался шалью златотканною, славный мой герой.

Навѣшалъ на себя пять оружій, и ножъ вострый за поясъ заткнулъ. Выходилъ сынъ матери доблестной и на коня закинулъ ногу. На конѣ верхомъ выѣзжалъ сынъ матери доблестной.

Взялъ съ собою собаку карнаухую и лохматую собаку. Выѣзжалъ на дорогу сынъ матери доблестной, Дарпана борѣ. Ёхалъ, ёхалъ и пріѣхалъ въ лѣсъ!

Шесть сыновъ и девять внуковъ Сальвани борѣ къ нему въ домъ прибѣжали, и царицѣ говорили: — Не вернется дѣдъ, ты ступай въ хижину, во дворцѣ мы станемъ жить!

Горько плакала царица Дудакела, славный мой герой! Встала и въ хижину ушла.

II.

Остановился въ лѣсу Дарпани борѣ; въ полночь пришелъ къ нему левъ, лѣса житель.

Въ головахъ у него и въ ногахъ лежали собаки карнаухая и лохматая. Отяжелѣли глаза у Дарпани борѣ и заснулъ онъ.

Карнаухая и лохматая собаки сѣпнулись со львомъ. Услыхалъ, какъ проснулся, сынъ матери доблестной, услышалъ, что грызутся онѣ.

Гордо всталъ сынъ матери доблестной, — Псы мои убиты! — и со львомъ вступился въ бой сынъ матери доблестной.

Семь дней, семь ночей бился сынъ матери доблестной. На осьмой день сѣлъ на льва верхомъ сынъ матери доблестной. Покорилъ льва Дарпани борѣ.

И поѣхалъ на лѣвъ верхомъ и домой вернулся, о мой славный герой.

Палъ на него взоръ Сальвѣни борѣ, и своихъ дѣтей предъ себя призывалъ Сальвѣни борѣ.

Вернулся Дарпѣни борѣ, по дворцу ходила Дудакела царица. И пришелъ домой Дарпѣни борѣ, подчинивъ льва.

Тѣмъ плодомъ, что дали ему Гангъ и Бхагиратхи, онъ царицу покормилъ, и забеременѣла царица Дудакела. Вотъ и мѣсяцъ, какъ беременна царица; время шло и пять мѣсяцевъ прошло. Вотъ на пятомъ мѣсяцѣ она беременна; время шло и десять мѣсяцевъ прошло. На одиннадцатомъ мѣсяцѣ родила славная царица.

И какъ родила царица, стало у Дарпѣни борѣ потомство. Какъ стало у него потомство, заиграла музыка, забили въ барабаны, и знамена поднимали. Привѣтную пѣснь пѣли счастливыя жены сыну доблестной матери. Звѣздочета призывалъ предъ себя Дарпѣни борѣ и спрашивалъ: Два младенца каковы?—Сильны оба принцы, отвѣчалъ звѣздочета, на враговъ побѣдители!

И пошла на пятый день царица Дудакела *очищаться*¹⁾, ты, мой славный герой! А Жайрѣжа и Майрѣжа, на пятомъ днѣ отъ рожденія, на охоту отправлялись.

Пришла домой старуха мать, не нашла ребятъ; громко плакала она и рыдала. Жайрѣжа и Майрѣжа, два брата, поохотившись, пришли въ ту пору домой.

Какъ насталъ одиннадцатый день сынамъ матери доблестной, стали пия имъ нарекать. И нарекли имъ имена: — Жайрѣжа, Майрѣжа.

III.

Напалъ врагъ на царя Ратаначанда въ Чампавати; снизу, изъ равнинъ, пришли Мугалъ и Патанъ. Одно войско пило, другое пѣтъ, и съ равнинъ подвозъ воды преградили Мугалъ и Патанъ.

¹⁾ Омовеніе на пятый день послѣ родовъ.

Присылали Мугалъ и Патанъ къ царю посла. Подавалъ посолъ письмо, пригласительное, царю Ратаначанда.

Раскрылъ царь письмо и читалъ; читая, онъ желтъль и мраченъ сталъ.

Созвалъ царь Ратаначанда совѣтниковъ и писцовъ. Сталъ онъ думу думать; на войско войско звали и на силачей—силачей.

Разослали пословъ по деревнямъ, изъ деревень людей созывали. И созвали деревни, да силача не нашли.

Вотъ Сальвѣни борѣ пришелъ царю службу отслужить и говорилъ онъ царю:—Назову тебѣ силача! Въ Пхуари-котѣ у Дарпѣни борѣ есть два сына! Великіе они силачи, ихъ зови!

Послалъ царь Ратаначанда пригласительное письмо и посла посылалъ.

Какъ пришелъ туда посолъ, во второмъ этажѣ, въ восточномъ углу Жайрѣжа и Майрѣжа сидѣли и въ кости играли.

Вынималъ посолъ письмо и въ руки Жайрѣжѣ отдавалъ.—Изъ какихъ ты мѣстъ и откуда ты идешь? — говорили Жайрѣжа и Майрѣжа.

Отвѣчалъ посолъ: — Царя Ратаначанда я слуга и пришелъ васъ звать.

— Почему такая милость царская къ намъ?—говорили Жайрѣжа и Майрѣжа.

Отвѣчалъ посолъ:—Напалъ врагъ на царя Ратаначанда; великое несчастье постигло его. Сальвѣни борѣ, вашъ дядя, наговорилъ о васъ.

Прочли царское письмо и возгордились. Кровью наливались красивые глаза, славный мой герой! Съ плечъ украшенія къ поясу спадали, славный мой герой!

Сыны доблестной матери пять мечей къ поясу подвязывали и на коней садились, славный мой герой, и поѣхали два брата по дорогѣ.

Предъ царемъ Ратаначанда предстали сыны доблестной матери.—Побѣждай, великій царь, такъ говорили. Что прикажешь намъ теперь?

Проговорилъ царь Ратаначанда, славный мой герой!—Мугалъ

и Патанъ въ Камаонъ пришли. Слушайте, слушайте, слыаши, васъ я звалъ! Покорите Мугала и Патана. Награжу я васъ.

— Мугалъ и Патанъ вырыли яму въ двадцать два локтя, въ сто манъ вѣсомъ камень положили и вбили столбъ въ двадцать четыре локтя.

Говорилъ Жайража, младшій братъ, Майражъ, брату старшему:—Ты садись въ колесницу.

И повелъ онъ войско тучу, славный мой герой! На коня сажился сынъ матери доблестной и на дорогу выѣзжалъ. Спустился въ равнины сынъ матери доблестной.

Подъѣзжалъ Жайража къ ямѣ и чрезъ яму въ двадцать два локтя перепрыгнулъ. Перескочилъ чрезъ столбъ въ двадцать четыре локтя. И за двадцать два жосъ бросилъ онъ камень въ сто манъ.

И боролся онъ съ Мугаломъ и Патаномъ. Обоихъ ихъ побилъ, славный мой герой. Все ихъ войско разбилъ. Умеръ врагъ, всѣ равнины покорились. Изъ семи равнинъ навязалъ головъ и домой ихъ принесъ, славный мой герой.

Выѣзжалъ на дорогу Жайража боръ и пріѣхалъ онъ въ Камаонъ, въ Чампавати, славный мой герой.

Увидалъ его царь и обрадовался:—Жайража, что ты сдѣлалъ? Побѣдилъ ли врага, или нѣтъ?—говорилъ царь.

— Войско я разбилъ и въ семи равнинахъ головъ я наръзалъ. Побѣждай, побѣждай, великій царь!

Деревень, нарядовъ подавалъ ему царь Ратаначанда и домой отправлялъ. Побѣдивъ врага, уходилъ Жайража домой.

Чья эта иѣсна и кто доблесть свершилъ, да не погибнуть имена тѣхъ!

5.

Змѣй Вайсинги родился въ аду, царь Пindra на небѣ, а въ срединѣ, на землѣ, народились четырехъ странъ слыаши: сѣвера слыащъ, юга слыащъ, запада слыащъ, востока слыащъ, да въ Чампавати царь Дхобичанда. Были ему слугами слыаща восточный

да западный силачи. И пришелъ туда военать сѣвера силачь. Говорилъ онъ царю: — Высылай силача воевать съ нами. Не вышлешь, такъ убьемъ тебя и захватимъ твое царство.

— Хорошо, отвѣчалъ царь, дамъ вамъ силача побиться. Бились съ южнымъ силачемъ восточный, съ сѣвернымъ — западный силачь. Восточный съ южнымъ, оба силача были волхвами. Семь дней, семь ночей бились они, не переставая. Семь дней, семь ночей бились у змѣя Вансингя, на аренѣ. Колдовствомъ убѣжали отсюда. Семь дней, семь ночей бились у царя Индры. И пришли отсюда въ Чампавати. Въ Гирикхетѣ они бились семь дней, семь ночей. И убилъ восточный силачь южного.

Пронеслась по тремъ мірамъ вѣсть, что убить южный силачь. И на помощь къ южному силачу приходилъ биться сѣверный. И напалъ сѣверный силачь на восточного. Семь дней, семь ночей они бились, не переставая. Былъ восточный силачь великій волхвъ. Колдовствомъ поднялся онъ къ царю Индрѣ. На аренѣ у царя Индры по колѣно были шары (goḍi) разбросаны.

Вотъ прыгнулъ сѣверный силачь и сбѣлъ на голову восточному. Тутъ забылъ восточный силачь все свое колдовство и убилъ его сѣверный силачь.

Сѣверный силачь такъ и остался у Индры, на аренѣ, а западный силачь пришелъ назадъ, въ Чампавати.

6.

Былъ царь Малузан ¹⁾. Три раза онъ женился, отъ трехъ женъ было у него двѣ дочери и одинъ сынъ.

Разъ въ полночь видѣлъ царь сонъ: увидалъ онъ во снѣ тибетку Кѣли, дочь тибетца Сунапата. Держала она въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой — кусокъ масла. И вымазала царя масломъ, отъ ногъ до головы.

Проснулся царь и сталъ смотрѣть туда сюда.

Говорила ему тутъ старуха мать:

¹⁾ То же Ману-сан, см 18 о Малузан.

— Сынъ! отчего не спишь ты сегодня, въ полночь? Или нѣтъ при тебѣ женъ, или нѣтъ при тебѣ дѣтей? Или къ коровамъ твоимъ забрался тигръ? Или левъ въ стадо твоихъ буйволовъ? Или шакалъ въ стадо твоихъ козъ? Откуда у тебя такая забота?

Отвѣчалъ царь:—Мои царицы при мнѣ; при мнѣ мои дѣти. Не забирая тигръ къ моимъ коровамъ, ни левъ къ моимъ буйволамъ, ни шакалъ къ моимъ козамъ.

Говорила опять старуха: — Или блохи и клопы у тебя въ постели?

— Нѣтъ блохъ и клоповъ у меня въ постели, отвѣчалъ царь.

И сказалъ опять царь матери: — Я могу тебѣ сказать, да стыдно молвить то слово предъ тобою!

Говорила опять старуха: — Десять мѣсяцевъ я хранила тебя во чревѣ, и тогда тебѣ не было стыдно; а теперь тебѣ стыдно стало. Сынъ! ничего не стыдно сказать родной матери!

— Мать! говорилъ тогда Малусян, въ полночь сегодня привидѣлась мнѣ во снѣ дочь тибетца Сунапата, тибетка Кэли. Полюбилась она мнѣ сильно и пойду я въ Тибетъ.

Говорила тутъ старуха:—Не люби ты тибетку; въ той странѣ ты найдешь ядъ; ядовита тамъ ѣда.

Говорила она опять: — Не люби ты тамошнихъ дѣвъ; я сыгравъ тебѣ новую свадьбу и невѣсту назову: «тибетка Кэли!» Не одинъ ли ты сынъ у матери, что теленокъ у коровы? Не въ одномъ ли глазу зрѣніе у криваго? И какъ уйдешь ты туда, что мнѣ дѣлать?

— Кто присмотритъ за стадами твоихъ буйволовъ? Кто присмотритъ за хлѣвами твоихъ коровъ? Кто присмотритъ за стадами твоихъ козъ? И кого оставишь въ царствѣ?

— Умру или буду живъ, говорилъ Малусян, а пойду туда. Не уговаривай ты меня, не послушаюсь я тебя.

Шелъ онъ въ кладовую и вынималъ рупи. Шелъ онъ въ лавку, покупалъ золотую свирѣль, да сдѣлалъ золотую птичку. Изъ краснаго факирскаго плаща онъ сдѣлалъ узелъ; все, что фа-

киру нужно, онъ изготвилъ. Ходилъ къ факиру, своимъ учителемъ сдѣлавъ его и научился всѣмъ факирскимъ колдовствамъ.

Выходилъ на дорогу въ Тибетъ, шелъ съ нимъ народъ изъ всего города.—Друзья! говорилъ имъ царь, зачѣмъ вы идете со мною?

Отвѣчалъ народъ:—Великій царь! ты владыка всей страны! ты роду царскаго! кожь ты уходишь, что намъ дѣлать? съ кѣмъ намъ оставаться?

Уговаривалъ много царь народъ:—Не ходите вы со мною, въ той странѣ вы найдете ядъ: ядовита тамъ ѣда и погибнете вы тамъ.

Отвѣчалъ народъ:—Великій царь! кожь погибнемъ мы, бѣды нѣтъ. Но куда ты пойдешь, туда и мы. Не оставимъ мы тебя.

И пошелъ по дорогѣ за царемъ изъ всего города народъ.

И опять уговаривалъ много Малузан народъ. Не послушался народъ.

Поднялись оттуда и пришли въ *Доракхатъ* ¹⁾.

Печува Дорала, великій силачъ, жилъ тамъ. Услыхалъ онъ о царскихъ походахъ и пришелъ повидаться съ царемъ. Говорилъ онъ царю:

— Откуда царь плешь и куда? и зачѣмъ царскій образъ перемѣнилъ на этотъ? зачѣмъ сдѣлался факиромъ? и куда путь держишь?

Отвѣчалъ Малузан:—Я могъ бы сказать тебѣ, да стыдно то слово молвить.

— Вѣдь не стыдился царь, говорилъ силачъ, оставить царство и факиромъ сдѣлаться; не было стыда тогда, а теперь что за стыдъ?

— *Кали* тибетку видѣлъ я во снѣ, и полюбилась она мнѣ сильно. Иду я въ Тибетъ!—Такъ говорилъ царь.

— Не ходи ты въ Тибетъ, говорилъ силачъ, иную свадьбу, хорошую, за тибетку я сыграю тебѣ!

— И если бы ты мнѣ сто свадебъ сыгралъ, и красавицъ

¹⁾ Doraghat, названіе мѣста въ Камаонѣ, около Алмормы.

выше ея давалъ, не по душѣ онѣ были бы мнѣ. Полюбилась она мнѣ сильно! -- Такъ говорилъ царь.

— Такъ пойду же и я съ тобою!—говорилъ Печувѣ Дорѣла.

Поднялись они и пришли въ Багесваръ. Поклонились Махадевѣ, приношенія дѣлали.

Обѣщался царь: «Коль сыграю я свадьбу съ тибеткою, золотой тебѣ принесу плодъ *nimbā*, золотую кошку и золотую птицу. И въ пятьдесятъ два локтя поставлю столбъ! Моего сердца желаніе ты исполни!»

Поднялись они изъ Багесвара и пришли въ Жвара. Какъ пришли они въ Жвара, соглашался тамъ народъ: — Наваримъ ѣды съ ядомъ и дадимъ имъ поѣсть! Поѣдятъ они и помрутъ!

И какъ двинулись они въ Тибетъ, подошелъ къ нимъ весь жварскій народъ: — Кто вы? Изъ какихъ мѣстъ? Куда идете и откуда?

— Мы факиры, по святымъ мѣстамъ бродимъ.

— Вы ѣли или нѣтъ?—спрашиваетъ жварскій народъ.

Говорилъ Мѣлусан:—Дастъ кто намъ поѣсть—поѣдимъ, а не то и безъ ѣды пойдемъ.

— Поживите въ нашей странѣ одинъ, два дня. Мы дадимъ вамъ поѣсть!—такъ говорилъ жварскій народъ.

Остановились они въ тотъ день въ Жварѣ. Насталъ вечеръ, напѣшали жварцы въ муку яду, напекли ѣды и поставили ее передъ ними.

И поѣли странники, кто пять, кто семь *phā* ¹⁾. Печувѣ Дорѣла съѣлъ одинъ манъ, поѣлъ и Мѣлусан. Но мантръ ²⁾ сила убила въ немъ ядъ. Какъ настала ночь, всѣ заснули. Разсвѣло, и кто спалъ, не проснулся.

Одинъ Мѣлусан всталъ, вынулъ свою *rothi* (книгу) и сталъ мантры читать: вышелъ изъ всѣхъ ядъ и всѣ стали здоровы!

Пришелъ народъ жварскій посмотрѣть, мертвы ли они или живы. Увидали всѣхъ живыми, огонекъ горѣлъ и курили люди табакъ въ *хукхъ* ³⁾.

¹⁾ *phā*, блинъ, см. Bate в. в. рѣа.

²⁾ *mantra*, заговоръ.

³⁾ Индѣйская трубка.

— Или боги они, или факиры? разсуждали жварцы. — Не творятъ такихъ дѣлъ люди! изумлялись жварцы.

— Присядьте, — говорили факиры: — покурите табаку въ хукѣ!

Но стояли жварцы и, сложивъ почтительно руки, говорили:

— Отпустите намъ нашу вину! Развѣдывали мы, не чудотворцы ли вы, факиры?

— Въ чемъ ваша вина передъ нами? спрашивали странники.

— Давали мы вамъ ядовитую ѣду, и не пристаѣлъ къ вамъ ядъ! Дивуемся мы сильно: вы боги, а не люди!

Разсѣялся Мѣлусан и сказалъ: — Мы не ѣли яда!

И сказалъ народъ жварскій: Ышьте. Коль скажете намъ: наварите, мы наваримъ; коль скажете: сами станемъ варить, принесемъ вамъ все нужное!

— Наварите! — сказалъ Мѣлусан. — Пошелъ народъ жварскій по домамъ и принесъ ѣду странникамъ. Три дня ѣли тамъ странники; чрезъ три дня сняли станъ и пришли въ Тибетъ.

Передѣлалъ Мѣлусан своихъ спутниковъ въ животныхъ; изъ Печувѣ Дорѣла сдѣлалъ мѣдвѣдя, и въ то мѣсто, гдѣ разрослась тыква тибетца Сунапата, спряталъ его. А самъ остановился у пруда.

Зангралъ онъ на золотой свирѣли, сталъ выводить тогсана ¹⁾ (ноты), и отъ звуковъ его свирѣли обезумѣли тибетскіе жены и мужья. Пѣснилась ими тибетка Кѣли; по цѣлымъ днямъ сидѣла около него и лишь поѣсть доной ходила.

— Какъ мнѣ увести тебя отсюда? спросилъ ее Мѣлусан.

Отвѣчала Кѣли тибетка: Хорошо, коль убьешь отца, а не то не увести тебѣ меня!

Научалъ ее Мѣлусан: Въ эту ночь притворись ты больною. Какъ станетъ тебя отецъ спрашивать: «Что ты чувствуешь?» говори ему: «Растетъ моя боль, не уменьшается!» И какъ спроситъ онъ тебя: «Поѣсть чего не хочешь ли?» говори: «Поѣла бы тыквенной похлебки!» Вотъ пойдетъ онъ тыкву искать и съѣстъ его медвѣдь.

¹⁾ О тогсана см. Приложение.

Пришла она домой и больною притворилась. Пошелъ отецъ тыкву искать. Протянулъ Сунапатъ тибетецъ къ тыквѣ руку и съѣлъ его тутъ мѣдвѣдь.

Умеръ Сунапатъ тибетецъ и прошла болѣзнь у Калн тибетки. Поднялся въ Тибетъ шумъ: «Умеръ Сунапатъ тибетецъ!» И пошелъ народъ его жечь.

А Малусан и тибетка Калн были радостны. Какъ прошла ночь и настало утро, передѣлагъ Малусан изъ звѣрей людей, и пошелъ оттуда по дорогѣ съ тибеткою Калн.

Съ великимъ трудомъ пришли они въ Багесваръ. И поставилъ Малусан въ пятьдесятъ два локтя столбъ, приносилъ золотой плодъ *pihbi*, золотую кошку и птицу.

Въ Дорагахъ пришли оттуда и дарилъ царь силачу четыре деревни въ равнинахъ и четыре въ горахъ.

Оттуда пошелъ въ Чанпавати. Раздавалъ дары народу. Начъ¹⁾ устроилъ, угостилъ народъ и по домамъ отослалъ.

7.

Жили были два брата: *Ажия* и *Падия*; жили они въ поляхъ Тоимечолн.

У *Ажия* было шесть сыновей и девять внуковъ, а у *Падия* была только одна жена.

Сказалъ *Ажия* брату: «Давай раздѣлимся!» И пошли они дѣлиться. *Ажия* взялъ себѣ лучшую часть, а похуже отдалъ брату.

Пришелъ *Падия* домой; взглянула жена на его добро и говорить: Это добро ты взялъ?—Онъ отвѣчалъ: Да!—И была она очень недовольна.

Созвала жена пять человѣкъ на судъ²⁾. Но пять человѣкъ говорили въ пользу *Ажия*.

¹⁾ Начъ, т. е. туземный балетъ.

²⁾ Судъ пяти. *Pañc*, или *Pañcāyat*: очень древнее учрежденіе въ Индіи, см. Elliot. Memoirs I, 279. In its strictest acceptation the

Вотъ въ полночь сталъ Падія взывать къ отцу объ истинѣ. И во снѣ услыхалъ онъ, какъ отецъ сказалъ ему: Есть дерево Пипалъ, на чью сторону оно упадетъ, тотъ лжецъ!

Сказалъ Падія брату: Есть дерево Пипалъ, на чью сторону оно упадетъ, тотъ лжецъ; на чью же не упадетъ, тотъ справедливый.

Упало то дерево на сторону Ажія. И пошелъ онъ домой.

— Какъ дѣло было? спросила жена у Падія.

— Упало дерево на сторону Ажія! отвѣчалъ онъ.

Сказалъ Ажія брату: Хочешь поѣсть рыбы изъ Гауригхата?

Пошли два брата и убили Ажія брата. Вернулся онъ домой и прогналъ жену брата.

Была она на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и сама не видѣла, какъ выкинула. Пришла она въ Мадуликоть.

Въ это время два сына Туннимахара охотились въ лѣсу. Услыхали они дѣтскій плачь и говорятъ сами себѣ: Сегодня дичь ли насъ съѣсть, мы ли дичь поѣдимъ—неизвѣстно!—И ругали они тутъ ребенка.

Накопецъ они рѣшили: Возьмемъ его и сдѣлаемъ изъ него пастуха. Принесли ребенка домой. А мать его сидѣла въ навозѣ.

Пришли они домой.—Чье это рожденіе? говорятъ имъ ихъ мать. Они отвѣчаютъ: Великъ нашъ грѣхъ!—И пошли къ брахману.

— Какъ намъ отъ грѣха очиститься? спросили они у брахмана. — Накормите семь человѣкъ и раздайте въ даръ семь коровъ! научилъ ихъ брахманъ.

Пришли они домой и сдѣлали по сказанному; а мать ребенка въ это время стояла въ нижнемъ этажѣ.

— Поди, взгляни на нее! говорятъ они отцу; а та между тѣмъ пошла купаться. И сѣлъ старикъ на порогъ.

pañc consists, as its name implies, of five persons, who ought to be residents of the same village, or of the same caste and rank in life as the parties concerned; but this number in modern times is seldom adhered to: three is the smallest number of which it can be constituted, and it may consist of as many as fifty or a hundred.

— Зачѣмъ ты сидишь на порогѣ? закричалъ ему изъ дому ребенокъ. — Я твой дѣдъ! отвѣчалъ старикъ. — Такъ дай мнѣ gulāl (красный порошокъ) и простыню!

Сталъ онъ юношею. И послалъ его дядя стеречь козъ. Перебилъ онъ въ лѣсу козъ и поѣлъ ихъ. Прогналъ его дядя.

Пошелъ онъ къ родной матери и спрашиваетъ ее: Гдѣ моя родина? — И рассказала ему мать все.

Пошелъ онъ въ свой домъ въ Варһаулi-koṭ, взялъ свою часть и убилъ Ажіа.

Сталъ онъ господиномъ всего царства, призвалъ мать, сыгравъ свадьбу и сталъ счастливо жить.

8.

I.

Въ преисподней родился царь змій Вансингі; на небѣ родился царь Индра, а на землѣ царь Дхобичандъ.

Въ Банхауликоṭъ родился Ажува Банхаула.

У царя Дхобичанда была дочь Гангала. На землѣ она родилась, и какъ минуло ей двѣнадцать лѣтъ, не было подобной красавицы на землѣ.

Сорокъ восемь царей добивались ее и никто не получилъ.

Отдалъ царь такой приказъ: За того отдамъ я дочь, у кого во дворцѣ золотыя притолки, серебряныя двери, кто бездонную яму богатствомъ переполнитъ.

Былъ у царя тамъ факиръ Житувъ и былъ факиръ великій чудодѣй.

Продавали сорокъ восемь царей свои царства, продавали женъ наряды и пытались переполнить бездонную яму. И никто переполнить не смогъ.

Вотъ сѣлъ на коня Ажува Банхаула и пріѣхалъ въ Чампавати. И свидѣлись два человека. По лѣстницѣ онъ входилъ въ трехъ-этажный дворецъ, къ царевнѣ. И свидѣлись они.

— Съ тобою будетъ моя свадьба, говорила царица. Къ моему отцу ты иди! И хорошо, какъ скажешь онъ, да. А не то я съ тобою уйду въ твой домъ.

Пошелъ къ царю Ажувъ Банхаулъ и просилъ онъ посмотреть царевни чихна. Сталъ царь въ умъ говорить: Ужъ не этотъ ли сможетъ переполнить бездонную яму? И показывалъ онъ чихна.

Говорила тутъ дочь волхву: Ты молчи, не волхвуй теперь.

Посылалъ Ажувъ Банхаулъ во все стороны письма, призывалъ мастеровъ изъ Делги. И въ письмѣ домой говорилъ: На воллахъ моихъ и коняхъ въ Чампавати мнѣ добро привозите. Приводите ихъ сюда и приходите съ моимъ поѣздомъ.

Приходили мастера изъ Делги. Въ твердыню Банхаули собрались его кони и волы. Забили тамъ въ барабаны, заплѣли и заплясали тамъ плясуны. Загремѣла тамъ музыка. Развѣвались тамъ знамена. На воловъ, на коней добро понавѣчивали; къ походу въ Чампавати ихъ изготовили, изготовился и поѣздъ брачный.

Задумался царь Дхобичандъ: Кто этотъ царь, что со мною воевать идетъ? Переслались они между собою письмами. Писалъ Ажувъ Банхаулъ: Не страшись, то мой поѣздъ брачный.

И пришелъ поѣздъ въ Чампавати. Играли свадьбу тамъ; забросалъ женихъ богатствами бездонную яму, золотыя притоки и серебряныя двери онъ построилъ.

И откуда онъ богатства набралъ? И откуда богатства набросалъ? Не зналъ царь Дхобичандъ, что придумать, и позволилъ богатство привозить. Сыграли свадьбу, вернулся Ажувъ Банхаулъ домой и весь народъ угощалъ.

Вотъ вернулись делгійскіе мастера, къ себѣ и говорили падишаху: Есть одинъ человекъ, и нѣтъ ему равнаго богача. Сыгралъ онъ свадьбу съ дочерью царя Дхобичанда. Призвалъ падишахъ Ажувъ Банхаулъ. И какъ пришелъ онъ въ Делги, много чтилъ его падишахъ, далъ ему наложницу.

II.

Навьючилъ Сунапатъ тибетецъ на козловъ золота и пришелъ въ Чампавати. Остановился онъ тамъ. Приходили горожане: Почему соль продаешь? спрашивали его.

Не говорилъ ничего Сунапатъ, тибетецъ, и самъ пошелъ къ царю. — Мою свадьбу съ дочкою сыграй, говорилъ онъ царю. — Хорошо, сыграю! отвѣчалъ царь. — Зови сюда родную дочь, научали царя совѣтники. И писали царскіе совѣтники: Слѣши сюда, отецъ твой боленъ. Какъ пришла она оттуда и увидалъ ее тибетецъ, все богатство побросалъ и въ свою сторону увелъ ее. Всю дорогу сторожилъ и привелъ въ Тибетъ.

— На двѣнадцать лѣтъ, говорила ему Гангала, ты мнѣ братъ, а я тебѣ сестра! На двѣнадцать лѣтъ — ты мнѣ отецъ, а я тебѣ дочь. Какъ пройдутъ двѣнадцать лѣтъ — станешь ты мнѣ мужемъ, а я тебѣ женою.

III.

Въ полночь, въ Делги случилось Ажувѣ Банхаулѣ: Играй ты вторую свадьбу! Въ Тибетъ увелъ меня тибетецъ. Кога придеши сюда, отравитъ онъ тебя.

IV.

Вотъ настало утро и пришелъ онъ къ падишаху: Моя мать больна, говорилъ онъ, на шесть мѣсяцевъ дай мнѣ отлучиться.

Разрѣшилъ ему падишахъ и ушелъ онъ домой.

V.

— Батюшка, говорила мать, здоровъ ли мой сынъ?

Отвѣчалъ факиръ: Здоровъ.

— Чего хочешь, батюшка? спрашивала старуха.

— Что сыну родному некала, то и мнѣ напекли. — И напекла старуха. Поѣлъ факиръ и пошелъ онъ къ царю. — Гдѣ же моя жена? спрашивалъ факиръ.

— Стала она женою Сунапата тибетца. Увелъ онъ ее.

Убилъ факиръ царя, его войско перебилъ и перебилъ семь сыновъ.

VI.

Уходилъ онъ оттуда по дорогѣ въ Тибетъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ жила Гангала, въ той лавкѣ онъ остановился. Увидала его Бачули, тибетца дочь и влюбилась въ него. Заигралъ онъ на свирѣли, возрадовались всѣ жены тибетца и влюбились въ него.

Притворилась Гангала, что животъ у ней болитъ. Разослалъ Сунапатъ тибетецъ семьсотъ человекъ за лекарствомъ. И ни одинъ не вернулся живымъ.

Собралися въ путь самъ тибетецъ, а Ажувъ Банхаулъ уводилъ всѣхъ его женъ и отправлялся домой.

VII.

Три дня бился онъ по дорогѣ съ тибетцемъ и семь дней воевалъ съ его дочерью. Перебилъ ихъ и вернулся домой.

9.

Семь свадебъ сыгралъ отецъ Жараужа изъ роду Бханари своему сыну Калувъ изъ роду Бханари; но ни одна жена не была его сердцу мила.

Услыхалъ Калувъ, изъ роду Бханари, что въ одномъ мѣстѣ, у отца Мета-бора, дочь на выданьи. Сѣлъ на коня и поѣхалъ еѣ посмотрѣть.

А дочь Балъ Свасилъ въ эту пору у окна сидѣла и наряжалась. Палъ ея взоръ на Калувъ изъ роду Бханари.

— Остановись! говоритъ она ему, покури табакъ!—Говорилъ ей бѣднякъ: Я приду, когъ ты слова мои выслушаешь! А иначе, зачѣмъ мнѣ стоять тутъ!

Видитъ она, что хорошъ онъ и молодъ, и послушалась красавца.

Сталъ онъ у окна, и слюбилъ ихъ сердца. Четыре, пять мѣсяцевъ прожилъ Калувъ изъ роду Бханари у красавицы.

— Худая слава пошла обо мнѣ и о тебѣ, говорила краса-

вица, давай отцу выкупъ!—Отвѣчалъ Калувѣ изъ роду Бханарі:
У отца добуду выкупъ и приду! И возьму тебя къ себѣ! Воровски
или насильно не хочу тебя уводить!

Пошелъ къ отцу и сказалъ: Видѣлъ тамъ-то я красавицу!—
Для твоей свадьбы, отвѣчалъ отецъ, у меня осталось оброковъ
за цѣлый годъ! Собери ихъ и принеси.

Согласился сынъ и говорилъ красавицѣ: Ухожу ради нашего
дѣла, ты же другому не давай обѣщанія.

И клялась красавица: За другаго не пойду!

Пошелъ онъ оброки собирать и собралъ полъ-оброка съ полъ-
деревни.

Въ эту пору Гангасера, снѣгъ, взявъ золотое ожерелье, цѣ-
ною въ двѣнадцать сотенъ рупи, выходилъ невѣсту искать.

Шелъ, шелъ и пришелъ къ тому дому, гдѣ жила Бѣла Свасилѣ.—
На выданьи твоя дочь? говорилъ снѣгъ отцу.—На выданьи! от-
вѣчалъ отецъ.

Сталъ одинъ брахманъ свадьбу ладить. Убѣждалъ красавицу.—
Я другому дала обѣщаніе! говорила она. Увѣщавъ брахманъ,
золотое ожерелье дарилъ и ушелъ, сказавъ: Черезъ восемь дней
приведу поѣздъ.

Какъ ушелъ онъ, посылала красавица съ нѣсколькимъ къ Калувѣ изъ
роду Бханарі. Отписала обо всемъ, что случилось. Говорила: За
другаго выдастъ меня отецъ. Коль берешь меня, такъ бери! А
не то съ другимъ свадьба будетъ.

Получилъ оброкъ Калувѣ изъ роду Бханарі и вернулся. Все
добро, что набралъ, отцу отдалъ. И пошелъ туда, въ поля Ка-
кувѣ, гдѣ красавица жила.

Вотъ пришелъ онъ къ ней и спрашиваетъ: Что случилось?—
Говорить она: Назавтра поѣздъ придетъ.

— Коль поѣздъ придетъ, говорилъ онъ, намъ что дѣлать?—
Придетъ поѣздъ, мы посмотримъ.

И пришелъ на утро поѣздъ. Перерядился Калувѣ, изъ роду
Бханарі съ поѣзжанами сѣлся, плясалъ, пѣлъ и въ игры
игралъ.

Забрался въ комнату къ красавицѣ. На твою пляску и игру
я глядѣла и радовалась! говорила она ему.

Вотъ ночью, какъ въ игры играли, сталъ одинъ нѣмой нищій съ чашею всѣхъ обходить и увидалъ, что въ невѣстной комнатѣ не одна, а двое.

Говорилъ нѣмой дядѣ: Ты зачѣмъ свадьбу играешь? Вѣдь тамъ сидитъ Калувѣ изъ роду Бханарі.

И пошелъ туда жениховъ отецъ посмотрѣть, а Калувѣ изъ роду Бханарі подъ постель забрался. Смотрѣлъ отецъ туда, сюда.

— Ты зачѣмъ сюда пришелъ и кто ты? говорила красавица.

— Я свекоръ, невѣстуха! отвѣчалъ жениховъ отецъ.

— Ты пришелъ за мною подсматривать! Кляту, что дала, ту скажу тебѣ: не пойду никогда за твоего сына.

Вышелъ отъ нее жениховъ отецъ и говорить ко всѣмъ:

— Гнѣвалась невѣста; никого тамъ нѣтъ. Снимайте осаду. Вотъ ночью настало *счастливое звѣздъ сочетаніе* (lagna). И собралась въ эту пору толпа, точно воевать. Пдутъ по дорогѣ и домъ окружили.

Увидалъ Калувѣ изъ роду Бханарі, какъ войско шло и спрятался за стѣной; положилъ на голову мечъ и заснулъ. Вотъ какъ шелъ народъ туда, говорить Калувѣ, изъ роду Бханарі, самъ съ собою: Что дѣлать?

А народъ кричитъ брахману: Иди туда, отбери золотое ожерелье!—Пошелъ брахманъ къ невѣстѣ за ожерельемъ.

— Пойду къ господину моему Бханарі спросить! говорить невѣста. Пошла она къ нему и подняла его.

— Не отдадимъ, говорить Калувѣ, ожерелья; коль ты туда уйдешь, такъ ожерелье бери. А не то, такъ я обѣ вещи заберу.

Вернулся брахманъ къ народу и говорить: Не отдаетъ Калувѣ, изъ роду Бханарі, ожерелья.

— Зарѣжь ты того, кто тамъ прячется! кричитъ брахману народъ.

Выходила къ жениху красавица и говорила: Они близко, тебя убьютъ и меня уведутъ.

Отвѣчалъ онъ: На мою игру ты посмотри! Посчитай сколько ихъ я побью.

Прыгнувъ онъ съ мечемъ наголо и показавъ имъ свою игру. Двадцать дюжицъ человекъ вверхъ и внизъ разбросалъ. Ихъ

же взмахи были понапрасну. Двадцать дюжинъ онъ побилъ. Лишь одинъ нѣмой укрылся живымъ.

Вотъ позналъ Калувѣ изъ роду Бханѣри невѣсту.—Двѣнадцать дюжинъ побито! Славна храбрость того, кто положилъ на мѣстѣ двѣнадцать дюжинъ.

— Жажда мучить меня! говорилъ Калувѣ изъ роду Бханѣри.

— Тутъ кто-то укрывается! говорила красавица; посмотри хорошенько.

Посмотрѣлъ онъ и вытащилъ нѣмаго.—Принеси воды! говорилъ ему Калувѣ изъ роду Бханѣри.

— Нѣтъ, убей его! просила красавица.

— Будетъ онъ моимъ пастухомъ! Буйволовъ и коровъ станетъ пасти. Убивать его зачѣмъ? отвѣчалъ силачъ.

Пошелъ нѣмой за водой и увидалъ по дорогѣ мертвыя тѣла:

— Всѣ-то братья, всѣ родимые померли! говорилъ нѣмой; отомщу-же я за нихъ! И укрывъ подъ полою два-четыре камня, принесъ онъ силачу воду.

И какъ сталъ силачъ воду пить, бросилъ нѣмой камень ему въ голову. И пробылъ камень голову силача; падалъ онъ безъ чувствъ.

Тутъ нѣмой схватилъ за косу красавицу и говорилъ: Всю нгру ты затѣяла.

И какъ очнулся и поднялся Калувѣ, видитъ онъ, какъ нѣмой жену бьетъ. Завязалъ силачъ рану и крикнулъ на нѣмаго.

Побѣждалъ нѣмой, а силачъ ему въ слѣдъ метнулъ ножъ, говоря: Коль ловко я метнулъ, такъ вонзится ножъ! И умиралъ тутъ нѣмой; на двѣ части разбилась его голова.

Посылалъ Калувѣ изъ роду Бханѣри за отцемъ съ матерью, да за братьями. Повидался и почувствовалъ, что не жить ему. Въ небу бросилъ ножъ и поставилъ шею.

Умеръ, и красавица сожглась съ нимъ.

10.

Въ Камаонѣ родился царь Викрамачандра изъ рода Сиваланга. Въ Катъюрѣ ¹⁾ родился царь Вармадева изъ Солнечнаго роду. Сдѣлалъ царь Викрамачандра великую ступку, въ которой вмѣщалось девять *нали* золота.

И былъ у него Токдаръ ²⁾, по имени Мадапиндѣла. Поставилъ онъ его сборщикомъ податей съ земли, чтобы наполнить эту ступу золотомъ.

Когда царскіе слуги, ради этого разосланные, пришли назадъ, Токдаръ, смѣшавъ золото съ мѣдью, наполнилъ этимъ ступу, подъ именемъ золота.

Сталъ царю извѣстепъ его обманъ, и когда Токдара связали, онъ сознавшись, сказалъ: Если моя вина будетъ прощена, я дамъ золота въ двое.

Когда же пришелъ въ свой домъ, то собравъ все свое богатство, покинулъ Камаонъ и пошелъ въ Катъюръ, къ царю Вармадевѣ, изъ солнечнаго роду.

Тамъ онъ вполне открылся: Такое-то дѣло сдѣлалъ я въ Камаонѣ; теперь пришелъ сюда и здѣсь желаю жить.

Царь изъ солнечнаго роду отдалъ приказъ: Издревле ты нашъ.

Далъ ему землю и поселилъ въ своемъ царствѣ.

Узнавъ камаонскій царь Викрамачандра, что Токдаръ Мадапиндѣла бѣжалъ и ушелъ къ Катъюрскому царю.

¹⁾ Катъюръ (Katyur), или какъ англичане иногда пишутъ, *Kutloor*: древнѣйшая династія камаонскихъ царей; ея владѣнія были въ Гарвалѣ и Камаонѣ. Жошпматъ, близъ Бадрината, и Катъюръ (Katyur), къ С. отъ Алморя, были главнѣйшими мѣстами, въ которыхъ сосредоточивалась ихъ сила.

²⁾ Токдаръ (Tokdar): полицейскій чиновникъ надъ нѣсколькими деревнями. Жалованіе получаетъ по одной рупи во время свадьбы дочерей деревенскихъ старшинъ (padhan). Когда старшина убиваетъ козу, токдаръ получаетъ ногу. — Старшина (padhan) выбирается односельчанами, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это званіе наследственно и переходитъ отъ отца къ сыну.

Отписалъ царь катыюрскому царю: Такому то Токдару ты далъ убѣжище; онъ, свершивъ такую то важную вину, пришелъ къ тебѣ. Теперь ты его свяжи и пришли сюда.

На это Катыюрскій царь отвѣчалъ Камаонскому: Этотъ Токдаръ тебѣ принадлежитъ. Ты самъ образумь, усмири его, и самъ уведи его! Какимъ образомъ я пошлю его къ тебѣ?

Тогда отъ Камаонскаго царя пришелъ посолъ со словами: Если не прилешь его, то приѣду воевать съ тобою.

На это Катыюрскій царь далъ ясный отвѣтъ: Своими руками не могу его прислать. Этотъ человѣкъ твой, а потому, коль желаешь, бери его.

Тогда Камаонскій царь обвязалъ мечъ и рѣшился воевать съ Катыюрскими царемъ. Созвалъ онъ совѣтниковъ и отдалъ приказъ: Тамъ, въ Катыюрѣ, два великихъ богатыря, старшаго зовутъ Бхія (Bhiyā), младшаго Чхія (Chiya); какъ поведу на нихъ войско? Не смогутъ воины противостоятъ имъ.

Совѣтники ему отвѣчали: Если ты приведешь сюда напильнѣйшаго Бхию, того, который поѣдаетъ по 36 шеръ заразъ, то одержишь побѣду.

Тогда камаонскій царь сталъ на тысячу ладовъ увѣщать слача Бхию, съ тѣмъ чтобы призвать его къ себѣ.

Слачъ сталъ проситься къ камаонскому царю.

— Не ходи, говорилъ ему Катыюрскій царь; если пойдешь туда, убьютъ тебя. Съ лукавствомъ призываютъ тебя.

— Много было мнѣ писано, отвѣчалъ слачъ; нельзя не идти туда. Коль буду живъ, то останусь твоимъ рабомъ.

Взялъ слачъ желѣзный мечъ и пошелъ къ Камаонскому царю. Сталъ онъ подходить къ царскому дворцу и въ сорока шагахъ оттуда разыгрался и началъ прыгать. Много онъ игралъ, прыгалъ и плясалъ; затряслась земля, словно землетрясеніе произошло.

Дошла объ этомъ вѣсть до царя. Пришелъ слачъ во дворецъ, поклониться царю, и выставилъ ему царь угощенія: 18 шеръ, да еще около одного мана.

Но такому ѣдоку какъ этимъ насытиться? Сталъ слачъ тогда проситься домой.

— Какъ, сказалъ царь, ты уходишь, ничего не сдѣлавъ?

— Коль будетъ приказаніе отъ царя, отвѣчалъ силачъ, то исполню его. Но какъ мнѣ жить у тебя? не нашелъ я въ царскомъ домѣ живота утоленія.

Спросилъ его царь: Столько тебѣ дали, а тебѣ все мало. Сколько же ты ѣшь?

— Давалъ мнѣ мой царь, отвѣчалъ силачъ, восемнадцать наліи, ровно тридцать шесть шеръ; и все это я всегда поѣдалъ.

Сказалъ ему затѣмъ царь: Войско мое идетъ войною на Батьюрскаго царя. Ступай посмотри на моихъ силачей.

— Слушаю, отвѣчалъ силачъ; прикажи отобрать сильнѣйшихъ изъ сильнѣйшихъ!

Отобралъ царь десять человѣкъ изъ роду Махара Токдара.

Взялъ силачъ Бхія десять человѣкъ и привелъ ихъ къ крутому спуску, что звался Пая (Paya).

— Влодите на гору! сказалъ онъ имъ.

— Собирайтесь всѣ въ кучку. Коль не будете всѣ въ одномъ мѣстѣ, то кто нибудь со мною упадетъ.

Десять человѣкъ сдѣлали по сказанному. Тогда Бхія взялъ ихъ десять одною рукою и всѣхъ бросилъ въ пропасть *Пая*. Кто тутъ же померъ, кто еле живъ остался.

Послѣ этого Бхія пошелъ поклониться царю Викрамачандрѣ, изъ рода Сивалинга.

— Каковы мои силачи? спросилъ его царь изъ роду Сивалинга.

— Царскіе воины, отвѣчалъ, поспѣваясь, силачъ Бхія, развѣ могутъ быть не силачами? Царскіе силачи въ пропасть Пая попадали. Стали было меня бросать, да я пошелъ отбиваться; всѣхъ побѣдилъ и въ пропасть побросалъ. Вотъ какіе силачи во дворцѣ вашего величества!

Царь Викрамачандра изъ роду Сивалинга отдалъ приказъ своимъ рабамъ: Ступайте, посмотрите!

Пошли рабы смотрѣть и увидали въ пропасти Пая десять мертвыхъ силачей. Пришли къ царю и сказали:

— Великій царь, Бхія побилъ десять силачей и побросалъ ихъ въ пропасть Пая!

Спросилъ царь силача Бхія: Въ моемъ войскѣ кто сможетъ съ тобою теперь воевать?

Отвѣчалъ Бхія: Изъ роду *Партьяла* (Partyaḷa) смогутъ воевать со мною!

Выбрали десять человѣкъ изъ этого роду воевать съ силачемъ.

И стали эти люди такъ говорить: Ты, силачъ Бхія, побилъ десять человѣкъ изъ роду Махара. Мы всѣ таковы-же какъ ты. Не знаешь, ты каковы люди изъ нашего роду!

Взялъ Бхія этихъ десять человѣкъ и привелъ къ пропасти *Пая*.

Заспѣшилъ Бхія и говорить десяти человѣкамъ: Посмотрите на небо, что это за птицы?

Стали десять человѣкъ на небо смотрѣть, а Бхія взялъ да и бросилъ ихъ въ пропасть *Пая*.

Пришелъ силачъ Бхія поклониться царю *Викрамачандрѣ* изъ роду *Сивалинга* и донесъ:

— Побросалъ я въ пропасть *Пая* тѣхъ десять человѣкъ, что были тобою послѣ присланы и пришелъ къ тебѣ. Десять человѣкъ изъ роду Махара, таковы же какъ и десять человѣкъ изъ роду *Партьяла*. Всего двадцать человѣкъ побросалъ въ пропасть *Пая* и пришелъ къ тебѣ.

Разгнѣвался царь изъ роду *Сивалинга*.

— Говори, Бхія, кто можетъ съ тобою воевать?

— Сыны *Токдара Дхони* могутъ со мною воевать! отвѣчалъ Бхія.

Отдалъ царь изъ роду *Сивалинга* приказъ:

— Вы, десять сыновъ *Токдара Дхони*, приготовьтесь воевать съ Бхіа!

И приготовились эти десять человѣкъ биться съ Бхіа; взялъ онъ ихъ и говоритъ имъ:

— Каковы врата во дворцѣ царя *Викрамачандра*, изъ роду *Сивалинга*?

А тѣ десять человѣкъ межъ тѣмъ согласились: Бросимъ подъ ворота силача Бхія. Пришли они къ воротамъ вѣстѣ съ Бхіа и со всѣхъ сторонъ окружили его.

— Вы, десять человѣкъ, говоритъ имъ Бхія, станьте къ одной сторонѣ, въ среднѣй воротъ, а я стану къ другой!

Стали десять человѣкъ къ одной сторонѣ, въ среднѣй воротъ, а Бхія сталъ къ другой сторонѣ. Сдвинулъ Бхія ворота на нихъ; пали ворота, придавили и придашили десять человѣкъ.

Какъ только десять человѣкъ померли, пошелъ Бхія къ царю Впекрамачандрѣ изъ роду Сивалинга.

— Каковы теперешніе силачи? спросилъ его царь.

— Привелъ я ихъ, отвѣчалъ Бхія, къ царскимъ воротамъ; они меня тамъ обружили со всѣхъ сторонъ. Сказалъ я имъ тогда: васъ десять, а я одинъ; станьте къ одной сторонѣ, а я къ другой. Стали они къ одной сторонѣ, а я къ другой. Бросилъ я на нихъ ворота и померли тѣ сказанные десять силачей!

Сильно разгнѣвался царь и говоритъ: Тридцать силачей ты поморилъ. Говори, кто можетъ съ тобою воевать?

— Десять сыновъ Токдара Мауні! Отвѣчалъ силачъ Бхія.

Отдалъ приказъ царь, чтобы послали за десятью сынами Токдара Мауні. Сказалъ имъ царь:

— Ступайте воюйте съ силачемъ Бхія! Коль убьете его, приходите ко мнѣ, великую награду получите!

По царскому приказу приготовились десять сыновъ Токдара Мауні воевать съ силачемъ Бхія.

Условились эти десять человѣкъ: Поведемъ его къ мѣсту, гдѣ глиню роютъ, бросимъ его туда и на него набросаемъ глиню. Бхія умретъ.

Согласившись такъ, повели его къ копю.

— Ступай въ эту копь! сказали Бхіѣ десять человѣкъ.

— Богиня Кâли, отвѣчалъ Бхія, дала мнѣ завѣтъ: не ходи въ грязныя мѣста. А копь эта полна грязи. Ступайте туда и выбросайте грязь. Одного человѣка оставьте меня стеречь.

Пошли десять человѣкъ выбрасывать грязь, а Бхія бросилъ и десятого въ яму. Забросалъ десять человѣкъ глиною и придавилъ ихъ.

Пришелъ онъ потомъ къ царю поклониться.

— Баковы эти мои богатыри? спросилъ его царь.

Отвѣчалъ Бхія:

— Ступай нагой глны, сказали мнѣ твои люди. Я не пошелъ. Они забрались въ копъ, а я ихъ глиною забросалъ и поморилъ!

Сказалъ на это царь: Поморилъ ты моихъ сорокъ сплачей. Исполни же теперь мой приказъ: ступай въ тюрьму на восемь дней.

— Беззащитенъ я: какъ твоего приказа не исполнить! отвѣчалъ Бхія.

Надѣли ему на руки цѣпи вѣсомъ въ 32 манъ, надѣли на ноги цѣпи, на шею повѣсили желѣзную цѣпь и на голову поставили чашу съ угольями. Двадцать два человѣка стерегли снаружи. Двадцать два человѣка были заперты на дворѣ, внутри.

Говорилъ царь: Кого боялся, тотъ теперь въ моихъ рукахъ. Не трудно теперь побѣдить Катюрскаго царя. Готовьтесь всѣ черезъ шесть дней идти войною на Катюрскаго царя!

А Бхія надѣялся освободиться черезъ восемь дней.

Между тѣмъ Камаонское войско пошло на Чхія изъ рода Катаята (Kaṭayāt). А Чхія изъ роду Катаята пошелъ искать брата въ Иліякотъ (Ilīyākot). Нашъ онъ тамъ буйволовъ и повсюду искалъ брата; и увидалъ онъ, что осмнадцать тысячъ воиновъ камаонскаго царя Викрамачандры изъ роду Сивалинга пришли къ деревнѣ Иліякотъ.

Сталъ Чхія въ умѣ разсуждать: Убилъ царь В. изъ роду Сивалинга моего брата Бхія и пришелъ сюда, привелъ онъ войско меня убить. Теперь мнѣ умирать!—Разсудивъ такъ, сказалъ онъ самъ себѣ: Нечего теперь бояться!

Половина войска царя Викрамачандры изъ роду Сивалинга шла впередъ, половина сзади; въ срединѣ ѣхалъ на конѣ царь Викрамачандра изъ роду Сивалинга.

Чхія изъ роду Катаята перебилъ переднее войско, семь тысячъ человѣкъ перебилъ. Какъ перебилъ онъ столько войска, посмотрѣлъ царь впередъ и увидалъ онъ мало войска.

— Куда ушли мои люди? спросилъ царь.

Отвѣчали ему слуги:

— Того Бхія, что въ тюрьмѣ сидитъ, братъ Чхія изъ роду

Катаята перебилъ переднее войско, семь тысячъ человекъ. И стоитъ онъ теперь, хочетъ насъ перебить.

Разгнѣвался царь и сказалъ Чхѣ изъ роду Катаята:

— Перебилъ ты столько людей! Померло столько! Прочь съ дороги!

Далъ Чіа на это царю такой отвѣтъ:

— Видѣлъ-ли ты слача, сворачивающаго съ дороги? Или видѣлъ льва, сворачивающаго съ дороги? Или царя, добровольно покидающаго престолъ, ты видѣлъ? Глупъ ты царь! Въ глупомъ городѣ ты глупый царь! На двѣ копѣйки вѣсомъ, и ѣды на двѣ копѣйки! Прочь съ дороги! Говоришь ты. Никогда не сойду я съ дороги и, что будетъ ночи, стану биться съ тобою! Не ты-ли убилъ моего брата? За него вознагражу тебя!

Какъ сказалъ Чхія такое слово, разгнѣвался царь, и послалъ въ голову Чхѣ пулю изъ ружья. Дошла пуля до Чхія и палецъ онъ замертво.

И сказалъ тогда царь войску: Въ тюрьмѣ сидитъ Вхія, и убить Чхія. Идемъ! Теперь, смѣясь и играя, ограбимъ Катьюрскую страну и вернемся. Ослѣпивъ *Сайма*¹⁾, пѣйнимъ его. Заковавъ въ цѣпи, уведемъ царя Вармадеву. Передупимъ рыбъ въ рѣкѣ *Рахава* (Rahavā).

Съ плясками и игрою разбилъ онъ лагерь у Хатхалекха (*Nathalekha*) и оттуда послалъ царю Вармадеву вѣсточку:

Стопимъ мы лагерь у Хатхалекха (*Nathalekha*) и есть у насъ кузнецы, приходи за сковородами и заступами. Есть у насъ и швецы, приходи шить себѣ кафтаны!

Такое слово, посмѣиваясь, послалъ онъ. Послалъ онъ и другое слово:

— Приготовься воевать съ нами. Сравняйся въ силѣ съ нашимъ войскомъ!

¹⁾ *Saima devatā*, читается какъ божество на горѣ Saimadyo, (къ В. отъ Алморя, въ разстояніи одного дня пуги). Тамъ есть камень, который изображаетъ божество, некогда жившее на землѣ и бывшее знаменитымъ силачемъ. Божество это вселяется въ избранныхъ или въ избраннаго богомольца. Человекъ начинаетъ трестись и кричать: Чтите меня, чтите меня, я добро пошлю!

Какъ дошло царское слово до Вармадевы, сталъ онъ думать: Что намъ дѣлать теперь? Были у насъ два силача: Бхія и Чхія. Сидятъ въ тюрьмѣ Бхія, убить Чхія! Кто будетъ моимъ стражемъ? Перебьютъ теперь всѣхъ насъ царь!

Такъ онъ думалъ. Въ ту же ночь приснился Бхіѣ сонъ; видѣлъ онъ, что войско царя изъ роду Сивалинга пошло на царя Вармадеву. И видѣлъ онъ царя Вармадеву въ великой скорби.

Какъ проснулся онъ послѣ этого сна, сталъ молиться богинѣ Маракан. Появилась ему богиня:

— Скажи, о Бхія, какая у тебя горестъ?

Сложилъ Бхія руки и поклонился богинѣ.

— Царь изъ роду Сивалинга заключилъ меня въ тюрьму на восемь дней! Заключивъ меня, великою скорбью посѣтилъ моего царя! Въ этомъ моя забота!

Разбила цѣпи богиня. Вышелъ силачъ изъ тюрьмы и по ночамъ дошелъ до царя Вармадевы.

Увидалъ Царь Вармадеву сплеча и поплелся у него изъ глазъ слезы. Сталъ онъ Бхіѣ говорить:

— Не говорилъ ли я тебѣ сначала: не ходи къ царю изъ рода Сивалинга; съ лукавствомъ зоветъ онъ тебя. Убилъ онъ твоего брата Чхію и теперь пришелъ войною на насъ!

— Будь покоенъ, царь! отвѣчалъ Бхія; ужъ я сдѣлаю все какъ слѣдуетъ!

Нарядился онъ факиромъ и пошелъ въ войско царя изъ роду Сивалинга. И говоритъ онъ тамъ Викрамачандѣ: Царь Вармадева идетъ съ тобою воевать. Что же ты медлишь? Столько времени ты не ѣлъ! Пообѣдай скорѣе. Царь Вармадева пока далеко!

Стало войско обѣдать и все оружіе собралось въ одно мѣсто.

Разбилъ Бхія все это оружіе и переплылъ рѣку. И пришелъ въ камаонскую тюрьму къ сторожамъ съ приказаніемъ: Давайте дорогу! — Сторожа не послушались его; тогда онъ разбилъ двери и заразъ убилъ двадцать два человѣка, двухъ собакъ и одного попугая.

Въ нарядѣ факира сталъ онъ сторожемъ. Уничтоживъ все тутъ и разбивъ всѣхъ, пошелъ воевать съ другими. А тѣ бѣдники какъ могли воевать? Меча ихъ были поломаны, ни одного

не осталось въ цѣлости. Пошелъ Бхія за ними слѣдомъ и ни одного не оставилъ живымъ. Убѣжалъ только царь изъ роду Сивалпнга, да четыре-пять человекъ совѣтниковъ.

Были тутъ два силача: старшаго звали Уда, а младшаго звали Будха изъ роду Бхагунди. Были оба силача славны въ Камаонѣ, и бѣжали тѣ силачи.

Увидалъ ихъ Бхія и сталъ стыдить: Мужи вы или женщины? кричить имъ вслѣдъ. И вернулись они отъ стыда. Винились передъ нимъ бѣдняки и просили жизнь пощадить. Не внялъ имъ Бхія и говоритъ:

— Говорите: всякая скорбь Катъюрскаго царя Вармадевы да падеть на голову царя изъ роду Сивалпнга Вкрамачандры.

— Говорятъ они ему наоборотъ: Всякая скорбь Камаонскаго царя да падеть на голову Катъюрскаго царя! Такъ они сказали Вытащилъ Бхія желѣзный мечъ и убилъ ихъ.

Вотъ убилъ онъ двухъ братьевъ и стоитъ, думу думаетъ.

И приходилъ тутъ пѣвецъ (Bhât), укрывъ мечъ. И говоритъ пѣвецъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Бхія, изъ роду Катаята, стоялъ на людскихъ головахъ:

— Славны и сила и храбрость твоя! Перебилъ ты столько богатырей. И у меня есть надежда на подарокъ!

Вынулъ Бхія пять-шесть золотыхъ и далъ пѣвцу и далъ ему одежду носить. Говоритъ ему Бхія: Коль скажешь, всякая скорбь Катъюрскаго царя да падеть на голову царя Камаонскаго, дамъ тебѣ много всего! Отвѣчалъ ему пѣвецъ на оборотъ: Всякая скорбь Камаонскаго царя да падеть на голову Катъюрскаго царя! Говоритъ ему Бхія: Не былъ бы ты нищій, убилъ бы я тебя!

Вспылся пѣвецъ и говорилъ: Дай моей утробѣ, дай что нибудь! И все что ни скажешь, я скажу!

— Что ты просишь? говоритъ пѣвцу Бхія. А тотъ на чрево указываетъ и въ то же время вытащилъ мечъ, всадилъ его въ силача. Бѣжалъ пѣвецъ. Бхія вытащилъ мечъ, заткнулъ рану, побѣжалъ за нимъ слѣдомъ и убилъ его. И сказалъ пѣвецъ на послѣдокъ то, что прежде ему было силачемъ говорено. Послалъ Бхія письмо къ Катъюрскому царю.

Пришелъ царь и плакалъ. Попытался было нести силача до-

мой. Но сказалъ Бхія: Видѣть тебя хотѣлъ, и за тѣмъ посылая письмо. А теперь время мнѣ умирать. Глубока моя рана!

Открылъ Бхія рану и умеръ. Его жена сожглась вмѣстѣ съ нимъ.

Ушелъ катюрскій царь домой. А камаонскій царь бѣжалъ прежде къ себѣ, спасая свою жизнь.

11.

I.

Въ твердынѣ Дотигалѣ жили два брата Нагамалъ и Бхѣгамалъ. Бхѣгамалъ владѣлъ престоломъ, а Нагамалъ ходилъ въ лѣсъ на охоту.

Была у нихъ въ домѣ служанка; звали ее Рупулл. Хороша она была и родилась отъ нея сплачъ.

На шестомъ мѣсяцѣ проговорилъ онъ во чревѣ матери:

— Скажи мнѣ, мать, гдѣ твои родители, гдѣ домъ твоего свекра?

— Дитя, отвѣчала мать, дѣти блудницы кого зовутъ отцемъ?

Услыхалъ онъ это и гнѣвъ сталъ. Грозенъ вышелъ изъ утробы. — Не убивай меня, говорила ему мать, у тебя дядя Нагамалъ и отецъ твой Бхѣгамалъ.

Стыдился царь Бхѣгамалъ: Рабыня меня своимъ мужемъ сдѣлала! говорилъ онъ. Въ гнѣвѣ выгналъ ее, на перекрестокъ ее прогналъ.

Далъ онъ сыну имя Удія Санкурп. А тотъ росъ съ каждымъ днемъ. Какъ минуло ему пять мѣсяцевъ, былъ онъ въ пять локтей. На шестомъ мѣсяцѣ шести локтей въ длину и трехъ локтей въ ширину. Стали звать его: Дотигальскій сплачъ Удія Санкурп. На шестнадцатомъ мѣсяцѣ былъ онъ шестнадцати локтей въ длину и осьми въ ширину. На тридцать второмъ мѣсяцѣ былъ онъ тридцати двухъ локтей въ длину и шестнадцати въ ширину. Какъ гора былъ онъ толстъ.

Грабилъ всѣхъ онъ въ Дотигалѣ, жирнымъ козамъ не давалъ

настись, по дорогѣ путниковъ останавливалъ, иѣшалъ дѣвамъ замужъ выходить, у купцовъ въ лавкахъ воровалъ.

Приходила вѣсть о томъ къ царю Бхāгамалѣ: Такъ и такъ, насъ тревожить Удія Санкурн. Безъ закона живутъ въ твоихъ владѣніяхъ, и стоитъ городъ, весь разграбленъ!

II.

Посылалъ царь Бхāгамалъ письмо къ царю Кальяначандѣ. Писалъ онъ въ письмѣ: Съ слачами бьются слачи. Съ войскомъ бьется войско. Приводи свои стан. Ты да я станемъ воевать! Если не приведешь своихъ слачей, разграблю я твою Камаонскую страну!

Пошелъ въ Камаонъ Лалутхайнъ посолъ и пришелъ къ царю Кальяначандѣ.

Сидѣлъ въ то время царь въ судѣ и весь совѣтъ былъ кругомъ него: Kaīḍo, Voharo, Bhakūni, Bhaisado, Dhika, Kagaīda, два совѣтника изъ Kuḷalagaḍha: Syūrāja да Bhyūrāja, оба изъ рода Mahara.

Подалъ Лалутхайнъ царю письмо и сталъ его тотъ читать; какъ прочелъ вѣсть, вздохнулся сначала, о здоровьи спрашивалъ, а затѣмъ подъ конецъ задумался.

Заперъ царь судъ, пересталъ рѣшать дѣла и сидѣлъ, раздумывая.—Почему царскій судъ запертъ сегодня? думали истецъ и отвѣтчикъ.

— Вотъ седьмой день, какъ царь въ судъ не идетъ! говорили Сьюрāja и Бьюрāja. И шли оба къ царю во дворецъ.

— Почему ты заперъ судъ? говорили они царю. — Не тревожьте меня! отвѣчалъ царь и бросилъ совѣтникамъ письмо.

Какъ прочли совѣтники письмо и узнали вѣсти, говорили они царю: Ты безумецъ! Отказался отъ ѣды и питья, ничего не хочешь знать и судъ заперъ! Станутъ биться слачи съ слачами и сражаться войско съ войскомъ. Судъ твори, ѣшь и пей! Поглянись въ томъ народу!

Всталъ на радостяхъ царь и пошелъ онъ въ судъ, гдѣ рѣшенія давалъ. А Сьюрāja и Бьюрāja отвѣтъ на письмо пи-

сами: Будутъ биться наши силачи съ силачами и войско съ войскомъ.

Отписали письма въ четыре стороны: Всѣ, кто старше десяти лѣтъ и моложе пятидесяти, по домамъ спрячутся, шеп тѣмъ перерубимъ, и добро ихъ разграбимъ!

Сошлись всѣ въ Чампавати, собрался туда народъ съ четырехъ сторонъ. Двигались стаи по дорогѣ, въ Дотигаль. И блестяло оружіе, какъ молнія блеститъ. Какъ пришли они въ Дотигаль, не нашли тамъ силачей.

Разлилась рѣка Калп; какъ вернулись они къ границамъ въ Чампавати, не нашли тутъ переправы и стали лагеремъ у Тамбукали.

Семь дней, семь ночей не переправлялись чрезъ Калп.

— Трудно чрезъ Калп переправляться! говорилъ царь Кальяначанда.

— Коль дашь бакшишъ, говорили Сьюража и Бьюража, такъ переправимся! Обѣщалъ царь: Четыре деревни въ долинахъ, четыре деревни въ горахъ дамъ вамъ!

III.

Въ Дьокн-котъ жило семеро братьевъ отъ рожденія холостыхъ.

Призывалъ ихъ царь и обѣщалъ семи братьямъ сыграть ихъ свадьбу.

Пошли семь братьевъ въ рѣку Калп и какъ вошли туда столбъ, потекла верхняя рѣка вверхъ, а нижняя внизъ, и перешло войско.

Въ Бхумгвали стало войско воевать, а у Бадьяли собрался стаи дотигальскаго царя. И стали тутъ письмами пересылаться.

Услыхалъ Удія Санкурн, что въ Бхумгвали кто-то стоитъ; дошла къ нему вѣсть, что пришелъ туда какіе-то силачи.

Изготовилъ онъ желѣзный лукъ, вѣсомъ въ сто манъ, и тетиву желѣзную въ двадцать манъ. Бросилъ лукъ въ Бхумгвали и попалъ туда. — Кто этотъ лукъ натянетъ, писалъ онъ на лукѣ, стапу съ тѣмъ воевать!

Какъ упалъ лукъ у рѣки Тамбукали къ царю Кальяначандѣ, сталъ царь думать, силачей искать. Были тамъ два брата, изъ Сауни-Дунгара, Калусауна и Путали-Сауна.

Говорилъ Калусауна царю: Оставилъ Путали-Сауна въ домъ юнаго сына и пришелъ сюда, самъ пришелъ сюда. Коль-я на силача укажу, какой подарокъ получу?

— Восемь деревень въ равнинахъ и четыре деревни въ горахъ дамъ тебѣ! отвѣчалъ царь.

— Медасауна, Путали-Сауна сынъ, силачъ!

— Какъ же тотъ силачъ тамъ выказался? спрашивалъ царь.

— Поѣдалъ всякой ѣды столько, сколько двадцати человѣкамъ лишь снести, и пшеницы столько, сколько тридцати человѣкамъ лишь снести, да сластей одинъ манъ.

Первое дѣло силача.

— На поля онъ одинъ набрасывалъ столько удобренія, сколько на тридцати телегахъ лишь свезти.

Второе дѣло силача.

Призвалъ царь Путали-Сауна. Говорилъ онъ ему: Навоевался ты, и все, что смогъ, то ты сдѣлалъ. Такъ говорятъ. Ступай ты теперь домой!

IV.

Отправлялись послы и письмо писалось. Шли послы въ Сауни-Дунгаръ. Говорили тѣмъ посланъ: Не ходите этою дорогою, тою дорогою пошелъ Путали-Сауна!

Скоро шли послы и въ одинъ день прошли семидневный путь.

Вотъ пришли послы въ Сауни-дунгаръ и подавали письмо Мадасауну. Почиталъ онъ письмо и о здоровьи спросилъ, почиталъ еще и разсмѣлся, въ третій разъ почиталъ и разгнѣвался.

Далъ посланъ козу, рпсу, масла, *dál* ¹⁾ соли, чашу для воды и чашу для варенія, все онъ далъ и пошелъ самъ обѣдать. Наварили послы рпсу, а козы не смогли убить.

Сталъ онъ съ матерью говорить и сказалъ:

— Въ дотигальское войско пойду, матушка.

— Не ходи! говорила мать, брала въ руки посохъ, по

¹⁾ *dál*, Bate, s. v. a kind of split pea much used for food или же a species of grain (*Paspalum fumentaceum*).

спинѣ его била: Двѣнадцать лѣтъ тебѣ, какъ ты станешь воевать? Тамъ силачъ вышиною въ тридцать два локтя, шириною въ шестнадцать локтей. Не спленъ ты съ нимъ воевать. Всѣмъ, кто пришелъ туда, по осьмнадцати лѣтъ, и никто не убилъ его. Не убить и тебѣ его!

Говорила ему мать еще: Твой отецъ тамъ; какъ ты уйдешь, кто же въ домѣ останется? Десять *коти* ¹⁾ запасовъ, десять *коти* денегъ, одинъ *коти* оружія, восемь *коти* одѣяній, кому все это поручишь? Буйволовъ стадо, коровъ стадо, козъ стадо. Чануву, что козъ пасеть, Бхагіу, что коровъ стережетъ, козъ съ четырьмя рогами, собаку Жхупуву, кошку Лакхму, двѣ пары мельницъ, поля, лѣса, равнины, кому ты все это поручишь?

— Въ Раманатъ, въ Жаганнатъ, въ Бадринатъ, въ Гаю, въ Касп ²⁾ мы ходили, семь разъ коровъ дарили, и родился ты одинъ сынъ!

— Не ходи ты туда. Ты навѣрно умрешь.

У царя, говорилъ сынъ, скорбь. Иду въ дотпгальское войско. Коль напечешь мнѣ что либо и дашь, я поймъ; коль нѣтъ, я все-таки пойду!

— Семь свадебъ, говорила мать, сыграю тебѣ! Не твой ли отецъ тамъ?

V.

Какъ говорила мать съ сыномъ, а послы въ это время не смогли убить козы. Пошелъ Медасауна къ посламъ. Однимъ взмахомъ убилъ козу, отрубилъ ей голову и отнесъ голову домой, а всю козу отдалъ посламъ. Стали ѣсть послы.

Много пугала его старуха мать, и гнѣвался Медасауна. Нагъ и голоденъ онъ пошелъ въ Дотпгалъ.

Шелъ онъ два дня по дорогѣ и пришелъ къ дому стараго брахмана. Повстрѣчалъ онъ на дорогѣ брахманку Канголи.

— Изъ какихъ ты мѣстъ и куда идешь? спросила его брахманка.

¹⁾ *koṭi*, т. е. десять милліоновъ.

²⁾ Здѣсь перечисляются святыя мѣста.

— Путалисауна я, сынъ Медасауна. Въ Дотигалъ я иду!

— Ты нагъ и голоденъ! Почти отца, поклонись ему и иди къ намъ въ домъ! Покормлю тебя, одѣну и оружія дамъ!

Шелъ онъ въ домъ брахмана, ѣлъ и пилъ тамъ и старому брахману въ ноги кланялся.

Собирая ему брахманъ ѣду, золотую чашу въ руки далъ, указалъ водопадъ, гдѣ омыться.

Омылся онъ и вечернія моленія свершилъ, пришелъ въ домъ брахмана. Ёлъ и пилъ тамъ.

Научала его брахманка, какъ оружіе просить:

— Проглоти пять кусочковъ и оставь ѣду; и какъ скажетъ отецъ: почему ты не ѣшь? ты проси у него слово сказать. Въ нашемъ домѣ есть мечъ (Вапаѣт), побѣдитель въ бояхъ! Какъ бросишь его въ землю, на пять ярдовъ онъ уйдетъ; бросишь въ небо, на цѣлую іожану¹⁾ онъ уйдетъ. Бросишь въ войско, перебьетъ мечъ двѣсти человекъ. А какъ бросишь этотъ мечъ въ голову Удін Санкурп, разобьется его голова въ кусочки. И какъ позволить тебѣ отецъ говорить, проси у него меча, «побѣдителя въ бояхъ» отдастъ отецъ тебѣ его, навѣрно.

Съѣлъ онъ ѣды цѣлый манъ. Отдалъ брахманъ ему мечъ, и пошелъ Медасауна въ Дотигалъ.

Увидалъ онъ у дотигальской крѣпости Бхумгвалі (Bhūmgvālī) желѣзный лукъ въ сто манъ, въ одинъ манъ желѣзный шаръ. И говоритъ самъ себѣ: Не зачѣмъ теперь идти къ царю, сдѣлаю сначала свое дѣло! А потомъ съ царемъ повидажусь!

Посмотрѣлъ на лукъ и разсердился. Сталъ онъ лукъ бросать, зазвенѣло въ ушахъ у Удін Санкурп.—Сегодня мой врагъ пришелъ! Сдвинулъ мой лукъ! говорилъ тотъ про себя.

Бросилъ Медасаунъ во врага желѣзный шаръ въ одинъ манъ и попалъ шаромъ въ голову; полумертвъ сталъ Удія Санкурп. Попалъ ему въ ноги желѣзный лукъ, во сто манъ, и оторвалъ ногу.

Пошелъ Медасауна самъ посмотрѣть и что же увидѣлъ? Сл-

¹⁾ іожана, объ этой мѣрѣ см. Cunningham the Ancient Geography стр. 571. Yojana=4 кос. или 8 м.

днѣ Удія Санкури, а на землѣ лежитъ нога; двумя руками за голову держитъ.

— Коль ты силачъ, иди биться! говорилъ ему Медасауна. Всталъ Удія Санкури, и былъ бой между двумя.

Семь дней, семь ночей они бились. Говорилъ Медасауна:

— Посмотри-ка, братъ, на небо! Завсегда звѣзды ночью, а сегодня звѣзды днемъ видны. Завсегда днемъ звѣзды бѣлы, а сегодня звѣзды желты!

И взглянулъ тотъ на небо; тутъ бросилъ Медасауна мечъ «побѣдитель въ битвахъ» и попалъ ему чрезъ грудь, въ спину. Какъ гора повалился Удія Санкури и ушелъ въ небо.

Пошелъ Медасауна въ крѣпость Бхумгвѣли и тащилъ съ собою голову Удія Санкури. Восемь человѣкъ съ трудомъ понесли ту голову и положили предъ царемъ. Поклонился Медасауна царю.

Увидалъ его царь и обрадовался. Былъ слабъ, сталъ силенъ. Посылалъ царь за брадобреемъ и прачкою. Приказалъ всѣмъ одежду вымыть. Ограбилъ царь Дотигахъ.

Подарилъ онъ силачу двѣнадцать деревень въ равнинахъ и двѣнадцать въ горахъ. Безъ налоговъ отдалъ ихъ, и сталъ Медасауна господиномъ и равнинъ и горъ.

Приказалъ царь тѣмъ селянамъ: Коль убьетъ кто козу, отдавай ему ногу, дочь ли замужъ кто станетъ выдавать, подавай ему (Медасауна) руш. Безъ платы будьте ему слугами и въ первый день мѣсяца Пауши приносы ему давайте.

Ушелъ царь Кальяначанда въ Чанпавати и давалъ народу бакшишъ.

12.

Въ Дотіяхамъ (Doṭiyā chāma) родился царь Бхавать-чандъ. У него былъ сынъ Gaṅgānāthā. У него былъ сынъ Mārīyūḍī.

Сдѣлался Gaṅgānāthā факпромъ. Ходилъ онъ изъ Malīḍoṭī въ Talīḍoṭī, изъ Talīḍoṭī въ Sora, изъ Sora въ Kuma, изъ Kuma въ Sālama.

Пришелъ Gaṅgānāthā въ Sālama и встрѣтилъ тамъ брахманку Bhānā. Брахманка Bhānā была жена Жоси¹⁾. Уговорилъ Gaṅgānāthā брахманку и увелъ ее въ Sālama, на гору Dyoladhurā. Тамъ онъ завелъ коровъ, буйволовъ и жилъ какъ мирянинъ. Услыхавъ обо всемъ этомъ Жоси и разгнѣвался.

Пошли (разъ) Жоси съ Gaṅgānāth'омъ на охоту. А Bhānā брахманка слѣдомъ пошла, подглядѣть, куда тѣ двое пойдутъ. Заткнула за поясъ золотой ножъ, какъ будто шла траву рѣзать.

Жоси спряталъ тамъ человекъ тридцать или сорокъ и вышелъ охотиться съ четырьмя-пятью людьми.

Выстрѣлилъ одинъ человекъ въ Gaṅgānāth'a; въ грудь, подмышку попала пуля. Платкомъ Gaṅgānāthā заткнулъ рану и перебилъ четырехъ-пять человекъ Жосиевъ.

Сѣлъ Gaṅgānāthā въ одномъ мѣстѣ, Bhānā брахманка пришла и сѣла подлѣ него.

— Ты какъ сюда въ лѣсъ пришла? спросилъ онъ ее.

— Говорено тебѣ было прежде, не ходи съ ними. Какъ ты пошелъ, и я слѣдомъ пошла посмотреть, что они станутъ дѣлать! отвѣчала такъ Bhānā брахманка.

Пока они такъ говорили, пришли туда тридцать-сорокъ человекъ съ палками. Били они Gaṅgānāth'a; убилъ онъ человекъ пять или семь. Тогда все напали на него и убили Gaṅgānāth'a.

Плѣнили они брахманку Bhānā; она была беременна, на десятомъ мѣсяцѣ. Разрѣзали ей брюхо и выбросили Ратанія (Rataniyā). Зарыли они мальчика въ песокъ.

Стали эти люди совѣщаться: Пастухъ Жханарувалваръ, что стережетъ коровъ и буйволовъ Gaṅgānāth'a, — слычъ; какъ его убить? — И сказали они: Какъ загонить онъ скотъ въ хлѣвъ и заснуть, тогда обложимъ извнѣ хлѣвъ огнемъ.

Загнавъ Жханарувалваръ скотъ въ хлѣвъ; поѣлъ и заснулъ. Обложили они хлѣвъ огнемъ и погнѣ пастухъ.

Gaṅgānāthā, брахманка Bhānā, Ратанія, пастухъ, коровы, буйволы сдѣлались демонами.

¹⁾ О Жоси, см. сказку 20, примѣч. 1.

Мужчинъ хватають бхуты мужскаго пола, женщинъ Bhānā брахманка.

Поѣли они всѣхъ тѣхъ, кто ихъ убилъ.

Куда бы ни припили, всюду ихъ чтать, и тѣмъ, кто ихъ чтить, они добро дѣлають.

Мужчины и женщины пляшутъ, поють и бьютъ въ барабаны въ ихъ честь!

13.

Ткачъ ¹⁾ Жхулā выдалъ свою дочь за ткача Калā. Выдалъ дочь, свадьбу съигралъ и пошелъ домой.

Не захотѣла молодая ни ѣсть, ни оставаться въ домѣ свекрови. Убѣжала къ матери. За ней по слѣдамъ пошелъ выѣсть мужъ. И сталъ онъ просить у тестя жену назадъ.

— Дочь я отдалъ тебѣ, говоритъ тесть, и отошлю ее къ тебѣ назадъ; но и ты исполни мое приказаніе: отъ времени до времени дай намъ посмотрѣть другъ на друга.

Зять согласился, пошелъ домой и жену повелъ съ собою. Цѣлый годъ жила она въ домѣ свекрови и мужу повиновалась.

Вотъ Жхулā, ткачъ-силачъ, говоритъ самъ себѣ: Столько дней прошло, а дочь моя не приходила, не выдалъ ее со времени дождей.

Напекъ онъ блиновъ, надѣлъ нарукавники, взялъ мечъ и сѣлъ на коня.

Пришелъ къ зятю и сталъ ему говорить: Сколько дней прошло, а ты жены почему не присылалъ?

— Была она глупенька, говорилъ тотъ, и не хотѣла къ тебѣ идти; стала теперь женою и придетъ къ тебѣ!

Говоритъ тесть: Сегодня у меня, тамъ въ домѣ, богамъ пужа свершается! Идите вы оба.

¹⁾ Ткачъ Koli; объ нихъ Sherring l. c. стр. 345 говоритъ: The Kollis are reputed to be partly of a Bais Kapjroot origin. Но въ Каморъ, около Алморя ихъ считаютъ одного происхожденія съ Дунами.

Вотъ ѣдетъ верхомъ Жихула-ткачъ и говоритъ зятю: Впереди лежитъ молодой буйволъ, подними его.

Зять отвѣчаетъ: Такой ты человѣкъ, верхомъ ѣздишь! Можешь козлятъ побить и ѣсть! Коль этого ты хочешь, такъ не подниму же.

А тестъ отвѣчаетъ: Этотъ теленокъ намъ на ѣду, вѣдь и ты станешь его ѣсть.

— Не стану его ѣсть и не подниму! говоритъ зять и далъ онъ клятву: Коль этого съѣмъ, такъ и твое мясо поѣмъ.

Слѣзъ съ коня тестъ, подобралъ теленка, завязалъ въ платокъ, сѣлъ верхомъ и положилъ около себя пошу. Такъ и поѣхалъ домой. Приѣхалъ домой и говоритъ своей женѣ: Въ большой ложкѣ сдѣлай дырку, зятю сварю супъ изъ овощей, а сюда налей супъ телячій. Какъ станешь ты насъ одѣлять супомъ телячьимъ, нападаютъ капли и къ зятю въ чашку.

Изготовили обѣдъ и позвали зятя въ домъ. Сколько было у тестя сыновей, пять шесть человѣкъ, всѣхъ усадили. Какъ одѣляли ихъ телячьимъ супомъ, нападали капли въ ѣду зятя. Какъ нападали капли въ чашу къ зятю, и говоритъ тестъ: Зять! ѣшь супъ!—А тотъ отвѣчаетъ: Далъ я клятву и не стану ѣсть. На этотъ отвѣтъ говоритъ тестъ: ѣшь! Не думай о томъ! И говоритъ тестъ женѣ: Одѣли зятя, пусть онъ-попробуетъ! Зять и поѣлъ. Поѣлъ, напился и руки вымылъ.

Сталъ тутъ ткачъ Жихула думать: Сперва далъ клятву, а потомъ ѣлъ! И говоритъ онъ зятю: Не вкусно это мясо. Пойдемъ, поищемъ мяса куропатки; ей мясо отлично.

Взяли они, двое, мечи и ружья, взяли пару собакъ и пошли. Цѣлый день искали куропатокъ и какъ шли домой, говоритъ тестъ зятю:

— Вотъ и поѣлъ ты того мяса; что же изъ этого вышло?

Отвѣчаетъ зять: Не ѣлъ я, ты же сталъ мнѣ говорить: отчего не ѣшь мяса, что я принесъ? Какъ же было мнѣ не ѣсть? Какъ ты сказалъ: ѣшь, я и поѣлъ!

Говоритъ тестъ: Не ты ли далъ клятву: коль этого мяса поѣмъ, такъ и твоего мяса съѣмъ!—Разсердился тутъ тестъ и мечемъ разсѣкъ зятя.

Пришелъ домой и сталъ рѣзать мясо.

Вотъ спрашиваетъ его дочь: Гдѣ твой зять?

— Гдѣ нибудь, отвѣчаетъ онъ, придетъ послѣ.

Всю ночь надѣялась дочь, что мужъ придетъ, и когда онъ не пришелъ, стала плакать.

Говоритъ ей отецъ: Не кручинься! Ъшь пищу!—Она же не ѣла.

Пошла къ отцу и стала говорить ему. Онъ и сказалъ ей: Поспорили мы съ зятемъ, и убилъ я его въ сердцахъ. Ты теперь отъ ѣды не отказывайся! Найду тебѣ другаго мужа!

— Что было, то было! говорить она ему,—готовъ теперь костеръ, а я не буду ѣсть.

Вотъ самъ отецъ принесъ мертвое тѣло. И положила тутъ дочь на отца съ матерью клятву, а сама сожглась вмѣстѣ съ мужемъ.

И съ тѣхъ поръ не было имъ никогда хорошо, все ихъ дѣти померли.

14.

На востокѣ родился царь Харн. И было у него два сына: Пади, Сади. На западѣ родился царь Чанда и былъ у него одинъ сынъ Ганга.

Сказалъ однажды царь Харн сыновьямъ: Учтитесь, сыны, воинскому дѣлу. Какъ будетъ мнѣ трудность какая, пошлю васъ воевать. И опредѣлилъ царь къ нимъ учителя; учили тотъ ихъ воинскому дѣлу.

Пришелъ однажды учитель къ царю. Поклонился царь учителю и говоритъ: Учителю! Сыновья мои выучились ли чему нибудь?

— Посмотри, царь, самъ! отвѣчалъ учитель.

Прокзаменовалъ сыновей царь, остался доволенъ и учителя наградилъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ началась у царя Харн война съ царемъ Чанда, и былъ Пади въ той войнѣ побѣжденъ, а Сади побѣдилъ.

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

... and the ... of the ...

Застыдился Хари и говорить царю Ратаначанда: Одну вещь попрошу у тебя, царь!

— Что просишь? спросилъ тотъ.

— Отдай мнѣ теперь сына!

— Не прогналъ ли ты родного сына? А теперь его просишь? сказалъ царь Ратаначанда.

— Согрешилъ я сильно предъ тобою, царь! Прости меня! отвѣчалъ Хари.

— Ты пойдешь ли съ роднымъ отцомъ? спрашивалъ у Пади Ратаначанда.

— Какъ ты прикажешь! отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо! Такъ ступай же!—И далъ ему царь Ратаначанда войско; давалъ ему денегъ, слоновъ, коней, быковъ, и пошелъ домой Пади.

Оставилъ Хари царство и сдѣлалъ сына царемъ.

Изготовился Пади воевать съ царемъ Чанда и разбилъ все его войско. Домой пошелъ по дорогѣ, чрезъ Чампавати, и свидѣлся съ Ратаначанда. Увидалъ его Ратаначанда и сильно обрадовался; какъ сталъ Пади домой собираться, подарилъ ему денегъ много и добра. И деньги, и добро отнесъ домой Пади.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ позвалъ Ратаначанда Пади; подарилъ ему полцарства и выдалъ за него свою дочь. Много радовался царь Ратаначанда.

— Когда ты будешь въ затрудненіи, говорилъ царь Ратаначанда, зови меня! Коль я буду въ затрудненіи, позову тебя.

Давалъ Пади царю свое слово, а царь далъ ему свое. Сыгралъ Пади свадьбу, вернулся домой и сталъ царствовать.

15.

Въ Гайлкотѣ родился царь Харахитъ. Было у Харахита семь братьевъ. И былъ имъ отцемъ Ранажитъ-хитъ.

Владѣли они семью деревнями въ равнинахъ и семью деревнями въ горахъ.

— Пойдемъ, сказалъ Харахитъ, въ равнины съять.

И пошелъ сынъ доблестной матери въ равнины. Пять братьевъ пошли съ нимъ съять, а два брата буйволовъ стеречь.

Приходилъ туда Сунникатайтъ и плѣнилъ Ранажитъ-хита, отца Харахита; пришелъ къ себѣ и заключилъ плѣнника въ тюрьму, заставилъ его на мельницѣ муку молоть.

Какъ былъ Харахитъ въ равнинахъ, пришелъ къ нему во снѣ отецъ Ранажитъ-хитъ. — Что случилось съ моимъ отцемъ? говорилъ Харахитъ; или плѣнилъ его какой нибудь силачъ?

Сказалъ онъ братьямъ: Такой-то сонъ видѣлъ я въ прошлую ночь! Пойду посмотрѣть на домъ!

Пошелъ по дорогѣ домой сынъ доблестной матери. Пришелъ домой, осмотрѣлъ весь домъ и не нашелъ ни старухи, ни старика. Все добро разграблено и покрадено.

Снился старухѣ сонъ, что пришелъ одинъ сынъ въ домъ; говорила она старикъ: Въ прошлую ночь видѣла я такой-то сонъ!

Отвѣчалъ старикъ: Въ прошлую ночь видѣлъ я свѣтъ въ родномъ Гайлкотѣ. Какой мой сынъ пришелъ туда?

— Семь у меня сыновъ въ равнинахъ, говорилъ старикъ, — какой же мой сынъ пришелъ туда?

Семь дней Харахитъ голодалъ, Ранажитъ-хитъ восемь дней голодалъ.

— Кто нашъ домъ сдѣлалъ таковыиъ? спрашивалъ сосѣдей Харахитъ.

— Семь братьевъ Катайтовъ приходили; они весь вредъ тебѣ сдѣлали! говорили сосѣди.

Услыхали Катайты вѣсть: Харахитъ вернулся въ Гайлкотъ, семь снохъ пришли съ нимъ! Теперь вотъ что сдѣлаемъ: пойдемъ туда и семь снохъ уведемъ! говорили они сами съ собою.

Пошли семь братьевъ въ Гайлкотъ. Издали стали кричать: Кто въ городѣ? Кто тамъ живетъ?

Закричалъ имъ Харахитъ: Коль вы изъ чреслъ своей матери родились, такъ идите сюда!

Пришли туда семь братьевъ и говорилъ имъ Харахитъ: Коль станете биться одинъ на одинъ, такъ это справедливо!

*

И набросали по колѣнъ *gīḥā* ¹⁾), отиѣрили поле въ сорокъ локтей, развернули на шестахъ знамена въ пять сотъ локтей. А Харахить семь дней голодалъ.

Говорилъ онъ: Колю вы сыны вашего отца, такъ одинъ на одинъ станете биться! Колю вы не сыны вашего отца, такъ семеро за разъ нападете на меня!

Говорили Катайты: Колю пойдемъ по одиночкѣ, такъ не совладать намъ съ нимъ! Колю нападёмъ всѣ семеро заразъ, не сыны мы нашего отца!

Поехалъ старшій изъ нихъ и сразился съ Харахитомъ. Потресса миръ Индры и говорили тамъ: Кто это бьется? Откуда такой трескъ?

Семь дней, семь ночей прошли, а битва не кончалась. Вотъ бросилъ Харахить, какъ тыкву, врага; и разбилась вражья голова на семь частей.

Наступили тутъ шесть братьевъ Катайтовъ и говорили: Колю ты сынъ своего отца, такъ бейся съ нами!

Отъ боеваго грома поднялись Индра и змѣй *Ṣekha* ²⁾).

— Какой силачъ сталъ биться? говорили они.

По колѣно набросали шаровъ; на полѣ въ сорокъ локтей стояло знамя на шестѣ въ пять сотъ локтей.

Семь дней, семь ночей они бились. — Вы мое добро разграбили, и отца заставили на мельницѣ молотъ! сказалъ Харахить, и схвативъ братьевъ за косы, побросалъ ихъ въ разныя стороны, за двадцать *косъ* ³⁾).

— Увидалъ я дымъ враговъ! Пойду въ Катайтакотъ, посмотрю на дымъ Катайтакота!

И пошелъ онъ дорогою въ Катайтакотъ. Какъ пришелъ онъ туда, испугался отецъ Катайта и укрылся въ яму.

Испугались семь его снохъ: Перебьетъ онъ насъ всѣхъ! Вотъ что сдѣлаемъ: будемъ ласковы съ нимъ, какъ съ зятемъ.

¹⁾ *gīḥā*, косточка известнаго плода (*Sapindus emarginatus* или *Sapaparia*) употребляется вмѣсто стрѣлы, при стрѣльбѣ изъ лука.

²⁾ *Ṣekhanāg* или взривъ *Ṣeshanāga*, см. Bate, s. v.

³⁾ О значеніи *kos*, см. сказку 3, примѣчаніа.

— Иди, зять! Иди, зять! говорили онъ ему. Испугались и старуха со старикомъ. У Харахита въ усахъ воронъ гнѣздо свила, въ ноздряхъ птица *Чала* гнѣздо свила.

Вышелъ отецъ Катайта изъ ямы и говорилъ: Иди, сынъ, садись!

— Не называлъ бы ты меня сыномъ, такъ изжарилъ бы тебя въ масле, на сковородѣ; а теперь что сдѣлаю? Что въ умѣ, то въ умѣ, хорошо! Гдѣ мой отецъ съ матерью?

Такъ говорилъ Харахитъ. Указалъ ему Катайта, гдѣ его отецъ съ матерью. Освободилъ ихъ Харахитъ. Выкупалъ, вымылъ ихъ, обрилъ, въ бѣлыя одежды нарядилъ и по головѣ деньгами провелъ ¹⁾.

— Харахитъ, ты мой сынъ! говорилъ отецъ.

Послалъ Харахитъ письмо братьямъ въ равнины и писалъ: Привозите соли, сахару, табакъ; приходите сюда!

Завладѣлъ онъ всѣмъ Катайтакотомъ; семь снохъ Катайта стали ему женами. Сталъ самъ царствовать тамъ, отца съ матерью и братьевъ отослалъ въ Гайлкотъ.

Разсердился Катайта и пошелъ войною на Харахита. И побилъ Харахитъ его опять.

Въ равнинахъ жили его братья, въ Гайлкотѣ отецъ съ матерью, въ Катайкотѣ самъ Харахитъ.

16.

О другъ! въ Гал-бханарѣ, въ Бханарикотѣ, родился Бханарикала.

Въ Чаръ-чаукотѣ родилась Удяни-мала, дочь Дуламанрвала. Тонка — ладонью обнять, какъ полная луна — хороша, или какъ *nimbū* ²⁾ въ мѣсяцъ картикъ ³⁾. Коровъ, буйволовъ, козъ стада пасъ Бханарикала. О другъ, перекинулъ онъ чрезъ плечо плащъ

¹⁾ *nimchyol*, о чемъ см. ниже 18, примѣч.

²⁾ *nimbū. Citrus acida*.

³⁾ *Kārtik* соответствуетъ октябрю, ноябрю.

(gāni) изъ vadala¹⁾), посохъ взялъ въ руки; и въ лѣсу Lekhamāli какъ игралъ онъ на свирѣли! О другъ, славный мой герой!

Слушай, другъ, разъ жена Дуламанрвала rālugi-траву рѣзать выходила. Говорила ей дочь: Мать, мать! Сегодня rālugi-траву пойду рѣзать съ тобою! Ты траву рѣжь, я снопы стану вязать!

Отвѣчала мать: Погибай ты! И да помрутъ твои дѣти! Что ты сдѣлаешь? Въ домѣ сверху внизъ сойдешь, и ногу потеряла! Ты похлебку сосешь и, не доѣвъ, бросаешь! Тебѣ ли rālugi-траву рѣзать?

— Убей меня, мать, зарѣжь! Но съ тобою я пойду! говорила дочь.

Впереди шла мать, позади шла дочь; rālugi-траву рѣзать шли онѣ по дорогѣ. О другъ, славный мой герой!

Rālugi-траву она рѣзала и по сторонамъ смотрѣла:

— Не слышна свирѣль! О Нараяна, о владыка міра! Что случилось? Какъ кузнечекъ онъ кричалъ, а сегодня молчить: что случилось? Что случилось съ нимъ?

И узналъ тутъ Бханари, что rālugi-траву пришла рѣзать Удьяни: Свирѣль, свирѣль, поиграй ты по сердцу! Обошью тебя золотомъ! Не сыграешь по сердцу, разобью тебя и колышковъ нащиплю изъ тебя, листья сшивать²⁾!)

На верхней, на нижней скалѣ онъ стоялъ и какъ онъ на свирѣли игралъ, о другъ, славный мой герой!

И понесся первый звукъ въ преисподнюю, до ушей Вансингія змѣя. Второй звукъ услышалъ въ небѣ Пидра-царь, пять боговъ на землѣ услышали третій звукъ и четвертый звукъ долетѣлъ до ушей Удьяни. О другъ, славный мой герой!

И какъ долетѣлъ звукъ до ушей Удьяни, къ матери она бѣжала: Мать, о мать моя! Какой кузнечикъ поетъ? говорила дочь.

— Умирай ты, погибай! Да помрутъ твои кобылы. И зачѣмъ ты не поспѣешь? Нѣтъ тутъ кузнечика! Изъ Бханарикота вдовій сынъ, Бханарп-калā волъ на свирѣли играетъ.—Такъ бранилась мать.

¹⁾ vadala грубая ткань, родъ цыновки. Gāni плащъ, черезъ плечо.

²⁾ Сшивать листья, чтобы дѣлать чашечки или сосуды для ѣды, питья.

— И каковъ же тотъ, кто на свирѣли такъ славно играетъ! Такъ говорила Удьяни. О другъ, славный мой герой! И любила она Бханарикала.

— Какъ мнѣ свидѣться съ нимъ? въ умѣ думала и рѣшила: На завтра погоню поить коровъ, буйволовъ. Онъ придетъ и свидимся мы! О другъ, славный мой герой!

Слушай, другъ, какъ Удьяни и Бханарикала свидѣлись.

Pālugi-траву нарѣзавъ, какъ пришла домой Удьяни, къ буйволамъ, въ хлѣвъ она сиѣшила. — Братъ Мадхія, братъ, пастуху она говорила: притворись ты завтра больнымъ и въ лѣсъ не ходи. Подарю тебѣ одежду съ оторванными завязками; надарю тебѣ старой, поношенной одежды!

Услыхалъ Мадхія эти слова и увѣрилъ Удьяни: Хорошо, сестра, не пойду завтра въ лѣсъ, и что ты хочешь, то сдѣлаю! И какъ настала ночь, закричалъ Мадхія:

— Отецъ, мать! Умираю! Умираю!

Съ востока поднялось солнце, а коровы и буйволы Манрвала привязаны стоятъ. Сошлись всѣ пастухи и говорятъ: Мадхія, Мадхія! Что съ тобою сегодня? Уже полдень, а твои коровы, буйволы привязаны стоятъ!

— Съ ночи, братья, въ животѣ у меня боль. Къ Манрвалу пошлите вѣсть! говорилъ Мадхія.

И пришла къ Манрвалу вѣсть; травъ онъ въ полу набралъ и пошелъ въ хлѣвъ. О другъ, славный мой герой.

— Умираю, владыка, говорилъ Мадхія, получай отъ меня хлѣвъ!

— Коровы, буйволы наплодятся! Гдѣ я тебя найду? Гдѣ я такого встрѣчу? отвѣчалъ Манрвалъ.

(не окончено).

17.

I.

У Сурасвежана въ Гулпаки-котѣ былъ сынъ Амарасвежанъ. У Амарасвежана было двое дѣтей: Садувъ и Саранги. Одному было пять лѣтъ, другому семь. Было у него двѣнадцать двадцат-

ковъ коровъ да буйволовъ. Принадлежали ему равнины (терхан) Билхари ¹⁾. Былъ у него буйволъ Чарувâ и волъ Багувâ. Были у него козлы съ четырьмя рогами и хлѣвъ для дюжины двадцатковъ козъ. Была у него лохматая собака и кошка Лакхма. Въ равнинахъ Билхари, на полѣ Рантагели висѣли колосья его риса. Было у него двѣ пары мельницъ, дичь на холмахъ и рыба въ рѣкахъ. Была у него богатырская ѣда; были у него богатырей сыны и богатыри изъ богатырей.

Нѣтъ брода въ рѣкѣ Кâли, нѣтъ лѣстницы на небо и нѣтъ столба подъ землею.

Нѣтъ богатыря противъ Амарасвежана. У него лукъ изъ страны Дотика ²⁾ и ядовитая стрѣла. У него мечъ изъ страны Манасаровара ³⁾. Его щитъ покрытъ антилоповою кожею. Его мечъ Dâdripâ, ⁴⁾ его скипетръ Sudarśanāsakṭa ⁵⁾.

II.

И сказалъ Сурасвежанъ сыну:

— Другъ! въ твои годы я ѣдалъ только свѣжее мясо, а теперь я состарѣлся и даже карри ⁶⁾ у меня нѣтъ.

«Еслибы я сталъ теперь буйволовъ откармливать, то было бы у меня стадо ихъ.

«Еслибы я сталъ воловъ теперь откармливать, то вспахалъ бы все поле Рантагели.

«Еслибы я сталъ козъ откармливать, то убивъ ихъ, бѣлъ бы мясо!

«Не сына я берегу, а шакала откармливалъ!

«Другъ! Сыны! Я скажу тебѣ одинъ завѣтъ. Какъ тыква вя-

¹⁾ Bīlharī: равнины (теран) въ сѣверномъ Аудѣ, на границахъ Камаона.

²⁾ Doṣika, городъ въ восточномъ Непалѣ.

³⁾ Извѣстное озеро въ Тибетѣ.

⁴⁾ Dâdripâ, мнѣчскій мечъ, м. б. тоже, что мечъ «въ бояхъ побѣдитель».

⁵⁾ Sudarśanāsakṭa или Suddhāsa sakṭa, извѣстные эпитеты диска боговъ Вишну, Кришны.

⁶⁾ Карри, извѣстное индѣйское кушанье изъ рису съ приправами.

петь, такъ и мы вянемъ! Колю ты сынъ мнѣ истинный, такъ слушай:

«На холмахъ Гагара, вотъ девятое поколѣніе, какъ живетъ вепрь. У него одинъ клыкъ въ небо уходитъ, другой клыкъ ада достигаешь. Не даешь онъ намъ ѣсть ни помочь съ нашихъ мельницъ, ни картофеля у дому, ни посѣва съ поля Рантагели. Убей ты вепря и принеси его, колю ты сынъ мнѣ истинный, иначе ты шакалъ!

И сказалъ Сурасвежанъ: Мой отецъ далъ по немъ двадцать два выстрѣла; десять выстрѣловъ я далъ по немъ. Не убили его, онъ все живъ! Если ты его убьешь и принесешь, будешь сыномъ мнѣ истиннымъ, а не то ты шакалъ!

«Колю убьешь ты его и сюда принесешь, будетъ мнѣ кусокъ мяса на ѣду. И тогда ты мнѣ истинный сынъ, а не то ты шакалъ!

«И другой у меня есть тебѣ завѣтъ:

«Въ Бхагіякотѣ у Бхагія есть дочь; на возрастѣ и молода она; со дня свадьбы въ домъ тестя не бывала; и съ востока, и съ запада богатыри бились ради нее. Хороша она какъ полная луна; хороша она какъ лунная ночь, или какъ лампады лучъ. У ней волосы по пятанъ. Живетъ она въ трехэтажномъ дворцѣ. Съ востока двѣнадцать царей, съ запада двѣнадцать царей, съ сѣвера двѣнадцать царей, съ юга двѣнадцать царей пришли туда, надежды полные. Нѣтъ святыхъ въ твердыни Бхагія, а толпится тамъ народъ. И вотъ, другъ, сынъ! Колю приведешь ее, невѣсту семи братьевъ изъ роду Бутаула (Buṭaṭula), я скажу: Амарасвежанъ мой истинный сынъ, а не то ты шакалъ!

«Бились богатыри и умирали, славное имя оставляя. Колю живъ будешь, приходи завтра въ Гулиаки-котъ; умрешь, такъ схороню тебя. Сто двадцать рупи я дамъ за ея волосы и десять тысячъ за живую красавицу!

Сталъ Амарасвежанъ гнѣвнъ, отъ плеча къ поясу гнѣвъ ходилъ и отъ пояса къ плечу. Чудные глаза наливались кровью и ширпились волосы на нѣжномъ тѣлѣ.

Къ родной матери пошелъ Амарасвежанъ и сказалъ онъ ей: Изготовь ты мнѣ хорошій обѣдъ: иду я въ горы, на вепря охо-

титься, иду я къ твердынь Бхагія искать дочь Бхагія, что въ полномъ цвѣту!

— Дитя! говорила старуха, не слушай ты словъ отца; не нынче, такъ завтра онъ самъ умретъ и тебя погубитъ. Вепря дикаго онъ хочетъ убить? Не стрѣлялъ ли въ вепря уже прежде его отецъ, и не стрѣлялъ ли по немъ онъ самъ? Не убить, дитя, вепря твоими руками! Не ходи ты къ твердынь Бхагія, убьютъ тебя тамъ богатыри, что съ востока и запада, съ сѣвера и юга сошлись туда!

— Не забочусь я ни мало о смерти, отвѣчалъ Амарасвежанъ: буду живъ, такъ вернусь въ Гулпаки-котъ и вторую свадьбу сыграю.

И не внялъ онъ словамъ матери.

Все, что мать наготовила, все онъ поѣлъ. И поѣвъ сѣлъ въ пріемной комнатѣ, во второмъ этажѣ трехъэтажнаго дворца. Жевалъ бетель и курилъ.

И пошелъ онъ въ оружейницу; взялъ тамъ мечъ, что отъ озера Манасаровара, взялъ щитъ и жезлъ Sudamasakta.

Въ кладовую пошелъ онъ, взялъ тамъ шелковый турбанъ и шальвары; перекинулъ чрезъ плечо плащъ (dūroṭa) и надѣлъ башмаки.

Сѣлъ на коня изъ солнечнаго рода, и конюхъ Жайтува и Гужія съ трубкою были готовы. Поѣхалъ Амарасвежанъ къ горамъ Гагара.

Какъ пришелъ туда, сталъ онъ вепря искать. Понскалъ въ одномъ мѣстѣ и не нашелъ. Понскалъ въ другомъ и не нашелъ.

И сказалъ тогда Амарасвежанъ: Уже полдень насталъ, не найди мнѣ врага, вепря!

Въ полдень сталъ онъ думать, какъ обѣщаніе сдержать: въ этотъ часъ, говорилъ онъ себѣ, вепрь ходитъ къ пруду пить! И долго онъ вепря искалъ у пруда.

Вотъ у пруда Nandhūgi собралось двѣнадцать лакховъ войска вепря (т. е. сто двадцать тысячъ). По четыре вепря стояли въ каждой странѣ, а въ средній сплѣлъ тотъ вепрь, что жилъ девять поколѣній; одинъ клыкъ ушелъ въ небо, другой касался ада.

— Вотъ онъ, нашъ старый врагъ, сказалъ самъ себѣ Анара-

свежанъ. Пустилъ онъ въ веоря стрѣлу и взшла стрѣла въ готову веоря.

Сталъ веоря туда сюда глядѣть; ни гдѣ онъ не видитъ чело-вѣка.—Безъ дождя, откуда то молнія блеснула! проговорилъ онъ.

— Ужъ не врагъ ли нашъ славное дѣло содѣлалъ? сказалъ веоря и сталъ бить своихъ. Разбѣжалось войско, а самъ веоря померъ.

Поташли его голову восемь чело-вѣкъ и вытаскивали изъ веоря десять стрѣлъ Сурасвежана и двадцать двѣ стрѣлы его отца.

Вышелъ Амарасвежанъ на дорогу къ твердынѣ Бхагія; сѣлъ онъ въ полѣ орошенномъ, подѣ дерево слага. Досталъ онъ тамъ свирѣль и заигралъ.

Приходятъ на то поле орошенное, траву рѣзать, двѣнадцать двадцатокъ бхагійскихъ дочерей. И стали онѣ, надежду питаю, около Амарасвежана.

Заигралъ онъ, и поцелась пѣснь въ твердыню Бхагійскую. Услыхала ту пѣснь красавица, загрустила и пришла къ Амарасвежану.

Вотъ взглянулъ на красавицу Амарасвежанъ, обомлѣлъ и упалъ на землю.—Или ты женщицъ никогда до сихъ поръ не видывалъ? говоритъ ему красавица.

И взглянула она въ лице Амарасвежана и сама обомлѣла. И дали они другъ другу святое обѣщаніе.

Смотрѣли на нихъ богатыри четырехъ странъ. Собралось тутъ въ твердынѣ Бхагія богатырское войско. И на бхагійскомъ орошенномъ полѣ разставили знамена величиною въ двадцать два ярда. И шары стали бросать.

Отмѣрили поле въ сто восемьдесятъ ярдъ. Забили въ барабаны, и стали богатыри биться. Перепрыгивали богатыри чрезъ знамена въ двадцать ярдъ и пригоршнями бросали шары. А боговъ толны смотрѣли на нихъ.

И лилась кровь ручьями, въ кучахъ кости лежали; перебиты богатыри и осталась лишь слава о нихъ. Перебилъ всѣхъ богатырей Амарасвежанъ.

До твердыни Бутаули дошла объ этомъ вѣсть; семь братьевъ въ Бутаули обнажили мечи и пришли. Сталъ съ ними биться Амарасвежанъ.

Перебилъ Амарасвежанъ шесть братьевъ; лишь седьмой Гужія Лата ушелъ живымъ. И спрятался Гужія Лата въ глиняной ямѣ.

Подглядѣлъ Гужія Лата, что дѣлалось на срединѣ дороги, какъ Амарасвежанъ бралъ красавицу за руки.

Разсвирѣпѣлъ Гужія Лата; желѣзный тяжелый мечъ онъ схватилъ и убилъ Амарасвежана. Пополамъ разсѣкъ его голову. И отправился Амарасвежанъ на небо.

Умеръ Амарасвежанъ! Какъ пришла объ этомъ вѣсть въ твердыню Гулпаки, сошлись два его сына и отецъ его пришелъ.

Взяли сыны обнаженные мечи, и пошли биться въ твердыню Бутаули. На кого ни взглянуть, того убьютъ. Отмстили за отца и схоронили его.

Сожглась на кострѣ красавица. Сожглись на кострѣ и мать и всѣ жены его дома. И два сына пошли было къ костру.

Но сказалъ тутъ внукамъ Сурасвежанъ: Ступайте вы оба домой! По четыре свадьбы сыграю я каждому!—И сыгралъ онъ четыре да четыре свадьбы.

И пошли внуки въ Билхари на охоту; а въ твердыню Бутаули пришелъ восьмой братъ. Изъ Делги пришелъ Лакшманъ Синхъ въ Бутаули.

— Перебиты всѣ мои братья, говорилъ онъ; всѣ мои жены плѣнены!—И пошелъ съ мечемъ Лакшманъ Синхъ на твердыню Гулпаки.

На полумертваго старика надѣвалъ онъ цѣпи, завоевалъ Билхарскія равнины и Садуву и Саранги перебилъ. Съ ихъ стадами онъ вернулся домой, въ Бутаули.

18.

I.

Въ полночь отчего Малу-сѣи¹⁾ не спалъ? Стала мать ему говорить: Ты не спишь? Или семь царей не при тебѣ на постелѣ? Или нѣтъ съ тобою дѣтей?

¹⁾ *Mālu-sāi*, говорится такъ же *mānu-sāi*. *Sāi* отъ *svāmīn*—господинъ. Въ пѣснѣ поется о *Mālu-sāi rājā*.

— У воротъ твоихъ не стоитъ ли голодный странникъ? Или твоего буйвола Чарува въ хлѣвѣ нѣтъ?

— Не одинъ ли ты у меня сынъ? Не одинъ ли свѣтъ въ глазу? Какая кручина у тебя?

— И сказалъ бы я матери, да сказать стыдно!

— Нѣтъ стыда передъ матерью родною! Какъ во чревѣ я носила тебя, не стыдился ты тогда. И какъ родился, не стыдился ты въ ту пору. Десять мѣсяцевъ грудью поила тебя и въ пеленкахъ цѣлый годъ берегла тебя, дорогой мой. И признайся мнѣ теперь, дорогой ты мой кумара (принцъ)!

— Мать! Мать! Въ полночь приснилось мнѣ Калусаукелн изъ Тибетской страны ¹⁾, дочь тибетца Калусаука. Съ горящимъ свѣтъильникомъ въ одной рукѣ и чашею благоуханія въ другой чрезъ окно она вошла.

«Въ ногахъ, у ложа моего стояла Калусаукелн; нестро разряженная стояла у ложа моего. Отъ ногъ до головы и отъ головы до ногъ она вытерла меня благоуханіями. И страшно мнѣ стало.—Говорила она уходя:

— Ты полюбишь меня, коль мужа ты сынъ! ²⁾ И придешь ко мнѣ въ чудный Тибетъ! Въ домѣ будешь сидѣть, коль ты сынъ рабыни! Слышишь, мать, или нѣтъ?

«Коль заспорить братъ родной: раздѣлю поле пограничнымъ столбомъ, свой домъ выстрою и заведу свой огородъ; но, какъ женщина спорить станетъ, какъ взгляну на нее?

— Одинъ ты свѣтъ въ глазу, милый, одинъ ты у меня сынъ. Не любись ты съ тибеткою!

«Въ твоёмъ домѣ, милый, семь свадебъ были, восьмую сыграю и невѣсту назову Калу!

«Не думай о тѣхъ словахъ, милый! Ядовита тамъ страна.

«Какъ полюбишь ты ее, отравать тебя тамъ, и умрешь ты, безъ тебя что мнѣ дѣлать?

¹⁾ Тибетская страна здѣсь и въ другихъ пѣсняхъ зовется: *saikān-deç*, тибетецъ *saik*, тибетка *saikeli*. О странѣ Sok См. Hodgson Essays. part II. 66 и Markham, Tibet, Bogle and Manning стр. XXV.

²⁾ *Mardako jāyo*, сынъ мужа, героя. *Samāriko jāyo*, сынъ рабыни. Собет. *camāri*: жена кожевника.

Но на Малусян гордость нашла:

— Въ Тибетъ иду, мать! Иду туда, а затѣмъ чтобы ни было!

Прошла ночь, разсвѣло; проспѣлъ, почерпѣлъ Малусян царь. Вынималъ онъ изъ казны свѣтлое серебро, чистое золото, вынималъ и въ узелъ связалъ.

На базаръ онъ пошелъ и по купеческимъ лавкамъ сталъ ходить. Изъ купеческихъ лавокъ ткани разные покупалъ ¹⁾.

Подъ мышку забравъ на дорогу выходилъ. Въ лавку серебряника онъ шелъ: Братъ! Факира серьги ²⁾ изготви мнѣ!

Вынималъ факира серьги серебряникъ и царю Малусян въ руки давалъ.

Бъ шведу въ лавку шелъ Малусян. Слышишь, братъ швецъ, или нѣтъ? Красный плащъ ³⁾ ты мнѣ сшей!—Шилъ портной красный плащъ.

Выходилъ оттуда на дорогу и къ ткачу ⁴⁾ въ лавку шелъ,—Изготви мнѣ, братъ ткачъ, изъ шелку черный турбанъ! ⁵⁾—Изъ шелку черный турбанъ соткалъ ткачъ и въ руки царю отдавалъ.

Выходилъ оттуда на дорогу и къ красильщику шелъ.—О братъ, красильщикъ! Мою одежду ты выкрась!—Выкрасилъ красильщикъ одежду царя и въ руки отдалъ.

Въ узелъ Малусян связалъ и сталъ свѣтлое серебро раздавать: заплатилъ за кристалльныя серьги и за черный турбанъ. Заплатилъ и шведу, и красильщику. И купцамъ за одежду плату отдалъ.

Въ свой дворецъ онъ пошелъ оттуда. Золою тѣло вытеръ, обвязалъ голову чернымъ турбаномъ, въ уши вдѣлъ кристалльныя

¹⁾ Ткани разные въ оригиналѣ пѣсни перечисляются: *kimakhân* красная, *tasuga* употребляется для наряда невестъ и во время погребенія и м. др.

²⁾ Факира серьги собств. кристалльныя, кольца *phaṭika munīri* (или *manḍga*). Эти кольца носятъ факирами въ ушахъ.

³⁾ Красный плащъ, *chaguvā cādar*. Первое слово есть названіе красной ткани, изъ которой шьются плащи факировъ. Это одѣяніе называется такъ же *richorā*.

⁴⁾ *Paṭvā* или *paṭṭā*. Ткачъ шелковыхъ матерій. Въ словарь Bate s. v. a man who strings pearls.

⁵⁾ *Paṭamvār-ṣaill*. Первое слово значитъ шелковая матерія. *Ṣaill*: *stogax*.

серьги. Надѣлъ красный плащъ и на шею повѣсилъ золотую свирѣль¹⁾. За плечи поставилъ съ одеждою корзинку, шаръ изъ золы спряталъ въ корзинку, въ руки взялъ посохъ и непальскую чашу.

Переодѣлся Мѣлусѣи царь факиромъ и къ богамъ онъ зывалъ. Предъ себя призывалъ Gaugīya, что впередъ бѣжитъ; тридцать шесть Raṭān'овъ предъ себя призывалъ; тридцать два Paigūṇi предъ себя призывалъ. Предъ себя снѣ призывалъ барабанщика Сайтува.

И говорилъ ему Мѣлусѣи царь: О Сайтува, братъ! Заиграй ты быстро! Забей ты такъ, какъ бьютъ въ походы!—И забилъ братъ Сайтува въ барабанъ, забилъ такъ, какъ бьютъ въ походы.

На коня Рагсува сѣлъ Мѣлусѣи, выѣзжалъ на дорогу Мѣлусѣи царь. Къ Тибету, въ ту сторону, онъ поставилъ *parasthān*²⁾.

Плачетъ мать старуха и зываетъ: Ты уходишь, Мѣлу, въ Тибетъ! Какъ мнѣ дни коротать, о Мѣлу, дитя мое! Слушай, слушай, дорогой мой, какъ мнѣ спать?

На дорогу вышелъ Мѣлусѣи царь, и идя, идя онъ пришелъ въ Такулу, и въ Такулѣ остановились.

Поднимались тридцать шесть, Raṭān'овъ и тридцать два Paigūṇi'евъ, омовеніе свершали. Ёду ѣли, одѣвались, наряжались и на дорогу выходили.

И оттуда уйдя, къ вершинѣ Khuṣkūṇi они подступали. Уходили потомъ оттуда къ Mihala saṇṇi. На дорогу выходили оттуда, въ средину горъ Khaḍi-dhāra.

Выступали Khabis'ы³⁾ съ распущенными волосами; какъ слышали они звуки, задвигали ушами.

И пошли Khabis'ы оттуда на дорогу; на поле Sāsuvāri они застѣли.

У Khabis'овъ зубы въ двадцать два локтя длины, у Khabis'овъ

¹⁾ Здѣсь подробно описывается нарядъ факира: а) *nāḍ*—дудка, б) *jhoḷi*—корзинка, в) шаръ изъ золы—*vabhutko gṛālā*, д) *tīmurko kūtāk*—посохъ изъ дерева Tīmur, е) *paṛāli phaguvā*—непальская чаша.

²⁾ *Parasthān*. Когда отправляются въ дорогу, то существуетъ обычай выставить въ сосѣднее мѣсто, въ ту сторону куда идешь, палку или одежду или св. повязку (*yaḷuoravīti*). Вещь, такимъ образомъ выставленная, называется *parasthān*. Этотъ обрядъ совершается для благополучнаго окончанія пути.

³⁾ О Khabis'ахъ и другихъ демонахъ, см. приложение.

косы въ сто локтей длинны. Стали тѣ Khabis'ы тайкомъ выглядывать.

Но узнавъ ихъ царь Mālusān, и узнавъ ихъ, сзывалъ царь Mālusān тридцать шесть Rautān'овъ.

— Занграй, братъ, Сайтува, понграй хорошо, въ барабанъ забей!

Къ Syūriyā, къ Rūriyā, къ Katūyān посла посылалъ Mālusān царь. Призывалъ ихъ Mālusān царь.

Предстали передъ нимъ Syūriyā, Rūriyā. Поднялась въ нихъ гордость; вспрыгнули Syūriyā и Rūriyā.

На дорогу выходили Syūriyā, Rūriyā, предъ Khabis'ами предстали. Вотъ Khabis'ы ротъ раскрыли.

И съ Khabis'ами стали биться Syūriyā и Rūriyā.

Семь дней, семь ночей съ Khabis'ами они бились; переломали зубы у Khabis'овъ; вырывали косы у Khabis'овъ. На Khabis'овъ верхомъ сѣли и по полю Sāsuvāgi они скакали.

Не смогли Khabis'ы биться и оттуда къ пруду Sāmapan бѣжали. Въ прудъ они нырнули и, голову укрывъ, спрятались.

За ними вслѣдъ побѣжали Syūriyā, Rūriyā и Gauriṇa, что впередъ бѣжить, къ тому пруду Sāmapan.

Изъ того пруда Syūriyā, Rūriyā Khabis'овъ вытаскивали; выскочили Khabis'ы и оттуда въ Laṭichida бѣжали.

Syūriyā, Rūriyā, Gauriṇa, что впередъ бѣжить, за ними слѣдомъ побѣжали. Слѣдомъ къ Laṭichida пришли и Khabis'овъ оттуда повыгоняли.

Вотъ Khabis'ы руки сложили, въ ноги падали и молили:

— Коли бить, такъ бей, коль вязать, такъ вяжи! — Покорился Khabis'ы.

Давали Khabis'ы обѣщаніе: Приходите, уходите, никого мы не убьемъ! Покорили вы насъ! Покорились мы! Сильны вы, не убивайте насъ!

II.

На дорогу выходилъ Mālusān царь, вмѣстѣ съ Syūriyā, Rūriyā, къ Bāgesvar'у ¹⁾; въ Bāgesvar'ѣ, предъ храмомъ Махадевы руки онъ сложилъ и вокругъ храма обошелъ.

¹⁾ Bāgesvar, известный храмъ. Объ этомъ мѣстѣ см. Traill l. c. стр. 149. Bagesrar, situated at the conflux of the river Sarjū and

— O! Sambhū¹⁾ Махадева, мощенъ ты! Въ Тибетъ, о Нараяна, я иду, козъ Калу тибетка соединится со мною.

Въ ту пору, о Нараяна! жертву я принесу и сіяющій шпичъ поставлю!

Въ 'Bāgesvar'ъ Малусан на ночь станомъ сталъ. Станомъ стали тамъ тридцать шесть Bātan'овъ, тридцать два Paigūni, Gaugīya, что впередъ бѣжить.

Въ срединѣ палатки свѣтильникъ зажгли, сѣдалище поставили. Заговорили тутъ Syūgiyā, Rūgiyā; стали они царя Малусан искушать.

Вотъ слова, что Syūgiyā, Rūgiyā говорили: Слушай, Малусан: наше брюхо не полно! Наше брюхо ты наполни и съ тобою мы поидемъ!

Двѣ дюжины pīdā²⁾, что ни день, Syūgiyā, Rūgiyā поѣдали. Съ собою Малусан царь ихъ взялъ, ѣду имъ давалъ.

Прошла ночь, утро стало; встало солнце и всталъ Малусан царь. У слѣда Нагі онъ омылся, окунулся, какъ пять боговъ окунаются.

И оттуда въ палатку онъ шелъ, и въ палаткѣ поѣлъ; что ни день, то давалъ двѣ дюжины pīdā Syūgiy'ѣ, Rūgiy'ѣ.

На дорогу выходилъ къ Тибету. Шелъ, шелъ и сталъ приближаться.

У тибетца Калу было много лѣсу деревъ kadāli (Musa sapientum). Станомъ сталъ въ томъ лѣсу Малусан царь. Сѣдалище поставилъ славный Малусан!

Ночь прошла, стало утро. Ночь прошла, стало утро. Приздумался Малусан!

Вынималъ онъ серебряную свирѣль. Зангралъ Малусан царь.

Полетѣлъ первый звукъ къ царю Индрѣ, къ змѣю Ваксинги второй звукъ. На землѣ остановился третій звукъ.

Gomati, long. 79°35', lat. 29°50', contains a bazar consisting of forty two shops which are all the propriety of the Almora merchants, erected solely with a view to the Tartar trade, two considerable fairs taking place here annually... these houses are only inhabited during two or three months in the years...

¹⁾ Sambhū, т. е. Svayambhū, самосущій: эпитетъ Сивы.

²⁾ Pīdā равняется 16 nāli.

Заигралъ Малусан опять и попалъ звукъ свирѣли въ ухо Калу тибетки. Услыхала она и говорить стала:

— Въ моемъ лѣсу червячекъ поетъ! Каковъ цвѣтомъ червячекъ тамъ?—И пошла Калу тибетка по дорогѣ, въ тотъ лѣсъ.

На свирѣли игралъ Малусан царь, какъ подвижникъ онъ созерцалъ, и предстала передъ нимъ Калу тибетка. Слушай, слушай, что говорить она стала.

— Откуда такой факиръ пришелъ? Откуда ты пришелъ? И куда ты идешь?

— О! Малу! Ты такой факиръ! Ты такой красивый! Почему ты подвижникомъ сталъ? Отъ какой скорби ты подвижникомъ сталъ?

Заговорилъ Малу, Малусан царь: Чья ты дочь? Кто твой мужъ? Слушай, слушай, женщина, ты скажи!

Говорила Калу, тибетка: Дочь я тибетца Калу! Не замужняя царевна я, такъ говорю!

Чудно хороша была Калу тибетка; ея косы перевязанныя до пятъ падали.

Много жемчугу въ волосы она вплела. Какъ *sūgyamāni*¹⁾ была она цвѣтомъ. Ея тѣло тонко, что разрѣзанный огурецъ²⁾. Задумался Малусан царь, заговорилъ Малусан царь:

— Слушай, слушай, Калу тибетка! Отъ любви къ тебѣ, съ того дня, какъ пришла ты къ моей постели, съ того дня, какъ во снѣ увидалъ тебя, съ того дня загрустилъ я, сталъ безстрастенъ. Грустное слово говорилъ, ради тебя грустное слово молвилъ.

— Покинулъ я царство и народъ; царицъ на ложѣ покинулъ и факиромъ сталъ!

— Полюбилъ тебя, о Калу тибетка, я ради тебя, по этой причинѣ, факиромъ сталъ; ради тебя въ Тибетъ пришелъ!

— У тебя что на сердцѣ? Ради тебя я факиромъ сталъ! Что ты сдѣлаешь? Пойдешь или нѣтъ?

Слово молвила Калу тибетка: Слушай, Малусан царь! Меня ради царство ты покинулъ и столицу, семь царицъ оставилъ, изъ объятій дѣтей покинулъ!

¹⁾ *Surgmālī*, т. е. *Sūryamāni*; дерево *hibiscus phoeniceus*, а также баснословный солнечный камень.

²⁾ *Halda* или *Haldi*, *Cucurbita longa*.

— Ради меня ты факиромъ сталъ, Малусан царь! Мнѣ ли не идти! Я рабыня у твоихъ ногъ!

Это слово Калу тибетка сказала, царю Малусанъ обѣщаніе дала. Успокоился Малусанъ.

Семь дней, семь ночей въ лѣсу Калу тибетка провела. На седьмой день въ отцу въ домъ она пошла, оттуда сластей въ узелокъ навязавъ, Малусаю принесла. Къ Малусаю, къ Малу она пришла!

Сластей поѣлъ Малусанъ царь. Славный, славный Малу! Самъ другъ сталъ Малусанъ царь.

На сѣдалищѣ онъ сѣлъ, о радости и скорби заговорилъ Малусанъ царь.

Вотъ тибетка Калу говорить стала: Ты мой Малу, мужъ мой. Жена я твоя, Малусанъ царь!

— «Черна, грязна одежда на тебѣ. Возьму твою одежду домой и вымою. Ты посиди! Слушай, слушай Малу!

И дала ему свою одежду. Домой пошла Калу тибетка: намочила въ домѣ коровій навозъ ¹⁾ и въ навозѣ одежду стирала.

Деревянный чанъ съ одеждою на голову поставила и пошла оттуда въ то мѣсто, гдѣ моютъ ²⁾.

Малусанъ царь пришелъ въ то мѣсто, гдѣ моютъ. Одежду вымыла Калу тибетка, высушила, какъ сложила, такъ и въ узелъ связала.

Малусая она мыла, купала и въ деревянный чанъ ³⁾ его посадила. Одеждою покрыла, чанъ на голову поставила и потихоньку по дорогѣ въ домъ пошла.

Во дворецъ Малусая провела, въ разукрашенный второй этажъ. На постель его положила.

Одѣяло на постели разстелила, окропила Малусая благоуханіемъ, розовою водою. Спать на постель уложила.

Наготовила Калу тибетка тридцать шесть обѣдовъ, да тридцать два. На золотомъ блюдѣ Малусаю принесла. Налила въ золотой кубокъ воды и принесла.

¹⁾ *Shve* или *choyafi*: смѣсь коровьяго навозу и коровьей подстилки. Употребляется для стирки бѣлья.

²⁾ *Dhobighâi*: спускъ къ рѣкѣ, гдѣ моютъ бѣлье.

³⁾ *Pâlo*, деревянный сосудъ.

Вымылъ ротъ царь Малусан и сталъ ѣсть. Вымылъ руки Малусан царь и легъ спать на постель. Предъ лицомъ его стояла Калу тибетка и любовалась имъ.

Уснули. Прошла ночь, настало утро. Проснулся царь Малусан, проснулась тибетка Калу!

Къ пруду она пошла, воды принесла, обѣдъ приготовила, Малусаю стала говорить и накормила его.

Уходили дни Малусая, прошелъ мѣсяцъ. Вотъ сталъ Малу говорить:

— О Калу, тибетка! Ядовита страна! Чуденъ Тибетъ, но ядовитъ. Пойдемъ скорѣе въ родную страну!

Согласилась Калу тибетка: одѣлась, разрядилась, плащъ крестъ на крестъ повязала. Укрылся плащомъ Малусан царь!

Одѣлась, разрядилась Калу тибетка. Изъ отцевской кладовой, что во второмъ этажѣ, вынимала, что получила:

Золотой лимонъ, золотую кошку, и получше добра съ собою взяла Калу тибетка.

За руку взялъ Малусан царь Калу тибетку и въ плащъ завернулъ.

На дорогу выходилъ Малусан царь. Шелъ, шелъ и до лѣсу дошелъ.

Тридцать шесть Rautan'овъ, тридцать два Paigyūni, Gauriṇa, что впередъ бѣжтъ, Syūṛiṇā, Puṇṛiṇā, барабанщикъ Saituvā въ лѣсу были.

На дорогу выходили оттуда къ Bagesvar'у. Въ Bagesvar'ѣ предъ Махадевою Малусан царь сложилъ руки, поклонился.

Золотыхъ пару въ жертву принесъ. Станомъ сталъ и въ станъ войско накормилъ, одарилъ. Пожилъ тамъ.

Прошла ночь, настало утро. Золотой nimbu¹⁾ Малусан царь принесъ въ даръ.

Къ золотыхъ дѣлъ мастеру пошелъ Малусан царь; въ лавкѣ сѣлъ и говорить началъ:

— Сдѣлай, братъ, мнѣ золотой *kailās*!²⁾—Изъ золота сдѣлалъ тотъ ему *шницъ* прекрасный, въ руки отдалъ Малусаю.

¹⁾ Citrus acida.

²⁾ Шницъ.

Вынималъ Малусан царь пару золотыхъ и въ руки отдавалъ. Домой шелъ оттуда Малусан царь.

Въ Гангѣ, у Bagesvara купался Малусан царь. Цвѣтовъ нарвалъ и Махадевѣ принесть. Свѣтильникъ возжегъ и *махаміе* ¹⁾ свершилъ.

И въ раковину, и въ колоколъ ²⁾ онъ звонилъ. Золотой *kailāś* воздвигъ. Сложивъ руки, бога чтилъ. Домой придя, войско накормилъ, одарилъ.

Руки вымылъ и на дорогу вышелъ Малусан царь. На поле *Sāśuvārī* онъ пришелъ, оттуда въ *Mihaliśaurī*.

Оттуда на дорогу выходилъ и въ *Tākūla* пришелъ. Въ *Tākūl'* онъ жилъ; накормилъ, напоилъ свое войско и ночевать остановился.

Прошла ночь, настало утро. Проснулся Малусан царь и сталъ бдѣть.

На дорогу выходилъ Малусан царь. Шелъ, шелъ и на родину въ городъ *Vaigat'* ³⁾ пришелъ.

У своего дворца, въ переднемъ дворѣ, у стѣны онъ сѣлъ. Изъ подъ плаща вынулъ Калу тибетку, какъ луна полная была она.

Предстала предъ Малусаемъ царемъ старуха мать. Сложилъ руки Малусан царь и почтилъ мать.

— Живи долго! Садись! говорила старуха. Ты здоровъ ли, Малусан царь?

— Тамъ, въ Тибетѣ хорошо-ли, дурно-ли жилось?

Сказалъ слово Малусан царь: Твоею милостью, мать, матушка, не было у меня скорби!

— Не было скорби, и тибетку Калу въ домъ привелъ, мать, матушка!»

¹⁾ *ārati*: церемонія обнесенія вокругъ головы идола зажженными свѣтильниками.

²⁾ *Saṅkha* раковина, *ghaṇṭā* колоколъ: то и другое употребляется при богослуженіи.

³⁾ *Vaigat*, древній городъ въ ЮЗ. отъ Делги, въ 105 миляхъ, и къ С. отъ *Жайпура*, въ 40 миляхъ. О немъ см. A. Cunningham, *The Ancient Geography of India. The Archaeological Survey of India* II, 242.

Быстро встала старуха. Въ дворецъ кладовую, что во второмъ этажѣ, она раскрыла. Добромъ она чашу наполнила ¹⁾).

Жемчугъ вынимала и чашу наполняла. Роздалъ царь Малусан жемчугъ бѣднымъ.

Въ восточный покой, во дворецъ посадилъ Малусан царь Кагу тибетку. Наготовила старуха мать тридцать шесть обѣдовъ, да тридцать два.

Наготовила обѣдовъ и, наготовивъ, накормила Малусан. Вымылъ руки царь Малусан и на золотую постель спать пошелъ.

Сеиъ царицъ на него смотрѣли. Смотрѣла Кагу тибетка и говорила:

— О царь Малусан, мой Нараяна! Что сердце желало, то исполнилось!

19 *).

I.

о Kavā, Bhanāri Kavā!
деревня Bhānāri, о Bhānāri Kavā! ²⁾
его родиною была, о Bh. K.!

II.

былъ жилъ K., о Bh. K.!
героя сынъ K., о Bh. K.!

¹⁾ *Nimchyo!*. Когда послѣ свадьбы молодые приходятъ въ домъ, старики наполнили въ старину чашу жемчугомъ, а нынѣ серебряными или мѣдными деньгами. Обнеси полную чашу вокругъ головы молодой, раздаютъ жемчугъ или деньги бѣднымъ. Тотъ же обрядъ свершается когда сынъ возвращается изъ похода или съ богомолья.

²⁾ Въ оригиналѣ каждая строка составляетъ стихъ, заканчивающійся призывомъ имени; тоже удержано въ подстрочномъ нашемъ прозаическомъ переводѣ.

³⁾ *Bhānāri*, или брахмановъ. Ихъ занятіе собирать и приносить дары богинѣ Nandadevi.

на їду ему, К., о Bh. К.!
былъ хлѣбъ изъ рисовой щелухи¹⁾, К., о Bh. К.!
одѣвался въ дирюги и спалъ онъ, о Bh. К.!
на дирюгѣ, о Bh. К.!

III.

Вотъ напился и наѣлся К., о Bh. К.!
вышелъ козъ пастухъ К., о Bh. К.!
вотъ деревенскіе пастухи, о Bh. К.!
козъ повыгнали, о Bh. К.!
въ лѣсу, о Bh. К.!
козы паслись, о Bh. К.!
вотъ какъ сталъ полуденный жаръ, о Bh. К.!
двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
въ игры занялъ онъ, о Bh. К.!
вотъ самъ онъ ушелъ, о Bh. К.!
изъ козъ, о Bh. К.!
изъ деревенскихъ, о Bh. К.!
что ни есть лучшую, о Bh. К.!
козу онъ сѣлъ, о Bh. К.!
сталъ онъ громко звать: о Bh. К.!
о! Вы двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
вашихъ козъ, о Bh. К.!
тигръ поѣлъ, о Bh. К.!
вотъ двѣнадцать двадцатковъ пастуховъ, о Bh. К.!
Хакъ! Хакъ! закричали, о Bh. К.!
героя сынъ, о Bh. К.!
что ни день козу ѣлъ, о Bh. К.!
по одной, по одной козѣ, о Bh. К.!
ежедневно воровалъ, о Bh. К.!
деревенскихъ козъ, о Bh. К.!
уничтожалъ, о Bh. К.!

¹⁾ Piṭhaikroṭi, хлѣбъ изъ рисовой щелухи. Piṭhā y Bātē s. v.: a kind of food made of rice and flour.

IV.

Его дядя, о Bh. K.!
учить его сталъ, о Bh. K.!
«твоего отца, о Bh. K.!
«великое богатство, добро, о Bh. K.!
«припрятала, о Bh. K.!
«твоя мать, о Bh. K.!
«а ты бѣдствуешь, о Bh. K.!

V.

вотъ, у матери родной, о Bh. K.!
сталъ онъ спрашивать, о Bh. K.!
«моего батюшки добро, мать, матушка! ¹⁾
«для чего ты припрятала, мать, матушка?
«для кого добро бережешь, мать, матушка?
«не одинъ-ли я, у тебя сынъ, мать, матушка?
«много бѣдствую я, мать, матушка!
старуха мать, о Bh. K.!
когтями его голову била, о Bh. K.!
«ты скажи, откуда возмется богатство, о Bh. K.!
«отецъ-ли твой набралъ, о Bh. K.!
«сама-ли я набрала, о Bh. K.!
«ничего-то нѣтъ, о Bh. K.!
вотъ онъ сталъ говорить, о Bh. K.!
«хорошо, козь ты знаешь, мать, матушка!
«миѣ ты богатство укажи, мать, матушка!
«плохо козь знаешь, мать, матушка! (да утаишь!
«себѣ, въ брюхо ножъ воткну, мать, матушка!
«такъ я сдѣлаю, мать, матушка!
— помирай ты лучше, о Bh. K.!
— откуда миѣ богатство указать, о Bh. K.!
разгнѣвался, о Bh. K.!
ушелъ, убѣгая, убѣгая, о Bh. K.!

¹⁾ Мать, матушка іѣ, тѣуо.

и go(h'f'¹) козу онъ схватилъ, о Bh. K.!
зарѣзалъ и кишку, о Bh. K.!
на шею обвязалъ, о Bh. K.!
въ домъ взошелъ, о Bh. K.!
вынулъ, онъ ножъ, о Bh. K.!
и пошелъ, цариннулъ, о Bh. K.!
потекла кровь потокомъ, о Bh. K.!
упалъ онъ, разлегся, о Bh. K.!
глаза закатилъ, о Bh. K.!
и какъ мертвый сталъ, о Bh. K.!
вотъ старуха мать, о Bh. K.!
предъ лице его пришла, о Bh. K.
и о голову его, о Bh. K.!
головою билась, о Bh. K.!
она плакала, о Bh. K.!
стала жаловаться, мать, матушка!
стала говорить мать, матушка!
«моимъ добромъ, богатствомъ, о Bh. K.!
«кому владѣть? о Bh. K.!
«ты зарѣзалъ себя, о Bh. K.!
«у меня золотой pimbô, о Bh. K.!
«золотая кошка, о Bh. K.!
«золотой плугъ²), о Bh. K.!
«сень кладовыхъ, о Bh. K.!
«кому владѣть? о Bh. K.!
«ты не слышишь, о Bh. K.!
«словно мертвъ, о Bh. K.!»
поднялся, о Bh. K.!
и сталъ говорить, о Bh. K.!
«что-же мнѣ говорить, мать, матушка!
«на твое счастье, мать, матушка!
«въ живыхъ я остался, мать, матушка!

¹) Gotha: первый этажъ дома, обыкновенно открытая терраса. Сюда загоняется скотина.

²) Phâla, желѣзное остріе плуга.

«мать, матушка, о мать, матушка!»
за руку схватила, о мать, матушка!
семь кладовыхъ, о мать, матушка!
открывала, о мать, матушка!
и добро, о мать, матушка!
ему указала, о мать, матушка!
возрадовался въ сердцѣ, о Bh. K.!
вотъ онъ сѣлъ, о Bh. K.!
наѣлся, напился, о Bh. K.!
и спать пошелъ, о Bh. K.!
прошла ночь, настало утро, о Bh. K.!
всталъ, поднялся, о Bh. K.!
добро, богатство, о Bh. K.!
въ руки набралъ, о Bh. K.!
на дорогу вышелъ, о Bh. K.!
на городскомъ базарѣ, о Bh. K.!
въ кушеческой лавкѣ, о Bh. K.!
онъ сѣлъ, о Bh. K.!
зачалъ говорить: о Bh. K.!
«о братъ, купецъ! купецъ, братъ!
«лучшаго рису, купецъ, братъ!
«миѣ дай, купецъ, братъ»!
рису выбралъ, о Bh. K.!
на дорогу оттуда вышелъ, о Bh. K.!
въ лавку швеца, о Bh. K.!
«о братъ, швецъ! швецъ, братъ!
«сшей миѣ платье, швецъ, братъ!
«смиѣрь, скрой, швецъ, братъ!
«платье сшей, швецъ, братъ»!
въ платье нарядился, о Bh. K.!
домой пошелъ, о Bh. K.!
наѣлся, напился, о Bh. K.!
всѣмъ сосѣдямъ ¹⁾ сказалъ, о Bh. K.!

¹⁾ Сосѣди, kholl' vâkhalî. Первое слово значить ворота, второе рядъ домовъ. Собственно всѣ живущіе въ одной улицѣ, у воротъ.

малымъ, старымъ, горожанамъ:
«на охоту иду, горожане!»
малый, старый, всѣ горожане
одѣлись, разрядились, всѣ горожане.
одѣлся, разрядился, о Bh. К.!
ножъ и лукъ онъ взялъ, о Bh. К.!
кинжалъ за спину повѣсилъ, о Bh. К.!
заостренную палку¹⁾ всю въ гвоздяхъ онъ въ руки взялъ, о Bh. К.!
малый, старый всѣ, о Bh. К.!
на дорогу вышелъ, о Bh. К.!
шли, шли и въ лѣсъ пришли, о Bh. К.!
туда, сюда оглядѣлъ, о Bh. К.!
дичи не нашелъ, о Bh. К.!
во второмъ лѣсу, о Bh. К.!
дичи не нашелъ, о Bh. К.!
вотъ въ третьемъ лѣсу, о Bh. К.!
по слѣдамъ антилопы, о Bh. К.!
пошелъ, о Bh. К.!
и въ пещерѣ, о Bh. К.!
антилопу настигъ, о Bh. К.!
вотъ семь братьевъ *Manvāl*, *Manvāedūla*,
они слѣдомъ шли, шли.
повернули *Manvāl*'ы, семь братьевъ *Dala*.
а съ другой стороны пришелъ, о Bh. К.!
Хакъ! Хакъ! закричалъ, о Bh. К.!
героя сынъ, о Bh. К.!
изъ силачей сплалъ, о Bh. К.!
какъ буйволъ въ мѣсяцъ *Bhādra*²⁾, о Bh. К.!
такъ разъярился, о Bh. К.!
заостренною палкою, что вся въ гвоздяхъ, о Bh. К.!
антилопу билъ, о Bh. К.!
антилопу убилъ, о Bh. К.!
вотъ заспорили семь братьевъ *Manvāl*'ы.

¹⁾ *Vaigāla*: палка, утыканная гвоздями.

²⁾ *Bhādra*: пятый мѣсяцъ, соответствуетъ августу-сентябрю.

«восточное солнце, Manvâl'ы братья!
«на западъ ушло, Manvâl'ы. братья!
«ужъ настала ночь, Manvâl'ы братья!»
совѣщаться стали Manvâl'ы братья,
услысь Manvâl'ы братья,
въ своемъ домѣ Manvâl'ы братья.
Bh. K.! о Bh. K.!
на дорогу вышелъ, о Bh. K.!
среди деревни, о Bh. K.,
у стѣнки на дворѣ сѣлъ, о Bh. K.!

VI.

вотъ Udhyañi Mālā во второмъ этажѣ сидѣла, о Udhyañi Mālā!
на кофѣнахъ у ней зеркало было, о U. M.!
волосы перлами увивала, о U. M.!
перлами перевивала, о U. M.!
стеклянный кружокъ на лобъ¹⁾, глаза черною краскою обво
дила²⁾, о U. M.!

вотъ наружу выглянула, о U. M.!
ея взоръ упалъ, взоръ, о U. M.!
чудно красивъ былъ, о Bh. K.!
скорохонько встала, о U. M.!
предъ нимъ предстала, о U. M.!
руки воснула, о U. M.!
у себя, во второмъ этажѣ, о U. M.!
мѣсто ему дала, о U. M.!
другъ друга разспрашивали, о U. M.!
«ты скажи свое намѣреніе, о Bh. K.!
«Udhyañi Mālā я, о Bh. K.!
«Manvâl'a дочь, о U. M.!
«незамужняя принцесса, о Bh. K.!

¹⁾ ṭikālī (или ṭikālī у Bate): стеклянный кружокъ, носимый вмѣ-
сто украшенія, на лбу, индійскими женщинами.

²⁾ Vināli: копоть, сажа, которою обводятся глаза.

— «ты пойдешь ли за меня или нѣтъ, о U. M. !
«какъ не пойти, о Bh. K. !
кормила, поила его, о U. M. !
спать уложила его, о U. M. !
прошла ночь, настало утро, о Bh. K. !
брахмана сынъ, о Bh. K. !
сосватался, о Bh. K. !
«отъ нынѣ будь моею женою, о U. M. !»
дала ему согласіе, о Bh. K. !
и свершилъ онъ рѣја¹⁾, о Bh. K. !
вотъ оттуда на дорогу выходилъ, о Bh. K. !
въ свой домъ пошелъ, о Bh. K. !
и усѣлся тамъ, о Bh. K. !
старуха, его мать, о Bh. K. !
ѣды ему наготовила, о Bh. K. !
рубава подобралъ, о Bh. K. !
одѣлся, разрядился, о Bh. K. !
зачалъ говорить, о Bh. K. !
«о! мать, матушка! о мать, матушка!
«много дней, о мать, матушка!
«делгійскому царю, о мать, матушка!
«я службы не служилъ, о мать, матушка!
«пойду я, о мать, матушка!
«царю служить, о мать, матушка!
«въ делгійскій дарваръ, о мать, матушка!
«Ragsuvā, коня, о мать, матушка!
«осѣдлаю, о мать, матушка!
«верхомъ сяду, о мать, матушка!
на копѣ верхомъ, о Bh. K. !
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K. !
ѣхалъ, ѣхалъ, о Bh. K. !
и въ Rudgarig'ъ, о Bh. K. !
остановился, о Bh. K. !
дорожной ѣды поѣлъ, о Bh. K. !

¹⁾ Рѣја, здѣсь: утреннее почитаніе боговъ.

и заснулъ, о Bh. K.!
прошла ночь, настало утро, о Bh. K.!
попробовалъ ѣды, о Bh. K.!
рукава подобралъ, о Bh. K.!
одѣлся, разрядился, о Bh. K.!
и верхомъ, на конѣ, о Bh. K.!
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K.!
поднялся оттуда, о Bh. K.!
въ Делги пошелъ, о Bh. K.!
предъ царемъ предсталъ, о Bh. K.!
руки сложилъ, о Bh. K.!
«побѣждай, побѣждай, онъ сказалъ, о Bh. K.!»
«благословенъ живи, о Bh. K.!»
заговорилъ великій царь:
«ты, до сихъ поръ, сказалъ великій царь,
«почему на поклонъ не являлся? о Bh. K.!»
«какой-же я царь? о Bh. K.!»
«ты еси царь, о Bh. K.!»
«ты миѣ владыка, о Bh. K.!»
«царя почему ты не почтилъ? о Bh. K.!»
вотъ Bhanârî Kavâ, о Bhanârî Kavâ!
службу зачалъ, о Bh. K.!
службу служилъ, служилъ, о Bh. K.!
мѣсяцъ прошелъ, о Bh. K.!

VII.

вотъ Malâ, о Udhyâni Malâ!
вѣсть прислала, о U. M.!
въ письмѣ писала, о U. M.!
такъ говорила, о U. M.!
«моего отца, о Bh. K.!»
«сыны померли, о Bh. K.!»
«я твоя обѣщанная жена, о Bh. K.!»
«мой отецъ, о Bh. K.!»
«Gāṅgasar'y меня отдаетъ, о Bh. K.!»
«мой отецъ, о Bh. K.!»

«семь сковородъ серебра, о Bh. К.!

«мой отецъ съѣлъ, о Bb. К.!

«въ мѣсяцъ vaisākha¹⁾, о Bh. К.!

«двадцать два брата Gāṇḍasaḡ'ovъ меня возьмутъ, о Bh. К.!

«тобою сосватанную жену, о Bh. К.!

«Gāṇḍasaḡ'амъ отдадутъ, о Bh. К.!

«въ мѣсяцъ vaisākha, о Bh. К.!

«когда ты любишь меня, о Bh. К.!

«дай посмотрѣть на твою кичливость, о Bh. К.!»

письмо написала, о U. М.!

въ конвертъ сложила, о U. М.!

былъ у нея ученый попугай, о U. М.!

въ домъ выкормленный, о U. М.!

того попугая, о U. М.!

изъ кѣтки выпускала, о U. М.!

на коѣнни сажала, о U. М.!

того попугая, о U. М.!

учила, наставляла, о U. М.!

«ты иди въ Mansi, о попугай!

«въ Делги ты ступай, о попугай!

«въ тотъ городъ Делги, о попугай!

«Bhānagī ушелъ, о попугай!

«ему письмо снеси, о попугай!

«предъ нимъ предстань, о попугай!»

устно, что писала, о U. М.!

попугаю передала, о U. М.!

насмѣшливое письмо, о U. М.!

попугаю на шею повязала, о U. М.!

полетѣлъ попугай, о U. М.!

вотъ попугай на дорогу вылетѣлъ, о U. М.!

полетѣлъ попугай, о попугай!

день прошелъ, о попугай!

другой прошелъ, о попугай!

третій насталъ, о попугай!

¹⁾ Vaisākha: первый мѣсяцъ, соответствуетъ апрѣлю и маю.

попугай летѣлъ, летѣлъ, о попугай!
въ делгійскій дарваръ, о попугай!
тамъ, гдѣ совѣтъ, о попугай!
въ тотъ совѣтъ, о попугай!
въ восточное окно, о попугай!
чрезъ окно, о попугай!
въ совѣтъ влетѣлъ, о попугай!
туда, сюда смотрѣлъ, о попугай!
Bhanâgî призналъ, о попугай!
на колѣна къ нему сѣлъ, о попугай!
о Kavâ, о Bhanâgî Kavâ!
попугая узналъ, о Bh. K.!
на его шеѣ, о Bh. K.!
письмо увидалъ, о Bh. K.!
письмо открывалъ, о Bh. K.!
конвертъ раскрывалъ, о Bh. K.!
прочиталъ письмо, о Bh. K.!
вѣсти выслушалъ, о Bh. K.!
героя сынъ, о Bh. K.!
поднялась гордость, о Bh. K.!
разкраснѣлись глаза, о Bh. K.!
забурлила кровь, о Bh. K.!
украшенія, что на рукахъ, о Bh. K.!
къ поясу поспадали, о Bh. K.!
на рукахъ волосы, о Bh. K.!
какъ шиши поднялись, о Bh. K.!
кожа трескалась, о Bh. K.!
по нѣжному тѣлу, о Bh. K.!
вотъ предъ царемъ предсталъ, о Bh. K.!
и руки сложивъ, о Bh. K.!
говорить сталъ, о Bh. K.!
«отпусти меня, великій царь!
«моя мать, великій царь!
«спяно больна, великій царь!
«домой я пойду, великій царь!
отпускъ выпросилъ, о Bh. K.!

и домой пошелъ, о Bh. K.!
ѣды напекъ, о Bh. K.!
ѣды поѣлъ, о Bh. K.!
руки вымылъ, о Bh. K.!
дорогія шальвары, о Bh. K.!
на ноги надѣлъ, о Bh. K.!
на тѣло надѣлъ, о Bh. K.!
съ золотомъ, серебромъ одежду, о Bh. K.!
голову повязалъ, о Bh. K.!
пестрымъ турбаномъ, о Bh. K.!
опоясался, о Bh. K.!
шелковымъ шарфомъ, о Bh. K.!
на ноги туфли¹⁾, о Bh. K.!
туфли надѣлъ, о Bh. K.!
въ конюшню пошелъ, о Bh. K.!
на срединѣ двора, о Bh. K.!
Ragsūvā коня, о Bh. K.!
осѣдлалъ, изготовилъ, о Bh. K.!
коня осѣдлалъ, взнуздавъ, о Bh. K.!
палку въ гвоздяхъ онъ взялъ, о Bh. K.!
верхомъ на коня, о Bh. K.!
на дорогу выѣзжалъ, о Bh. K.!
на семидневный путь, о Bh. K.!
въ срединѣ втораго дня, о Bh. K.!
доѣхалъ, о Bh. K.!
до своего дворца, о Bh. K.!
у стѣны, на дворѣ, о Bh. K.!
коня остановилъ, о Bh. K.!
съ коня сошелъ, о Bh. K.!
въ домъ вошелъ, о Bh. K.!
во второмъ этажѣ сѣлъ, о Bh. K.!
говорить онъ сталъ, о Bh. K.!
«мать! мать! сказалъ, о Bh. K.!
его мать старуха, о Bh. K.!

¹⁾ Собственно: рауді, деревянный башмакъ.

голосъ слышавъ, о Bh. K.!
выходила къ нему, о мать, матушка!
предъ лицомъ его: сѣла, о мать, матушка!
руки сложилъ, о Bh. K.!
поклонился, о Bh. K.!
«мой поклонъ, о мать, матушка!»
старуха мать сказала, о Bh. K.!
«благословенъ живи, о Bh. K.!»
«хорошо ли жилось, о Bh. K.!»
«въ делгійскомъ дарварѣ, о Bh. K.!»
«или ты печалился, о Bh. K.!»
— «не скорбѣлъ я, о мать, матушка!»
«по твоей милости, о мать, матушка!»
«жилось мнѣ хорошо, о мать, матушка!»
«горсть глнны, о мать, матушка!»
«ты на очагу разотри, о мать, матушка!»
«двадцать двѣ закуски, о мать, матушка!»
«тридцать шесть обѣдовъ, о мать, матушка!»
«напекни мнѣ, о мать, матушка!»
«двадцать двѣ чаши, столько же блюдъ, о мать, матушка!»
«передо мною поставь, о мать, матушка!»
къ порогу подошла, о мать, матушка!»
говорить зачала, о мать, матушка!
«обѣдъ готовъ, о Bh. K.!»
золотой стаканъ, мать, матушка!
мѣдную чашу, мать, матушка!
шелковую *dhori*, мать, матушка!
по среднѣ двора, мать, матушка!
передъ сыномъ, мать, матушка!
разложила, мать, матушка!
покушался, Bhanārī Kavā!
и въ шелковую *dhori* облекся, Bh. K.!
солнцу сдѣлавъ приношеніе, Bh. K.!
золотой стаканъ взявъ, Bh. K.!
въ деревянные башмаки обулся, Bh. K.!
и на кухню пошелъ, Bh. K.!

приношеніе поставилъ, Bh. K.!
пить разъ глотнулъ, Bh. K.!
и обѣдъ покончилъ, Bh. K.!
руки вымылъ, Bh. K.!
во второмъ этажѣ, на восточной сторонѣ, Bh. K.!
успѣлся, Bh. K.!
сладкаго табаку, Bh. K.!
пзъ чубука покурилъ, Bh. K.!
звучалъ табакъ, о Bhanâgī Kavâ!

VIII.

у Гангасаровъ въ домѣ, о Bh. K.!
въ барабаны били, о Bh. K.!
знамена развѣвались, о Bh. K.!
музыка играла, о Bh. K.!
плясуны плясали, о Bh. K.!
толпились поѣзжане, о Bh. K.!
какъ закатилось солнце, о Bh. K.!
барабанные звуки, о Bh. K.!
хорошо слышалъ, о Bh. K.!
до ушей его долетѣли звуки, о Bh. K.!
двадцать два брата, Гангасары, Гангасары силачи!
Vairiṇā, Paigīṇā, Гангасары силачи!
на дорогу выступали, о Гангасары силачи!
и шутникъ разыгрался, о Гангасары силачи!
вотъ Kavâ Bhanâgī, о Bhanâgī Kavâ!
перерядился такъ, о Bh. K.!
онъ въ рубище облекся, о Bh. K.!
крестъ на крестъ плащъ обвязалъ, о Bh. K.!
на дорогу выходилъ, о Bh. K.!
и къ дому корзищика онъ пошелъ, о Bh. K.!
«о братъ корзищикъ, о корзищикъ, братъ!
«дай ты мнѣ, корзищикъ, братъ!
«большую и малую плетенку. корзищикъ, братъ!
«мнѣ ты дай, корзищикъ, братъ!»
съ корзиною на плечѣ, о! Bh. K.!

съ палкою въ рукѣ, о! Bh. K.!
потихоньку пошелъ, Bh. K.!
на дорогу выходилъ, Bh. K.!
къ поѣзжанамъ подбѣдя, Bh. K.!
«мой поклонъ! сказалъ, Bh. K.!»
«живи долго, корзинщикъ, братъ!»
вотъ заговорилъ корзинщикъ, братъ:
«твой шутникъ ¹⁾), твой барабанъ, Гангасаръ силачи!
«не по душѣ мнѣ, Гангасары силачи!
«мое тѣло, Гангасары силачи!
«ломиться стало, Гангасары силачи!
«щитъ и мечъ, Гангасары силачи!
«въ руки дайте мнѣ, Гангасары силачи!
«стану шутникомъ, поиграю, Гангасары силачи!»
«хорошо, братъ, корзинщикъ, братъ!»
«будь шутникомъ, поиграй корзинщикъ, братъ!»
«свою одежду, Гангасары силачи!
«дайте мнѣ, Гангасары силачи!
«мою большую и малую корзину, Гангасары силачи!
«вы себѣ возьмите, Гангасары силачи!»
«хорошо, сказали тѣ, о корзинщикъ, братъ!
«щитъ и мечъ, о корзинщикъ, братъ!
«въ руки возьми, о корзинщикъ, братъ!
«шутникомъ будь, поиграй, корзинщикъ, братъ!»
«вы мои господа, Гангасары силачи!
«вотъ я корзинщикъ, Гангасары силачи!
«шутникомъ буду, поиграю, Гангасары силачи!
«и пораню козь кого, Гангасары силачи!
«вы не гиѣвайтесь, Гангасары силачи!»
забилъ въ большой барабанъ корзинщикъ, братъ!
заигралъ корзинщикъ, братъ!
словно кукла заплясалъ корзинщикъ, братъ!
онъ впередъ и назадъ корзинщикъ, братъ!

1) атка

¹⁾ Chvāla, шутникъ, тотъ кто на свадьбѣ съ мечемъ и щитомъ пляшетъ, шутки шутить.

поплясывалъ корзищикъ, братъ!
поигрывалъ шутникъ корзищикъ, братъ!
жениху вотъ корзищикъ, братъ!
носъ и уши поотрѣзалъ корзищикъ, братъ!
зачалъ говорить корзищикъ, братъ!
«ножемъ порѣзалъ, Гангасары силачи!
«отъ меня это случилось, Гангасары силачи!
«не гнѣвайтесь, Гангасары силачи!»
«зачѣмъ гнѣваться, корзищикъ, братъ?
«поиграй еще, корзищикъ, братъ!
«пошуту, поиграй на барабанѣ, корзищикъ, братъ!»
у двадцати двухъ братьевъ Гангасаровъ, у Гангасаровъ силачей!
носы, уши поотрѣзаны, у Гангасаровъ силачей!
двадцать два брата Гангасаровъ силачей, Гангасары силачи!
безъ носовъ, безъ ушей, Гангасары силачи!
отдѣлалъ хорошо Гангасаровъ силачей!
поѣзжане, Гангасары силачи!
по пути идутъ, Гангасары силачи!
и въ деревню пришли, Гангасары силачи!
у стѣны, на дворѣ, Гангасары силачи!
столпились поѣзжане, Гангасары силачи!
разостлали коверъ, Гангасары силачи!
посѣлись, Гангасары силачи!
трубки табаку, Манвалы братья!
поѣзжанамъ роздали, Манвалы братья!
вотъ ихъ брахманъ, Гангасаровъ силачей!
сталъ имъ говорить, о Гангасары силачи!
«приношеніе сдѣлайте, Манвалу, жениху!
«принесите мѣдный сосудъ ¹⁾, сдѣлаице Манвалу, жениху!
«съ цвѣтами корзину Манвалу жениху!
«украшенія, одѣянія Манвалу жениху!

¹⁾ Kūpi, мѣдный сосудъ. Приношеніе дѣлать, *ṣelīkari*: на мѣдной тарелкѣ устанавливаются четыре свѣтильника, и одинъ въ срединѣ. Сюда же кладутся цвѣты, рисъ и красный составъ, для проведенія *tilaka*, или черты на лбу. Служанка подноситъ это жениху, который отдариваетъ ее деньгами.

«приношеніе сдѣлайте, Манвалу жениху!»
отдаривалъ Манвалъ женихъ!
топились поѣзжане, Гангасары силачи!
обѣдъ поѣдали, Гангасары силачи!

IX.

Bhanâri Kavâ, o Bhanâri Kavâ!
позадумался, o Bh. K.!
оттуда всталъ, Bh. K.!
внутри дворца, Bh. K.!
сѣлъ, Bh. K.!
заговорилъ тамъ, Bh. K.!
«хорошо ли тебѣ, o Udhyâni Mâlâ?
Mâlâ, o Udhyâni, o Udhyâni Mâlâ!»
много гнѣвалась, o Udhyâni Mâlâ:
«много дней, o Bh. K.!
«незаботился ты, o Bh. K.!
«мой отецъ, o Bh. K.!
«онъ шумѣлъ, o Bh. K.!
«и меня, твою сосватанную жену, o Bh. K.!
«Гангасарамъ отдалъ, o Bh. K.!
«тебѣ писала, o Bh. K.!
«письмомъ извѣщала, o Bh. K.!
«тебя звала, o Bh. K.!
«что же ты сдѣлалъ, o Bh. K.?

X.

сталъ говорить Bhanâri Kavâ:
«настала минута свадьбы ¹⁾, Гангасары силачи!
«въ цвѣтущемъ саду, Гангасары силачи!
«возліянiя и жертвы принесите, Гангасары силачи!
«въ цвѣтущемъ саду, Udhyâni Mâlâ!»
дѣвою перерядился, Bh. K.!
среди цвѣтущаго сада, Bh. K.!

¹⁾ *Lagna*, см. *Bato*, в. в. Здѣсь—счастливый моментъ для свадьбы.

стали играть свадьбу, Гангасары силачи!
девять разъ покружились вокругъ древа¹⁾, Гангасары силачи!
покружились, Гангасары силачи!
впередъ, впередъ шелъ Bh. K.!
вареный рисъ разбрасывалъ Bh. K.!
и ихъ свадьба, Гангасаровъ силачей!
къ концу пришла, о Гангасары силачи!
прошла ночь, разсвѣло, о Гангасары силачи!
толпа поѣзжанъ, Гангасары силачи!
стала изготавляться, Гангасары силачи!
въ барабаны забили, Гангасары силачи!
словно двѣнадцатилѣтняя (дѣвушка) Bh. K.!
внутри дома сидѣлъ Bh. K.!
въ невѣстину одежду Bh. K.!
самъ нарядился Bh. K.!
ожерелье изъ рупи Bh. K.!
на себя надѣлъ Bh. K.!
и въ данди²⁾ онъ сѣлъ, Bh. K.!
на дорогу выходили Гангасары силачи!
шли, шли Гангасары силачи!
на перекресткѣ, у пяти дорогъ, о Гангасары силачи!
вотъ изъ данди, Гангасары силачи!
говорить сталъ Bh. K.!
«посидите здѣсь, Гангасары силачи!
«я въ лѣсокъ пойду за нуждою, Гангасары силачи!»
и пошелъ туда Bh. K.!
постоялъ въ лѣсу Bh. K.!
украшенія, одѣянія Bh. K.!
ожерелье изъ рупи Bh. K.!
все поспряталъ Bh. K.!
къ поѣзжанамъ подошелъ Bh. K.!

¹⁾ *Pheri*, т. е. тоже что скр. *parikṛāṣṭa*, хожденіе кругомъ. Во время свадьбы невѣста и женихъ въ саду ходятъ кругомъ вѣтви дерева *chil*. Это мѣсто называется *Saldā*.

²⁾ *Данди*, носилки; въ нихъ сидятъ бокомъ; исключительно употребляются въ горахъ.

мечъ и щить Bh. К.!
въ рукѣ несъ Bh. К.!
въ первый разъ размахнулся Bh. К.!
одинъ двадцатокъ перерѣзалъ Bh. К.!
въ другой разъ Bh. К.!
два двадцатка перерѣзалъ Bh. К.!
въ третій разъ Bh. К.!
сталъ онъ биться Bh. К.!
тридцать двадцатковъ перерѣзалъ Bh. К.!
какъ козловъ перерѣзалъ Bh. К.!
на дорогу выходилъ оттуда Bh. К.!
предъ Udhyāni Mālā предсталъ Bh. К.!
въ плащъ посадилъ ее Bh. К.!
увелъ ее и убѣждалъ Bh. К.!
и туда, гдѣ были поѣзжаны Bh. К.!
увелъ ее Bh. К.!
показалъ ей все Bh. К.!
и самъ сѣлъ Bh. К.!
былъ тамъ нѣмой Гужія, о Bh. К.!
говорить сталъ Гужія, нѣмой:
«меня ты не убивай, Bh. К.!
«твои ноги стану тереть, Bh. К.!
«твой очагъ обмазывать, Bh. К.!»
утомился Bh. К.!
и въ шалашѣ Bh. К.!
въ тѣни сѣлъ Bh. К.!
и возжаждалъ Bh. К.!
«принеси воды, Гужія нѣмой!»
за водою пошелъ Гужія нѣмой!
почерпнулъ воды Гужія нѣмой!
съ рѣки круглый камень Гужія нѣмой!
подъ платье спряталъ Гужія нѣмой!
пришелъ, предъ нимъ предсталъ Гужія нѣмой!
задремалъ Bh. К.!
вынулъ камень Гужія нѣмой!
ему въ голову бросилъ Гужія нѣмой!

и въ голову ему попалъ, о Bh. K.!
вскочилъ Bh. K.!
снялъ турбанъ Bh. K.!
кругомъ головы обвязалъ Bh. K.!
схватилъ онъ Гужіа нѣмого!
на четыре части разсѣлъ его Bh. K.!
къ Индрѣ, во дворецъ ушелъ Гужіа нѣмой!
снялъ турбанъ Bh. K.!
и тутъ же померъ Bh. K.!
осталась Udhyāni Malā, о Udhyāni Malā!
стала она говорить U. M.!
по дорогѣ шли разнощики!')
стала имъ говорить, U. M.!
«о братцы разнощики, разнощики братцы!
«костеръ приготовьте, разнощики братцы!
«кто мнѣ костеръ изготовить, разнощики братцы!
«того женою стану, разнощики братцы!»
шесть двадцатковъ разнощиковъ, разнощики братцы!
костеръ изготовили ей разнощики братцы!
о Malā Udhyāni, о Udhyāni Malā!
омылась, выкупалась U. M.!
сандаломъ вытерлась U. M.!
на костеръ стала U. M.!
и подожгла его U. M.!
разгорѣлся огонь, U. M.!
прыгнула туда U. M.!
съ супругомъ вмѣстѣ U. M.!
освободилась она, о Bh. K.!
шесть двадцатковъ разнощиковъ, разнощики братцы!
безнадежны ушли разнощики братцы!

') Piṭheru, разнощикъ, коробейникъ.

20.

I.

Въ Камаонѣ родился царь Рудрачандра, въ Сиракотѣ родился царь Хармалъ, въ Галкотѣ родился Пурка-пантхъ.

Сиракотскаго царя сестра была замужемъ за отцемъ царя Рудрачандры.

Отдалъ приказъ царь Рудрачандра своей матери:

— Ступай принеси отъ матери соли. Коль будетъ мать тебя спрашивать, сколько соли тебѣ нужно, ты соли не бери, а скажи: прошу въ приданое копн въ Жварѣ и Дармѣ ¹⁾.

Изготовила жена царя Рудрачандры носилки и взяла съ собою пять, семь рабовъ, рабынь и слуганокъ.

На полъ-пути въ Сиракотъ, въ Чанппатѣ она отдыхала.

И былъ у царя Хармала песъ, кличкою Пари; далъ царь псу турбанъ, браслеты и кольца; далъ ему носить наряды и одѣяніе, на шеѣ повѣсилъ золотое ожерелье и въ уши серьги.

Придетъ ли хорошій человекъ къ царю на поклонъ:

— Поклонись сначала собакѣ, скажетъ ему царь, а затѣмъ кланяйся мнѣ!

И былъ въ той странѣ всегда таковъ обычай: поклонившись сначала собакѣ, царю затѣмъ кланялись.

Пришелъ на царскую кухню, варить молоко съ водою, Пари, царскій поваръ. И какъ всталъ царь и помолился, сказалъ онъ повару:

— Возьми въ руки панеу ²⁾, зачинай пляску и пѣсню!

Отвѣчалъ поваръ:

— Мнѣ брахманы приказали: не твое дѣло пѣть и плясать. Ходилъ я на царскую кухню лишь затѣмъ, чтобы варить.

Разгнѣвался царь и сказалъ:

¹⁾ *Jāra* и *Dārma*, соленые копн, на сѣверѣ Камаона у границъ Тибета.

²⁾ *Paneu*, черпалка, здѣсь вѣроятно то же, что *paṇava*: небольшой барабанъ.

— Коль неисполнишь моего приказанія, выгоню тебя отсюда и накажу!

Испугался бѣдняга, взялъ въ руки панчу и сталъ плясать.

— Пой! сказалъ ему царь, и запѣлъ бѣдняга громко:

— Меня зовутъ Нарн, тебя зовутъ Харн, собаку зовутъ Парн! Пойдешь, чрезъ рѣку Калн переправляйся. Пойдешь живой, умрешь!

— Какъ пройдутъ отъ нынѣшняго дня десять или пятнадцать дней, сидеть твоя сестра и скажетъ: позоветь меня братецъ, такъ приду. Ты же немиѣй стыда!

Разгнѣвался тутъ царь на брахмана и отставилъ его!

Послалъ царь своихъ слугъ къ сестрѣ въ Чаннпату, спросить о здоровьи:—Ты скажи, Чаннпата, зачѣмъ пришла сюда? Кто послалъ тебя и за какимъ дѣломъ?

Отвѣчала Чаннпата:

— Послалъ меня твой племянникъ, попросить у брата овощей и соли. Вотъ зачѣмъ я пришла къ тебѣ!

— Сколько соли нужно тебѣ? спросилъ царь.

Отвѣчала царю сестра:

— Не хочу я соли на вѣсъ! Коль желаешь дать мнѣ соли, отдай мнѣ въ приданое копи въ Дармъ и Жварѣ!

Сказала сестра и разгнѣвался царь.

— Не сестра ты мнѣ, сказалъ царь, а врагъ! Ты страну мою просишь! Коль отдамъ тебѣ свою страну, гдѣ же стану царствовать?

И приказалъ царь своимъ слугамъ:—Выгоните отсюда сестру!

Уходя, сестра кляла брата: Какъ ты меня обидѣлъ, такъ да будешь и ты обиженъ!

Въ торопяхъ вернулась она въ Камаонъ и отъ стыда непоказывалась собственному сыну; заперлась въ своихъ покояхъ.

II.

У Рамапантха было три сына отъ повѣнчанной жены: Мани, Бхаги, Виду, и одинъ Пурканантхъ отъ наложницы.

Ссорились они между собою. Царю Рудрачандрѣ просьбу подавали. Было у нихъ отца четыре лакха ¹⁾ богатства; умеръ отецъ, Рама-

¹⁾ Lakh (т. е. lakṣa): сто тысячъ (подразумѣвается рупи) или десять тысячъ фунтовъ.

пантхъ, и гдѣ было его богатство, о томъ знала мать Пуркапантха.

Стала повѣнчанная жена съ сыновьями просить у Пуркапантха свои части. А онъ погрозился убить ихъ. Былъ онъ великій силачъ. Вотъ они и взмолились къ царю: Схвати, царь, Пуркапантха.

Пришелъ отъ царя приказъ: Подѣлите добро на три части; одну часть отдайте царю, двѣ себѣ возьмите!

Кончился споръ; повиновался Пуркапантхъ предъ царемъ, а какъ пришелъ домой, не далъ ничего братьямъ. Тѣ опять къ царю съ просьбою; послалъ царь двухъ солдатъ; схватили Пуркапантха и привели къ царю.

— Ты зачѣмъ моего приказа непослушался? спросилъ царь.

Застыдился Пуркапантхъ и положилъ на него царь пѣню въ два лакха рупи.

— Бѣдный я человекъ, говоритъ Пуркапантхъ. За что ты меня такъ обижаешь? Твою мать царь Хармалъ обидѣлъ! Изъ Сиракота ее выгналъ, а тебѣ и срама нѣтъ!

— Это мое дѣло, говоритъ царь; ты зачѣмъ объ этомъ говоришь?

— Жаденъ ты, царь, до богатства. На что тебѣ два лакха? Четыре лакха тебѣ дамъ, какъ завоюю Сиракотъ, одинъ лакхъ тебѣ дамъ, одинъ лакхъ—когда завоюю Жваръ и Дарма; а завоюю Гарвалъ дамъ два лакха.

— Хорошо! согласился царь.

Набрали войско; приготовились и оружія изготовили. Подошелъ Пуркапантхъ къ рѣкѣ; увидалъ, что моста нѣтъ, сдѣлалъ мостъ изъ шерстяныхъ одѣяній и переправился. Подошли къ Чаннипата, въ Сиракотѣ. Узналъ объ этомъ Хармалъ и говоритъ себѣ: Племянникъ пришелъ убить меня!

Заперся онъ въ крѣпости и окружилъ ее снарядами. Стояли они кругомъ крѣпости шесть мѣсяцевъ. У Чаннипата стоялъ лагерь Рудрачандра. Крѣпость же была на верху, на горѣ, а Чаннипата внизу. Снизу выстрѣлы не попадали въ цѣль, а сверху, изъ крѣпости попадали всякій разъ, какъ выстрѣлять.

Вотъ разъ, какъ Пуркапантхъ купался, сверху, изъ крѣпости сплалъ Сатана Сауна выстрѣлилъ и попалъ въ голову Бхагипантха,

брата Пуркапантха. Увидалъ Сатана Сауна, что онъ палъ и пошелъ къ царю Харналу. Поклонился царю.

— Ты зачѣмъ оставилъ крѣпость и пришелъ сюда? спросилъ его царь.

— Разыгрался силачъ на конѣ. Я въ него выстрѣлилъ, онъ и повалился!

Захотѣлось царю Харналу узнать, какой силачъ убить и послалъ онъ въ лагерь ко врагу угощеній, козла, — всякой ѣды и питья. И думаетъ про себя царь: Въ чьей семьѣ силачъ убить, та семья мяса не станетъ ѣсть; коль никто не убить, такъ всѣ стануть мясо ѣсть! ¹⁾

А Пуркапантхъ вотъ что сдѣлалъ; положилъ потихоньку убитаго брата на носилки. — За помощью идемъ! говорить всѣмъ. Стащилъ мертваго къ Рамесвару; тамъ и сжегъ.

Убили въ лагерь козла и стали всѣ ѣсть, а тѣмъ, у кого родные побиты, наварилъ Пуркапанта плодовъ *Timalâ*. Пришли соглядаты, смотреть: всѣ въ лагерь ѣдятъ. И дошла до Сиратотскаго царя вѣсть: всѣ въ лагерь мясо ѣдятъ! Не узналъ онъ, кто убить и сколько.

Стояло войско у крѣпости шесть мѣсяцевъ. Вотъ и говорить Пуркапантха царю Рудрачандрѣ: Шесть мѣсяцевъ мы здѣсь трудимся; перерядились факирами, возьмемъ въ руки *tumbâ* ²⁾; пойдемъ за помощью въ *Dhimâli*, гдѣ мой дядя живетъ!

Пошли оба туда, царь Рудрачандра и Пуркапантха, и ничего не получили тамъ. Увидала ихъ тетка и позвала въ домъ.

— Дай намъ поѣсть! говорятъ оба, а себя не назвали, кто они.

Говоритъ старуха снохѣ: Дай факирамъ молока, дай имъ рису; сварь имъ молочной кашки изъ рису; дай имъ дагу и бхата ³⁾.

Наготовила всего этого сноха; принесла въ чашечкахъ изъ листьевъ ⁴⁾ и поставила передъ факирами.

¹⁾ По смерти рождественника не ѣдятъ мяса десять дней. Сынъ по смерти отца не ѣстъ мяса годъ или два.

²⁾ *Tumbâ*. Bate, s. v. a hollowed gourd; the rind of a gourd in which mendicants carry water etc.

³⁾ *Dâl*, *paspalum fumentaceum*; *bhât*, вареный рисъ.

⁴⁾ *Pâtala*, чашечка сдѣланная изъ листьевъ.

Вотъ царь Рудрачандра сталъ изъ середки молоко хлебать и разбросалъ рпсъ по краямъ; а Пуркапантха по краямъ подбпраетъ, чтобы не попадало.

Смотрить старуха и говорить: Вы—какъ царь Рудрачандра съ Пуркапантхомъ; они не знаютъ, какъ побѣдить Сирѣкота, а вы не умѣете молоко ѣсть!

Спрашиваетъ Пуркапантха старуху, а самъ все ѣсть:

— А ты старуха, скажи, какъ это мы молоко не умѣемъ ѣсть? Почему царь Рудрачандра да Пуркапантха не умѣютъ Сирѣкота взять? Коль этого не разъяснишь, мы ѣсть не станемъ!

Старуха говорить: Ышьте, потомъ расскажу! и покаялась.

Поѣли факиры и опять спрашиваютъ: Разъясни!

Говорить старуха: Кто такъ ѣсть — какъ вы, тотъ ѣсть не умѣетъ; коль бы вы съ краевъ начали, въ середкѣ молоко не расплескалось бы. Если царь Рудрачандра хочетъ побѣдить Сирѣкота, такъ пусть заградить путь къ рѣкѣ; тогда царь Хармалъ откуда воды возметъ? Зачѣмъ онъ шесть мѣсяцевъ стоитъ у Чанипата? Хармаловы люди сдѣлали валъ, да изъ рѣки Ванани воду пьютъ. Вотъ и сказъ!

Запомнили это царь Рудрачандра и Пуркапантха и пошли назадъ къ войску. Взяли они половину войска и поставили у рѣки Ванани, а другую поставили у Чанипата.

Пришли люди изъ крѣпости за водою; не даетъ войско воды, обѣда нельзя изготавлять. Вотъ царь Рудрачандра говорить: Сколько чашъ воды желаете, столько приносите; коль наполните всѣ чаши рушіями, тогда воды дадимъ, не наполните, не дадимъ!

Ослабѣлъ народъ царя Хармала. И говорить царь Хармалъ: Хорошо! Сколько чашъ воды нужно на кухнѣ, столько чашъ наполните золотомъ и несите!

Наполнили они золотомъ столько чашъ, сколько имъ нужно было, и поехали. Царь Рудрачандра далъ воды. Стали они такъ дѣлать, и такимъ образомъ прошло шесть мѣсяцевъ. Сперва носили большія чаши, а потомъ все меньше и меньше; все золото, что было въ домѣ, перетаскали къ царю Рудрачандрѣ; ничего не осталось.

Вотъ разъ ночью царь Хармалъ переправился черезъ рѣку Кѣли и убѣжалъ. Какъ ушелъ онъ, царь Рудрачандра забрался въ крѣ-

постъ и забралъ тамъ все богатство. Все что тамъ было, все по-
пало въ руки царю Камаонскому. Забралъ онъ страны Дарма и
Жваръ.

Изготовился царь Рудрачандра идти на Гарвалъ. Поставилъ
Тихарійскій ¹⁾ царь на одной рѣкѣ гнилой мостъ. Пошло войско
чрезъ мостъ и изъ восьми тысячъ двѣ тысячи провалились и по-
гибли. Была ночь, они не разглядѣли каковъ мостъ. Какъ погибли
люди, тутъ они выстроили мостъ изъ шерстяныхъ одеждъ, и по-
этому мосту шесть тысячъ переправились на другой берегъ.

Завоевалъ Пуркапанта полъ-Гарвала. Остановился онъ въ мѣстѣ
Гарари Гвалъ. Сидитъ тамъ и думаетъ: Изъ четырехъ лакховъ,
что обѣщалъ я царю Рудрачандрѣ, заплатилъ я три, завоевавъ
Дарма, Жваръ и Сиракотъ. Осталось мнѣ завоевать Гарвалъ и от-
дать послѣдній лакхъ!

Сидитъ онъ тамъ и было съ нимъ человѣка четыре. Подослалъ
Гарвалскій царь его убить. Закутался убійца въ плащъ, какъ нищій,
а подъ мышкою держитъ мечъ. Пришелъ ночью и все ходитъ
кругомъ. Думается ему: Взойду туда, гдѣ сидитъ Пуркапантихъ,
попрошу ѣсть!

Подоселъ къ Пуркапантиху и какъ тотъ всталъ, онъ его мечемъ
разсѣкъ. Услыхалъ народъ и схватилъ его.

Отдалъ царь Рудрачандра приказъ зарѣзать убійцу.

Думалъ царь Рудрачандра: Нѣтъ того, въ союзѣ съ кѣмъ вое-
валъ; какъ стану теперь воевать безъ союзника?

Повернулъ войско и пошелъ въ Камаонъ. Пришелъ туда и
сталъ царствовать.

Не росла тамъ даже трава, гдѣ померъ Пуркапантихъ или гдѣ
его кровь текла.

Призвалъ царь Рудрачандра Дума ²⁾ и приказалъ ему прославить
имя Пуркапантихы. Сочинилъ тотъ и пѣснь и сказку о доблестяхъ
Пуркапантихы. Пѣлъ онъ о его родѣ.

¹⁾ *Tihari*, теперешняя столица независимаго Гарвала.

²⁾ Буквально *Hudkiya*, пѣвецъ и барабанщикъ, изъ касты Дума.
О Думахъ см. въ приложеніи.

21.

I.

Въ домѣ Мăхара была дочь Сауна; въ домѣ Сауна была дочь Мăхара. И были они друзьями между собою.

Сказалъ камаонскій нищій пѣвецъ ¹⁾: Всюду я иплостыню просилъ, но у Мăхара и Партыяла не просилъ!

Надѣлъ онъ двѣ шали, въ руки взялъ трость, съ двухъ концевъ заостренную ²⁾, и пошелъ.

Пришелъ онъ туда и что же увидалъ? Сидитъ Мăхаръ и Сауна и держатъ совѣтъ.

— Два рода здѣсь сидятъ! сказалъ пѣвецъ, что мнѣ дѣлать теперь? Про чей родъ сперва пѣть?

— Нищій пѣвецъ, говорила ему старуха, зачѣмъ здѣсь стоишь?

— Что мнѣ дѣлать, царица, отвѣчалъ пѣвецъ. Спою ли сперва про родъ Мăхаровъ, разгнѣвается Сауна. Спою ли про родъ Сауна, Мăхаръ разгнѣвается!

Говорила тутъ старуха: Про чей родъ споешь, отъ того и коня и шаль получишь!

— Хорошее слово! сказалъ себѣ въ умѣ пѣвецъ. Пошелъ онъ въ царскій совѣтъ; пришелъ туда и заплѣлъ сперва про родъ Мăхаровъ:

— Мăхоры, владыки Галкила; ³⁾ на востокъ Мăхоры и на западъ Мăхары; на сѣверъ Мăхары и на югъ Мăхары! Ихъ сыны съ мечами, ихъ дочери по домамъ сидятъ! Ихъ мельницы быстры и буйволы яры!

Въ игры играли въ то время Ратува Мăхаръ и Сужана Саунъ. Сказалъ Сужана Саунъ:

— Въ четырехъ странахъ, пѣвецъ, ты воспѣлъ Мăхаровъ. Гдѣ же мѣсто для другихъ людей?

— Не гнѣвайся, царь! отвѣчалъ пѣвецъ, и про твой родъ спою!

И заплѣлъ онъ про родъ Сауна: Въ битвахъ побѣдитель Сау-

¹⁾ Нищій пѣвецъ, т. е. *Bhāt*.

²⁾ Посохъ, заостренный съ двухъ концевъ называется *Barchā*.

³⁾ Названія родового помѣстья Мăхаровъ.

новъ глава; востеръ его ножъ! Не бѣла, не черна его внучка: двухъ цвѣтовъ она, пестра: какъ ручей въ мѣсяцъ Бхадра журчитъ, такъ въ пожинахъ мечъ звучитъ у Медасауна. Весь онъ въ желтомъ и желтый на немъ турбанъ. Какъ пойдутъ биться сыны Сауна, сто да пятьдесятъ въ битвѣ они побѣдятъ. У внуковъ Сауна въ слѣдъ бѣгущему врагу мечи, и мечи въ лице наступающаго врага!

Ратувъ Мѣхаръ сказалъ пѣвцу: Или черно или желто человеческое лице! Не бываетъ лице двухъ цвѣтовъ! А ты поешь о двуцвѣтной дочери Сауновъ!

— Сперва, вступился Сужанъ Сауна, о васъ онъ пѣлъ, что вы въ четырехъ странахъ свѣта—я не гнѣвался! Запѣлъ онъ о нашей дочери—ты браниться сталъ!

Разгнѣвался Ратувъ Мѣхаръ и мечемъ разсѣкъ Сужанъ Сауна. Стали двѣ семьи враждовать. На Сауновъ гнѣвались Мѣхары, на Мѣхаровъ Сауны.

Вотъ послалъ Сауна письмо къ Бхожѣ Мѣхару:

— Отпиши, хороши ли вѣсти о твоей странѣ? У насъ же одно помышленіе о васъ. Изготовьтесь, приходите на ярмарку въ такое то мѣсто, и мы придемъ!

Согласился Бхожа Мѣхаръ: Какъ ты желаешь, такъ и будетъ!

Приготовились къ битвѣ и сошлись тѣ и другіе на ярмарку. Сѣли тамъ Сауны, а напротивъ Мѣхары.

Сперва выстрѣлили изъ лука Сауны и побили двухъ, трехъ человѣкъ. Стали биться съ двухъ сторонъ, и никто не осиливалъ.

Пришелъ туда Гажувъ Нагарѣ. Былъ онъ сперва на сторонѣ Сауновъ и много дней какъ перешелъ къ Мѣхаражъ. Увидалъ онъ, что сражаются, и сталъ думать: Въмъ я сою Мѣхаровъ, нужно имъ помочь!

Перебилъ онъ многихъ.

— Уменьшается наше войско! говорилъ Харп Сауна, и видитъ, какъ Гажувъ Нагарѣ изъ лука стрѣляетъ. Написалъ онъ письмо, вложилъ въ него серьги и выстрѣлилъ туною стрѣлою въ Гажувъ Нагарѣ. Попала стрѣла.

Развернулъ Гажувъ Нагарѣ письмо, увидалъ серьги и сталъ читать: Былъ ты нашимъ человѣкомъ, будь же къ намъ мно-

стивы!—Въ отвѣтъ на это Гажувъ Нагаръ пустилъ стрѣлу. Выскочили тогда Сауны съ обнаженными мечами, но все были побиты.

Изъ Махаровъ два брата: Бхожа Махаръ и Ратувъ Махаръ, да третій Гажувъ Нагаръ остались въ живыхъ и пошли они къ себѣ домой.

Изъ Сауновъ два сына, что въ домъ оставались, были еще въ живыхъ. Одинъ былъ мельникъ, другой пастухъ. Какъ дошла до нихъ вѣсть, что все родные побиты, говорилъ сынамъ отецъ: Нужно съ Махарами помириться!—Наложилъ онъ въ золотую чашу золотыхъ, взявъ траву dūba (*Agrostis linearis*) и виѣсть съ брахманомъ пошелъ въ домъ Махаровъ.

Поклялись другъ другу: Отнынѣ не будемъ спорить!

— Вы два брата будете моими двумя сынами! такъ говорилъ старикъ.

Согласился Бхожа Махаръ и подарилъ старикъ коня и шаль.— Отлично! говорилъ Махаръ.

Отослалъ старикъ коня и шаль домой и рассказалъ все своей старухѣ: Будемъ имъ отцемъ да матерью!

Пришли изъ лѣсу его два сына и стали спорить съ отцемъ:

— Ты зачѣмъ безъ насъ клятву далъ?

II.

Говорилъ старикъ сыну Сунарію: Слышно, что Бхожа Махаръ оброкъ собралъ. Ступай, Сунарія, попроси у него соли!

Набралъ Сунарія семь мечей и пошелъ къ кузнецу: Скуй, кузнецъ, изъ семи мечей одинъ мечъ! говоритъ ему. Сковалъ ему кузнецъ мечъ.

На разсвѣтъ пошелъ онъ къ Махарахъ. Видитъ: по дорогѣ стоитъ дерево; всадилъ онъ въ дерево мечъ и разсѣкъ его. Обрадовался Сунарія.

Шелъ, шелъ и пришелъ къ Махарахъ; говоритъ ему Бхожа Махаръ: Сауна-жью ¹⁾, зачѣмъ пришелъ?

¹⁾ Juā — прибавляется въ концѣ имени, для выраженія почтенія; ж. б. тоже что jīva: живи, будь долгоденственъ!

— Слышали, что ты оброкъ собралъ; прислалъ отецъ соли попросить! отвѣчаетъ Сауна.

— Бери, говоритъ Мѣхаръ. Сколько стащишь, столько и возьми! Вотъ настала ночь; спѣли они въ домѣ, да и заснули. Сталъ тутъ Сауна трястись.

— Что ты трясешься? говоритъ ему Мѣхаръ.

— Четвертый день, какъ боленъ, говоритъ тотъ, оттого и трясусь!

Далъ ему Бхожа Мѣхаръ постель. Легъ Сауна и все таки трясется.

— Трясется и теперь! На сердцѣ у него не хорошее! думаетъ Бхожа Мѣхаръ и сталъ за мечъ хвататься. А Сауна быстро вскочилъ и разсѣкъ его.

Убилъ и ночью же пошелъ домой. По дорогѣ повстрѣчалъ онъ брата Аржуна:

— Убилъ ты Бхожа Мѣхара; давай мнѣ мечъ, пойду убью Ратува Мѣхара! говоритъ ему тотъ.

Пошли два брата къ Мѣхарамъ.

Приходятъ къ дому ночью. На крышѣ сидятъ двадцать два работника; поютъ, играютъ, на свирѣли забавляются.

Оттащилъ Аржуна лѣстницу и снизу поджегъ домъ. Увидали работники огонь и всѣ внизъ попадали. Всѣхъ ихъ Аржуна перебилъ.

Услыхала крикъ жена Ратувы и говоритъ о томъ мужу. Схватилъ онъ мечъ и бросился изъ дому, а лѣстницы нѣтъ. Упалъ онъ внизъ, тутъ Аржуна на него напалъ. Ратува Мѣхаръ сталъ звать Гажуву Нагара. Упалъ и тотъ внизъ. Всѣхъ Мѣхаровъ перебилъ Аржуна.

Взошелъ Аржуна въ домъ и все добро выбралъ. Пошелъ домой и показалъ отцу и добро и три вражьи головы.

22.

I.

Въ Камаонѣ родился царь Торчандъ, въ Дхунгаснѣ родился Раміамаута, въ Баркьюрѣ родился Бьюліякарки.

Царь Торчанда принесъ изъ Тибета птицу. Сколько въ домѣ было козъ, перерѣзалъ ихъ и кормилъ птицу. Не осталось въ домѣ

козъ. Стагъ брать козъ по деревнямъ у Дивановъ ¹⁾, Дафтаровъ ²⁾. Уничтожилъ и ихъ козъ. Стали думать Диваны: Царь уничтожилъ всѣхъ нашихъ козъ!

— Птица моя орелъ съ голоду умираетъ, говоритъ царь Диванамъ и Дафтарамъ. Откуда хотите добудьте козъ и приводите ихъ!

Отвѣчали Диваны: Сколько было у нашего народа козъ, всѣхъ въ твоёмъ домѣ птица орелъ поѣлъ.

— Откуда хотите, приводите! говоритъ царь.

— Повинуемся твоимъ словамъ, отвѣчали Диваны, Дафтары. Прежде Раміамаута такъ дѣлывалъ; владѣлъ онъ землею безъ податей; охотился и кормилъ царскаго орла птицу!

Написалъ царь собственноручное письмо и послалъ двухъ чупраси (солдатъ) въ Дхунгасилу къ Раміамаута. Писалъ онъ въ письмѣ:

— Съ голоду умираетъ моя птица орелъ. Ты набей мяса; самъ ѣшь и моему орлу ѣды приноси!

Сказалъ Раміамаута солдатамъ: Ступайте назадъ къ царю. Завтра предстану предъ царемъ!

Пришли солдаты къ царю Торчандѣ.

— Что сказалъ Раміамаута? спросилъ у солдатъ царь.

— Сказалъ онъ: завтра набью дичи и предстану предъ царемъ!

Возвѣстилъ Раміамаута въ своей деревнѣ:

— Сегодня царь оказалъ мнѣ милость. Идите всѣ со мною охотиться!

Вотъ на утро всѣ люди пошли съ Раміамаута въ лѣсъ Малигирн.

Разставилъ Раміамаута около мельницы сѣти—ловить звѣрей. Протянулъ веревки чрезъ дороги и проходы.

Говоритъ Раміамаута брату Банду: По какой дорогѣ звѣрь побѣжитъ, тамъ я его убью, въ мельницѣ смою. Если же ты звѣря поймашь, то я тебѣ что либо дамъ!

Загородили слуги всѣ проходы и стоятъ; пустили собакъ.

¹⁾ *Divân*, совет. совѣтникъ царскій, но также у *Bate* в. в. a tribunal, и the collector-general of a province.

²⁾ *Daphtar*, у *Bate* в. в. a book, journal, record, register, book of accounts; an office, counting-house; archives. Но здѣсь въ смыслѣ *Daphtardâr*, a registrar, recorder.

Иной звѣрь въ сѣти упалъ; много собаки загрызли. Собрали люди всѣхъ звѣрей. Сколько ни было живыхъ звѣрей, всѣхъ къ царю Торчандѣ отнесли; мертвыхъ же звѣрей въ свой домъ отнесли.

Живыхъ звѣрей понесъ къ царю Раміамаута да его слуги. Идетъ онъ по дорогѣ и видитъ: у озера стоятъ Удьянмала, дочь Катаріи Жханкала; было съ нею пять, семь рабынь.

Разостлалъ Раміамаута подѣ деревомъ свой дорогой плащъ (кѣмали) ¹⁾ и сѣлъ.

— Возжаждалъ я, говоритъ онъ своимъ слугамъ, принесите мнѣ воды!

Взялъ слуга въ руки чашу и пошелъ къ озеру зачерпнуть воды. Хочетъ онъ зачерпнуть воды; не даетъ воды Удьянмала.

— Дай мнѣ зачерпнуть воды, говоритъ ей слуга; мой господинъ разсердится на меня за то, что долго замѣшкался.

— Если у твоего господина такая жажда, такъ пусть самъ приходитъ сюда воды напиться!

Пошелъ слуга назадъ безъ воды и говоритъ своему господину: Сидитъ у озера женщина; не дала мнѣ воды зачерпнуть, говоритъ: кто хочетъ воды напиться, тотъ пусть самъ сюда идетъ!

Пошелъ Раміамаута къ озеру воды напиться. Напился воды и сталъ во всѣ стороны оглядываться.

— Отчего ты не позволила моему слугѣ воды зачерпнуть? спросилъ онъ Удьянмалу.

Она отвѣчала:

— У моего озера есть стража; кому захочется пить, тотъ сюда приходитъ воду пить. Всѣмъ мы не даемъ воды пить!

— Какимъ ты меня находишь? спрашиваетъ ее Раміамаута.

— И хорошъ ты, и славенъ, и силенъ!

— Ты выдана или не выдана? спрашиваетъ ее Раміамаута.

— Не выдана! отвѣчаетъ она.

— Молода ты, отчего же ты такъ долго не выдана? говоритъ опять Раміамаута.

— Никого у меня нѣтъ на сердцѣ!

Говорилъ опять Раміамаута:

¹⁾ Ratan kāmali, лучшее одѣяніе; ratan, тоже что скр. *ratna*, перлъ, драгоценность. *Kāmali*, тоже что *Kāmari*, у Bate s. v. a blanket.

— Ты у меня на сердцѣ. А я у тебя на сердцѣ или нѣтъ?
Говорилъ Раміамаута:

— Надѣнь на палецъ мой перстень; носи его на пальцѣ.
Иду я теперь къ царю на поклонъ. Черезъ восемнадцать дней,
какъ пойду назадъ, приведу поѣздъ и тебя уведу!

Пошелъ онъ къ царю на поклонъ, привязалъ къ столбу звѣ-
рей. Сильно обрадовался царь и сталъ спрашивать о томъ, все ли
у него въ домѣ здорово? Наградилъ его и подарилъ ему одежду
носить. Далъ ему двѣнадцать деревень въ равнинахъ, да столько
же въ горахъ.

Прошли восемнадцать дней, Раміамаута сидѣлъ у царя. Сталъ онъ
возвращаться и не пошелъ къ той женщинѣ, съ которою условился.

II.

Опредѣлилъ отецъ этой женщины: Кто хочетъ мою дочь взять,
тотъ пусть дастъ девять нали ¹⁾ золота!

Бьюлія Карки наполнилъ золотомъ девять нали и пришелъ
жениться.

Говорила дѣвушка до свадьбы: Слюбилась я съ Раміамаута!

— Нищъ и бѣденъ онъ, говорилъ Бьюлія Карки. Зачѣмъ тебѣ
къ нему идти? Иди въ мой домъ!

Когда свершился обрядъ четвертаго дня ²⁾, пошла Удьянимала
къ озеру и свидѣлась тамъ съ Раміамаута. Сидѣла она за занавѣ-
скою и сказала ему, черезъ служанку: Подходи сюда къ занавѣскѣ.

— Кто тутъ? спросилъ Раміамаута, подходя къ занавѣскѣ.

И былъ отвѣтъ оттуда: Удьянимала, жена Бьюлія Карки!

— Развѣ ты Каркьяни стала? спрашивалъ Раміамаута. А мой
перстень отдашь или нѣтъ?

— Отдамъ! былъ отвѣтъ изъ-за перегородки.

— Самъ на руку надѣлъ, самъ съ руки сниму, говоритъ
Раміамаута.

¹⁾ О нали см. Ed Thomas въ Marsden's Numismata Orientalia.
Part I, стр. 25 The commonest name for one of the smaller measures
is *Nali* which means simply a joint of bambu.

²⁾ Обрядъ четвертаго дня: *sautha karma*. Онъ состоитъ въ развя-
зываніи узла. Сра. стр. 77 прим. 2 и стр. 191 прим. 1.

Закрывает Удьянимала лицо одѣянными, протянула руку назадъ и говоритъ:

— Снимай!

Взявъ Раміямаута сперва палецъ, потомъ руку, потомъ схватила ее за волосы и много била. Повинулась Удьянимала.

— Что ты скажешь, тому повинюсь! Не бей ты меня!

— Оставайся здѣсь! говоритъ Раміямаута, я съ поѣздомъ приду!

Говорила Удьянимала:

— Ты меня прибилъ не много! Придетъ съ охоты Бьюли Карки, увидитъ, что ты на дорогѣ стоишь, сильно прибьетъ меня. На битые я родилась!

— Предъ лицомъ твоимъ всою палку съ желѣзнымъ остриемъ, развѣшу мой калѣчатый камал. Какъ придетъ Бьюли Карки и увидавъ мое знамя, побѣжитъ—зови меня сплачемъ; если же онъ къ тебѣ подойдетъ, не называй меня сплачемъ а иди въ домъ Бьюли Карки!

Такъ и сдѣлала Удьянимала.

Пришелъ съ охоты Бьюли Карки; пошелъ онъ воды испить къ озеру. Увидалъ знамя и говоритъ своему спутнику:

— Раміямаута сиитъ!

А Удьянимала закрыла свое тѣло.

Посмотрѣлъ Бьюли Карки и бѣжалъ въ свой домъ. Вернувшись изъ своего дома Раміямаута съ поѣздомъ и спрашиваетъ:

— Что ты видѣла?

— Что ты сказалъ, то и видѣла! отвѣчаетъ Удьянимала.

Стала Удьянимала славить Раміямаута. Повелъ онъ ее домой свадьбу играть. Пришелъ домой, и забили въ барабаны. Услыхали барабанщики Бьюли Карка музыку въ домъ Раміямаута и пришли туда. Подарилъ Раміямаута барабанщику Дая¹⁾ (Dāyā), буйволу съ теленкомъ и говоритъ:

¹⁾ О барабанщикѣ см. Elliot's. Memoire. vol. I, 97. The Dholla, so called from the dholā, or drum which they beat, are musicians, and attend at feasts: there is a sub-caste of them called Nagārchis (from the Kettledrum), also known as Chherkya in the jungle districts, where they are employed as goatherds. Their wives act as midwives.

— Поиграй хорошенько и ступай домой!

Вотъ Удянимала письмо писала къ Бьюли Карки:

— На берегу пѣли птицы гаѣамоі, на горѣ кричалъ попугай.
За тебя я, дѣвушка, выдана; изъ Варикота Раміамаута увелъ меня!
Живъ ли ты сейчасъ или мертвъ?

Отдала письмо въ руки барабанщику Дая, и ушелъ онъ домой.
Пришелъ туда и отдалъ письмо своему господину.

Прочелъ Бьюліа Карки письмо, узналъ о томъ, что случилось,
и говоритъ: Беззаконіе свершилось; замужняя женщина уведена!

Взялъ онъ въ руки двѣ чаши, полныя золотомъ, зажегъ факелъ и въ полдень пошелъ къ царю. Пришелъ туда, плачетъ и говоритъ:

— Раміамаута, кого ты сдѣлалъ Токдаромъ ¹⁾, увелъ нынѣ слабую женщину!

А Раміамаута тѣмъ временемъ, какъ онъ ходилъ къ царю, пришелъ къ нему въ домъ, разбилъ крѣпость и все добро унесъ. Изъ семи кладовыхъ запасы, изъ семи кладовыхъ богатство, коровъ и телокъ, все забралъ и ушелъ въ свой домъ.

Получилъ Бьюліа Карки приказъ отъ царя: Коль принесешь еще двѣ чаши золота, такъ отдамъ тебѣ жену!

Пришелъ Бьюліа Карки домой, а въ домѣ нѣтъ одной каури ²⁾. Говорилъ онъ матери: Царь проситъ двѣ чаши золота! Что теперь дѣлать?

— Вытащи изъ хлѣва четверорогаго козла! отвѣчала ему мать.

Взялъ Бьюліа Карки козла и повелъ къ царю. Пришелъ къ царю, плачетъ и говоритъ:

— Увелъ жену, забралъ все богатство, разрушилъ крѣпость! Истинно, беззаконіе сдѣлано!

— Заключу его въ темницу! говорилъ царь. Приходи сюда чрезъ восемь дней и своими руками зарѣжь его.

Ушелъ Бьюліа Карки домой.

¹⁾ См. выше, стр. 133, прим. 2.

²⁾ Каури, маленькая раковина (Cyprea moneta): употребляется какъ мелкая монета.

III.

Позвалъ царь солдатъ и послалъ за Раміамаута. Приѣхалъ Раміамаута. Говорилъ ему царь:

— Дамъ тебѣ одинъ приказъ. Исполнишь ли его, или нѣтъ?

— Что ты скажешь, то я и сдѣлаю! отвѣчалъ Раміамаута.

И былъ приказъ отъ царя: На семь дней сяди въ темницу!

Повиновался приказу Раміамаута. Надѣли на шею желѣзные цѣпи въ тридцать два мана,¹⁾ приставили стеречь его четырехъ сылчей, двадцать двухъ работниковъ, двухъ собакъ, одного попугая. Столько людей его стерегли! Заключили его въ среднюю двадцати-двухъ комнатъ.

Прошли семь дней, а изъ темницы его не выводили. Сталъ онъ въ сердцѣ печаленъ: Навѣрное убьетъ меня царь! — Вотъ ночью говорить онъ стражѣ:

— Какъ вамъ меня вспоминать? Возьмите четыре золотыхъ, приведите четверорогаго козла, ѣшьте, пейте!

Привели они козла; своими руками убилъ его Раміамаута; сорвалъ рога, все изготавилъ и говорить:

— Сѣшайте сами съ солью и перцемъ и берите!

Намѣшалъ Раміамаута яду въ ихъ части, а свою часть отдалъ. Далъ каждому отдѣльно, а свою часть, что была безъ яду самъ съѣлъ. Вотъ ночью полеглась вся стража въ одно мѣсто, и какъ сталъ ядъ дѣйствовать, Раміамаута почтилъ *Деси* (богню) и сдѣлался спленъ. Сбилъ онъ съ рукъ ручныя цѣпи, съ ногъ ножныя; разорвалъ цѣпь на шеѣ и головѣ, бросилъ все и посмотрѣлъ на стражу. Половина людей отравлена лежитъ; выбросилъ онъ ихъ за дверь. Подошелъ къ живымъ и побилъ ихъ. Были тамъ двѣ собаки, и тѣхъ онъ убилъ. Пошелъ онъ изъ темницы, а попугай закричалъ: Дядя, воръ бѣжитъ!

¹⁾ Prinsep's Essays. II, 110. The word *man* of Arabic or Hebrew origin is used throughout Persia and Northern India; but, as might be expected, it represents very different values in different places: thus the *man* of Tabriz is only 6 $\frac{1}{2}$ lbs avoirdupois, while that of Palloda in Ahmadnagar, is 163 $\frac{1}{2}$ lbs.

Вытащилъ онъ попугая изъ кѣтки и зарѣзалъ его. Вышелъ наружу туда, гдѣ сидѣли четыре силача, и говоритъ имъ:

— Дайте мнѣ пройти за своею нуждою!

Не послушались его силачи и убили онъ всѣхъ четырехъ. Была ночь и говорилъ онъ самъ себѣ:

— Коль убѣгу ночью, скажетъ царь, что я воръ. Пусть будетъ такъ, пройдетъ ночь, я и пойду!

Пошелъ онъ туда, гдѣ въ барабанъ бьютъ, и снесъ постройку, разбилъ стѣну въ двадцать два локтя, и снесъ ее. Пошелъ къ пруду, ударилъ по водѣ посохомъ и ушла вода въ преисподнюю; пошелъ на поле: стоитъ зрѣлая жатва; посбивалъ онъ всѣ колосья. Выпустилъ воду изъ канавы и все разорилъ на полѣ.

IV.

Бьюлія Карки пришелъ къ царю ночью и говоритъ:

— Отдай мнѣ его!

Говорилъ царь:

— Схватилъ я его и надѣлалъ онъ мнѣ столько убытковъ. Бѣги за нимъ!

Побѣжалъ за Раміамаута Бьюлія Карки и нагналъ его. Подкрался Бьюлія Карки и обнялъ Раміамаута. Палъ Раміамаута въ растяжку.

— Поцалъ ты въ мои руки! говорилъ Бьюлія Карки.

— Убивай меня скорѣе! сказалъ Раміамаута. Неси же мечъ меня убивать!

— Я никого не убиваю! говорилъ Бьюлія Карки.

— Ну такъ сдѣлай такъ: схвати меня по силнѣе за поясъ, я задохнусь и помру самъ!

Наложилъ Бьюлія Карки руки на поясъ; быстро вытащилъ Раміамаута ножъ изъ кармана, направилъ ножъ на Бьюлія Карки, проткнулъ его и убилъ.

Пошелъ Раміамаута и сѣлъ у деревни Двѣрѣй.

Призвалъ царь девять человекъ и послалъ ихъ поправлять, что разорилъ Раміамаута. Идутъ они по дорогѣ и говорятъ:

— Много убытку надѣлалъ царю Раміамаута! Коль встрѣтимъ его теперь, обрѣжетъ онъ намъ руки!

Услыхалъ ихъ рѣчи Раміамаута, схватилъ ихъ за косы и привязалъ къ дереву.

— Прости насъ! просятъ плотники.

— Отпущу васъ, коль выстроите мнѣ домъ!

Согласились они. Выстроили ему домъ.

— Хочу васъ наградить! сказалъ Раміамаута.

Повелъ ихъ въ домъ и всѣмъ руки обрѣзалъ. Пошли плотники къ царю и показали ему свои руки.

Идетъ по дорогѣ купецъ и говоритъ: Раміамаута много убытку надѣлалъ!

Заругался Раміамаута и убилъ его мечемъ.

Шли двадцать двѣ камаонскія женщины траву рѣзать и говорить между собою:

— Боль здѣсь Раміамаута, такъ потревожитъ онъ насъ!

— Насъ двадцать двѣ, а онъ одинъ; убьемъ его!

Услыхалъ эти рѣчи Раміамаута и ограбилъ ихъ. Пришли они къ царю и плачутъ.

Призвалъ царь племянника Ратаніамаута и говоритъ ему:

— Все, что дядѣ давалъ, и тебѣ дамъ. Наиѣмай яду и дай ему!

Пошелъ племянникъ къ дядѣ; какъ сталъ дядя ѣсть, разгнѣался племянникъ, схватилъ дядинъ мечъ и ударилъ дядю по шеѣ, а самъ побѣжалъ. Схватилъ Раміамаута мечъ, бросилъ ему вслѣдъ и попалъ въ племянника.

Умерли двое: дядя и племянникъ!

23.

1.

Поохотился Лалисауна (Lálisauna) и пришелъ къ царю. Привелъ онъ живыхъ звѣрей связанными, поклонился царю десятью золотыми, принесть ему золотую рыбу и золотую кошку.

Много доволенъ остался царь. Пришелъ съ Лалисауномъ сынъ двѣнадцати лѣтъ.

Спросилъ царь Лалисауна: Что ты просишь?

Отвѣчалъ тотъ: Велика моя семья; ни ѣды, ни питья нѣтъ у семьи вдоволь! Поль-сера ¹⁾ муки дай намъ, по твоей милости!

Была царская милость: въ какой странѣ онъ владѣлъ, тамъ сдѣлалъ его царь Токдаромъ. Взялъ царь дань съ него, и приказалъ давать ему подарки. Цѣлая *патти* ²⁾ платила подать Лалисауну.

Пришелъ Лалисауна домой и сказалъ народу:

— Поставилъ меня царь Токдаромъ; кто подарка не принесетъ, тому мы царскаго разрѣшенія не дадимъ!

Какой старшина не давалъ подарковъ, того солдаты хватали, приводили къ Токдару и показывали ему царскій указъ. Сильно испугались старшины и повинились царскому указу.

Вотъ Лалисауна Токдаръ противъ того, что царь опредѣлилъ, въ половиину болѣе набралъ. Заплакали старшины, а Токдаръ подати и подарки собиралъ. Согласились старшины съ поселянами и пошли къ царю просьбу подавать; а Токдаръ тѣмъ временемъ по деревнямъ ходилъ, все добро обобралъ и въ Данаѣкотъ въ свой домъ ушелъ.

Пришла къ царю вторая просьба.

— Не должное дѣлаетъ Токдаръ, говорилъ царь; дали мы ему *патти* для пропитанія, а онъ всю страну ограбилъ!

Послалъ царь въ Данаѣкотъ двухъ солдатъ—схватить Токдара.

— Тебя царь зоветъ, пид! говорили солдаты Токдару.

— Завтра приду! отвѣчалъ Токдаръ.

Ушли солдаты.

— Отчего его не привели? спросилъ царь солдатъ.

— Сказалъ, что завтра придетъ! отвѣчали солдаты.

Поджидалъ его царь на другой день, но онъ не пришелъ.

¹⁾ См. выше стр. 96, прим.

²⁾ О *pa[ṭṭi]* см. Elliot's. Memoirs. vol. II, 23. *Bhaiyâcârâ* is a term applied to villages owned by descendants from a common stock. From *Bhâi* brother, and *âcâr* usage. In such villages the whole of the land is occupied by the proprietary brotherhood, and the revenue assessed by a rate, or *bacch*... In many of these holdings are subdivisions... They are called *thok*, *pa[ṭṭi]*, and various other names. Ср. также Growse, Mathurâ, A district memoir vol. II, 1 и слѣд.

Узнавъ тутъ царь, что плененъ этотъ человѣкъ. Пошелъ царь въ качари и сталъ говорить своимъ совѣтникамъ:

— Уморите этого человѣка, а не то я отъ пищи откажусь!

Оставилъ царь пищу и ѣлъ только молоко. Задумались совѣтники и стали говорить:

— Никого нѣтъ, кто бы могъ съ Лалисауномъ воевать!

Посоветовались еще и призвали Катаята (Kaṭhāyata). Говорили они ему:

— Если убьешь Лалисауна, такъ получишь отъ царя награду.

— Очень силенъ Лалисауна; никогда не стану воевать съ нимъ! Пусть накажетъ меня царь, я согласенъ! — Такъ говорилъ Катаята.

Оставили Катаята. Призвали совѣтники другого, Двога Богати (Dvoga Bogaṭi), токдара. Говорили они этому:

— Если убьешь Лалисауна, царь дастъ тебѣ награду!

— Великій сплачъ Лалисауна; нѣтъ у меня силы воевать съ нимъ!

Какъ сказалъ онъ это, отпустили они его и стали опять между собою совѣщаться:

— Какъ же убить Лалисауна?

Повинились они передъ царемъ Пахар-сахи (Paṇāg-Ṣāhi, т. е. горный царь): Нѣтъ такого, кто бы могъ Лалисауна убить! Написали собственноручно письмо и пошли къ Дуна-Айри (Dūnā-Airi) въ Доти (Doṭi). Онъ можетъ его убить: что ни день, то ѣсть онъ ядъ, изъ желѣза зерна жуеъ онъ. Онъ можетъ убить Лалисауна.

Написалъ царь собственноручно письмо, и послалъ двухъ солдатъ къ Дуна-Айри.

Пришли солдаты къ Дуна-Айри и говорятъ:

— Полюбилъ тебя царь. Шлетъ тебѣ собственноручное письмо!

Писалъ царь въ томъ письмѣ: Здѣшніе всѣ здоровы. Здоровъ ли ты? Если приказа моего слушаешься, такъ приходи въ мою качари, что въ Гададираялъ (Gaḍadīrāyal).

Сказалъ солдатамъ Дуна Айри: Идите сегодня, а я завтра приду!

Вернулись солдаты и предстали во дворецъ:

— Отчего вы его не привели? спрашиваетъ у солдатъ царь.

— Сказалъ: завтра предстану! такой отвѣтъ дали солдаты.

На другой день Дуна Айри навѣшалъ на себя украшенія,

взялъ оружіе, сѣлъ верхомъ и пріѣхалъ къ царю въ качари. Поклонился онъ царю. Обрадовался царь.

— Да будетъ теперь твое приказаніе, чтобы изготовили обѣдъ!—такъ говорили совѣтники пріѣхавшему.

Сталъ сизачъ говорить: Изготовьте сперва обѣдъ царю, а потомъ какое будетъ его приказаніе, то я исполню!

Пообѣдалъ царь и собралъ совѣтъ. Сказалъ онъ сизачу:

— Коль ты убьешь Лалисауна, дамъ тебѣ землю, съ которой оброкъ въ два раза болѣе того, что было дано Лалисаунѣ. Дамъ тебѣ еще награду!

Взмолился сизачъ:

— Женатъ я на дочери Лалисауна; сестра моя за его сыномъ Жаяси (т. е. Jāyasimha). Какъ же мнѣ убить своего тестя? Коль будетъ другой приказъ, такъ я его исполню!

— Коль ты меня слушаешь, то не твой грѣхъ, а царскій приказъ!

Согласился сизачъ. Накинулъ черный, шерстяной плащъ, за поясъ заткнулъ мечъ и пошелъ. Подошелъ къ Данакоту, къ качари Лалисауна. Пришелъ туда сизачъ и стоитъ. Четверть часа стоялъ сизачъ у качари и въ сердцѣ скорбѣлъ: Какимъ образомъ мнѣ его убить? Подниму мечъ въ качари, нападутъ на меня сизачи. Какой же отвѣтъ дамъ царю?

Въ эту минуту упалъ на него взоръ Лалисауна.

— Кто ты? Зачѣмъ предо мною стоишь? спросилъ Лалисауна.

— Я Дуна Айри Токдаръ, твой зять!

— Ълъ ли ты? спрашиваетъ Лалисауна. Иди въ качари, садись; а коль ѣсть хочешь, ступай домой, попроси поѣсть у тещи!

— Ъсть мнѣ не хочется и стоять мнѣ не зачѣмъ! Кое-какая дурная слава слышана мною, хочу тебѣ нѣчто сказать!

Говорилъ Лалисауна:

— Кого боишься? Если есть что сказать, говори предъ всѣми!

— Ъсть у меня сказать о царѣ Райкѣ Нахарѣ Сѣхѣ. Услыхалъ я тайну и пришелъ. Коль войдешь ко мнѣ, такъ скажу!

Всталъ Лалисауна и вышелъ; одинъ на одинъ пошелъ послушать. Говорилъ ему Дуна Айри:

— Отойди шаговъ сорокъ или пятьдесятъ, тогда и скажу!

Отошли оба шаговъ на сорокъ или пятьдесятъ. Говорилъ Лалисауна: Говори, что сказать думаешь, говори скорѣе, а то качари стоятъ пуста!

Дуна Айри сталъ говорить на ухо тестю и ничего истиннаго не сказалъ. Сталъ говорить, да и затресся.

— Ты почему истинны не говоришь? спрашиваетъ Лалисауна. Отчего ты трясешься?

— Ночью у меня лихорадка, днемъ у меня лихорадка, оттого и трясусь!

Догадался Лалисауна:

— Нѣтъ у тебя такого дѣла, что меня касается! А коль будетъ такое, такъ ты узнаешь моего меча остріе и мое слово!

— И мой тестъ это узнаетъ! говорилъ Дуна Айри; вытащилъ изъ подъ мышки мечъ и ударилъ по головѣ Лалисауна: отскочила голова. Взялъ ее Дуна Айри, посмотрѣлъ на тѣло и сталъ давить его колѣнами и локтями.

— Говорилъ я ему истину. И будь у него въ рукахъ мечъ, убилъ бы онъ меня!

Испугался Дуна Айри и бѣжалъ оттуда.

Пришелъ къ царю, поставилъ предъ нимъ голову и поклонился царю. Возрадовался царь и сказалъ:

— Убилъ ты того, кто былъ моимъ врагомъ. Потрудились ты много!

Получилъ Дуна Айри награду: на руки браслеты, въ уши серьги, одежду на тѣло, поясъ, коня изъ Лассы. Далъ ему царь *патти* въ двое болѣе противъ той, что была дана Лалисауну. Поклонился Дуна Айри и пошелъ домой.

II.

Когда Лалисауна былъ убитъ, въ это время его сынъ, Жаяспигъ Сауна, одиннадцати лѣтъ, изъ лука птицъ стрѣлялъ. Къ качари подошелъ птицъ стрѣлять. Посмотрѣлъ въ качари, а тамъ пусто. Въ это время Дуна Айри и Лалисауна стояли вѣстѣ, въ сторонѣ. Увидалъ Жаяспигъ, что качари пуста, пошелъ домой и спрашиваетъ мать:

— Гдѣ батюшка?

— Въ качари! отвѣчаетъ мать.

— Его тамъ нѣтъ!

Увидалъ онъ въ это время, что Дуна Айри бѣжитъ. Пошелъ къ качари и видитъ мертвое тѣло отца, а головы не видитъ! Побѣжалъ оттуда домой и говоритъ дядѣ Харасаунѣ:

— Отецъ мертвый безъ головы на полѣ лежитъ!

Вышелъ дядя изъ дому; повелъ его племянникъ къ тому мѣсту, гдѣ мертвый отецъ безъ головы лежалъ. Заплакали оба и въ сердцахъ скорбѣли.

Говорилъ Харасауна:

— У качари былъ одинъ Дуна Айри, онъ и убилъ!

Плакали всѣ. Сожгли тѣло, свершили обряды.

Пошелъ сынъ Жаясингъ къ царю: Окажетъ ли милость мнѣ царь или нѣтъ? думалъ онъ. Взялъ съ собою одного солдата. Пришелъ къ царю, а царь спалъ въ качари. Подошелъ туда Жаясингъ. Спросилъ объ немъ царь.

— Это сынъ Лалисауна Жаясингъ; пришелъ къ царю поклониться! говорилъ псецъ въ Качари.

Царь повернулся къ нему спиною.

— За что на меня такой гнѣвъ? говоритъ Жаясингъ. Хорошо! Насѣю въ твоемъ царствѣ *Madûva*; Дуна Айри срубилъ отцу голову и принесъ ее къ тебѣ во дворецъ, спесу ему голову и принесу къ тебѣ во дворецъ. Приду тогда поклониться тебѣ!

Повернулся Жаясингъ и пошелъ. Послалъ царь людей вернуть его. Не пошелъ Жаясингъ. Пришелъ онъ домой и все добро, что было тамъ, забралъ; ненужныя вещи побросалъ въ яму. Перешелъ за рѣку Кэли; коровъ и буйволовъ перегналъ чрезъ рѣку. Сталъ онъ жить въ деревнѣ Кумонъ Суна. Прошелъ мѣсяцъ, другой; Жаясингъ все живетъ тамъ. Сталъ онъ думать:

— Зачѣмъ дни тратить, пойду поклонюсь царю Калыначандѣ!

Взялъ онъ золотую кошку и золотую рыбу, пошелъ и поклонился царю.

— Ты кто? Ты откуда? спрашиваетъ его царь.

— Я Сауна Токдаръ, Лалисауна сынъ, Жаясингъ Сауна!

— Знаю я твоего отца Лалисауна!

Спрашиваетъ опять царь:

— Гдѣ твой отецъ Лалисауна?

— Убилъ его обманомъ царь Пахаръ Саху. Пришелъ я къ столамъ царя. Теперь какое будетъ царское приказаніе!

Отдалъ царь приказъ: Коль пойдешь за рѣку Калн, такъ Данакоу твою мѣсто! Коль останешься въ Камаонѣ, деревня Сауна твоя!—Указалъ царь въ дарственной записи: такія-то мѣста твои!

Остался доволенъ Жаясингъ: Милостивъ ко мнѣ царь! Что ни прикажетъ, тому повинюсь!

Сталъ онъ служить и повиноваться. Ходилъ на охоту и приносилъ царю дичь. Царь былъ имъ доволенъ. Что прежде совѣтники обсуждали, то сталъ Жаясингъ обсуждать.

Стали совѣтники ему завидовать. Вотъ разъ Жаясингъ пошелъ на охоту. У камаонскихъ совѣтниковъ были сыновья; говорили отцы дѣтямъ:

— Дѣти, ушелъ Жаясингъ на охоту; ступайте въ его домъ. Сегодня *Холи*²⁾; насмѣйтесь надъ его семьей!

И послали они сыновъ. Какъ сказали отцы это слово, собрались сорокъ-пятьдесятъ юношей и пошли въ домъ Жаясинга. Пришли и стали смѣяться надъ женщинами. Попытались всѣ женщины. Малые взошли въ домъ и говорятъ женамъ Жаясинга:

— Что же вы намъ ничего не приготовили поѣсть, да попить! Эхъ! что же намъ ѣсть?

Вотъ идетъ Жаясингъ съ охоты домой. Живыхъ звѣрей тащить за веревку, а мертвыхъ на плечѣ. Пришелъ домой и спрашиваетъ домашнихъ:

— Гдѣ же ѣда? Отчего не готова?

Говоритъ ему мать:

— Ты зачѣмъ на охоту ходишь? Ълъ бы отцовское мясо! Сошлись камаонцы, да насмѣялись надъ нами! Коль за отца не отомстишь, такъ не жить намъ здѣсь!

Всѣ жены говорятъ тоже. Послалъ Жаясингъ работника, искать Дуна Айра, въ домѣ ли онъ, или нѣтъ? Былъ сильный человекъ Бужаръ-Пасалъ (Kujar-Pasâl), онъ пошелъ туда.

²⁾ *Holi*, см. Elliot's Memoirs II, стр. 329: индійскій праздникъ, въ мартѣ.

Говорилъ ему Жаясингъ Сауна:

— Въ Данакотѣ есть сильный жинидаръ (землевладѣлецъ) Мадхія (Madhiyā). Ступай къ нему и спроси его: дома ли Дуна Айри, или ушелъ куда?

Перешелъ тотъ человѣкъ чрезъ рѣку Кэли; къ кому указалъ Жаясингъ, къ тому и пришелъ.

— Гдѣ Дуна Айри? спрашиваетъ. А тотъ отвѣчаетъ:

— У Дуна Айри сынъ родился. Шестой уже день; сегодня обряды стануть свершать. Пошелъ онъ въ патти¹⁾ собирать оброкъ, на расходы. Четвертаго дня приходилъ и опять ушелъ. Сегодня непременно придетъ! Пойди, посмотри, можетъ уже и пришелъ!

Переправился работникъ ночью чрезъ рѣку Кэли и предсталъ предъ Жаясингомъ.

— Мое дѣло исполнилъ! Приготовляйся! говорилъ онъ ему.

Говорилъ Жаясингъ жепѣ: Свяжу твоего брата веревкою и приведу! Давай веревку!

Принесла жена веревку и говоритъ:

— Ты хоть и силенъ, да молодъ. А моему брату тридцать два года. Что ни день, то ѣсть яду, по *шеру* вѣсомъ. Грызетъ желѣзные шары въ *нали* вѣсомъ. Такой мой братецъ сплачъ! Сдѣлай такъ, чтобы ты живъ остался. Мое счастье съ тобою вѣчно жить. Возвращайся домой!

III.

Вышли на дорогу лучшіе люди. Корнилъ Лалпсауна въ своемъ домѣ факпра. Факпръ и говоритъ:

— И я пойду!

Пошли, переправились чрезъ рѣку Кэли и дошли до рѣки Гогуна. Былъ день, настала ночь. Вотъ раннимъ утромъ Кужаръ-Пасалъ заснулъ. Ударилъ его Жаясингъ и говоритъ:

— Говори, гдѣ же Дуна Айри? Ты зачѣмъ лгалъ?

Сказалъ это Жаясингъ, да и заснулъ. Вотъ Кужаръ-Пасалъ да факпръ, оба не спали; толкнули они Жаясинга и говорятъ:

¹⁾ См. выше стр. 212, прим. 2. •

— Ты говорилъ, что Дуна Айри не пришелъ! Смотри, скачетъ конь и звучать на немъ украшенія!

Обвязалъ Жаясингъ оружіе и сталъ на дорогѣ. Говорилъ онъ дядѣ Хара Саунѣ:

— Ты на дорогу не становись! — А самъ сталъ впереди и кричить: Берегись!

— Кто это? спрашиваетъ Дуна Айри.

— Я, Жаясингъ Саунъ!

— Зачѣмъ пришелъ? спрашиваетъ силачъ.

— Дай мнѣ отомстить!

— Меня зарѣзать пришелъ! подумалъ силачъ. Погналъ коня и побѣжалъ!

— Вотъ такъ дѣло! кричитъ ему вслѣдъ Жаясингъ. Силачу бѣжать не слѣдуетъ!

Приготовились воевать. Взяли щиты и мечи и стали биться. Дуна Айри сошелъ съ коня и сталъ биться.

— Зачѣмъ мнѣ уходить? говоритъ Дуна Айри, и стали два силача биться. Прошли десять, пятнадцать мгновеній. Вотъ силачъ Жаясинга натянулъ лукъ и говоритъ:

— Ты сперва не бей; пусть будетъ такъ: на себя беру отомстить за твоего отца!

Жаясингъ былъ юнъ, двѣнадцати лѣтъ; усталъ онъ. А Ку-жаръ-Пасалъ прицѣлился, да изъ-за дерева пустилъ стрѣлу, и выбилъ глазъ у Дуна Айри. Тутъ напалъ Жаясингъ Сауна съ мечемъ, кричитъ:

— Что отиистилъ-ли я?

Снесъ мечемъ голову и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Побѣжалъ тутъ дядя убитаго. Погнались за нимъ въ слѣдъ Хара Сауна, дядя Жаясинга Сауна, Вамани Саунъ. Садаръ Айри бѣжалъ, бѣжалъ да и попалъ въ болото. Хотятъ его убить, а онъ подойти не даетъ. Звалъ Жаясингъ дядю. Пришелъ тотъ и говоритъ:

— Садаръ Айри не даетъ подойти!

Рѣшилъ Жаясингъ, что самъ убьетъ его.

— За брата я отищу! сказалъ Хара Саунъ. Вынулъ мечъ и зарѣзалъ Садаръ Айри.

*

IV.

Проголодался Сауны и пить пизъ захотѣлось.

— Принеси наняться! говорилъ Жаясннгъ Кьюва Саунѣ (Куива Сауна). Взялъ тотъ чашу и пошелъ.

Факиръ Гарвасъ, котораго Лалисауна кормилъ, на мельницѣ мололъ и про себя говорилъ:

— Мелю, и наполювъ, хлѣбомъ Жаясннга накормлю. И за батюшку Лали отищу!

Вотъ Кьюва Сауна, что за водою ходилъ, увидалъ факира на мельницѣ.

— Кьюва, батюшка, откуда идешь? Гдѣ Сауна? спрашиваетъ факиръ.

— Голодны мы, говоритъ Кьюва Сауна, нѣтъ ли чего пожевать!

— Айри, батюшка убить или нѣтъ? спрашиваетъ опять факиръ.

— Всѣхъ побилъ!

— Куда идти, искать Айри батюшку? говоритъ опять факиръ и сталъ точить ножъ.

— Батюшка, ты зачѣмъ это дѣлаешь? спрашиваетъ его Кьюва. А факиръ говоритъ:

— Айри батюшка убѣждалъ, а Кьюва здѣсь!

— Убьетъ онъ меня навѣрное! подумалъ Кьюва и побѣжалъ. Факиръ за нимъ слѣдомъ. Схватилъ его и убилъ. Отрѣзалъ ему голову. Насыпалъ муки, взялъ голову, зачерпнулъ воды въ чашу, что Кьюва принесъ, и пошелъ по дорогѣ. Идетъ и приговариваетъ:

— Айри батюшку не нашелъ, а Кьюву батюшку убилъ!

Пришелъ къ Жаясннгу и поставилъ передъ нимъ голову, чашу съ водою и муку.

— Вы воевали, и я за батюшку Лали отомстилъ! говоритъ факиръ.

— Ты что сдѣлалъ? спрашиваетъ Жаясннгъ.

— Гдѣ мнѣ искать Айри батюшку? Вотъ я и убилъ Кьюву-батюшку!

— Вѣдь онъ изъ нашихъ! Зачѣмъ ты его убилъ?

— Съ дѣтства меня кормилъ Лали-батюшка. Коль бы нашелся

Айри-батьюшка, на немъ бы отомстилъ! Жаясингъ батюшка, что хочешь, то и дѣлай!

Поѣлъ Жаясингъ и во славу отцовскаго имени говорить:

— Понесу я голову того, кто убилъ моего отца, понесу я голову Садаръ Айри; понесу ихъ и поставлю предъ камаонскимъ царемъ!

Пошелъ Жаясингъ къ камаонскому царю, поставилъ обѣ головы передъ нимъ и поклонился.

Засмѣялся царь и говорить:

— Славна твоя храбрость!

Говорилъ еще царь:

— Согрешилъ передъ нами твой отецъ, и разгнѣвались мы. Ради тебя, отдаемъ то, что отцу твоему было дано!

Согласился Жаясингъ и пошелъ назадъ въ Данакотъ. Пришелъ туда, вырылъ отца и сжегъ виѣстѣ съ отцемъ мать.

Дала себѣ мать обѣщаніе: Когда за мужа отищу, тогда и сожгусь съ нимъ!

ПРИЛОЖЕНІЯ И ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

В х у т ы.

Вѣра въ существованіе бхутовъ или демоновъ распространена по всей Пидіи и въ каждой провинціи есть свои иѣстные демоны. Камаонскіе горцы не отстаютъ отъ своихъ соотечественниковъ и имѣютъ твердую вѣру въ существованіе многихъ чертей. Вотъ нѣсколько именъ таковыхъ: Ачхари, Ужелія, Качія, Катханта, Катьюрѣ, Калавишта, Кѣли Саукелѣ, Каланаспра, Калувѣ, Кедѣру, Кхабисъ, Кхолія, Гѣтахѣлъ, Гулелія, Горила, Гола, Гхоранараснихъ, Чару, Жѣвхадеватѣ, Тѣварѣмъ, Дѣну, Дуданараснихъ, Дѣмадьо, Дхармѣя, Нарасинхъ-Махаръ, Нарасинхадеватѣ, Пѣндава, Пѣурѣ, Пѣльаръ-Девѣмъ, Пхатиканараснихъ, Баражосѣ, Брахмадьо, Бхѣпро, Бхолѣнатхъ, Бхисауна, (м. б. Бхимасауна) Марахинхѣ, Маѣанъ, Махаяли, Лѣкура, Лѣту, Вѣкадьо, Вѣли, Вирасинхъ-Махаръ, Санкару, Сѣюра, Сайма, Хѣтадайватѣ, Хару и мн. д. Число демоновъ неограниченно, или вѣрнѣе, никто хорошенько не знаетъ, сколько всѣхъ демоновъ, какъ ихъ звать и какая у каждаго изъ нихъ исторія; вообще же говорятъ, что Бхутами дѣлаются по смерти знаменитые люди, напр. сѣлахи; таими считаются: Сайма (о немъ упоминается въ легендѣ 10), Кѣли Саукелѣ (или Кѣли тибетка см. легенду 18), или же люди умершіе насильственной смертью: умерщвленные, утопленники, мертвецы, надъ которыми не были совершены погребальные обряды, т. е. которые не были сожжены (см. легенду 12).

Бхуты являются людямъ всего чаще вечеромъ или ночью. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ строятся часовни и приносятся жертвы; увидеть этотъ обрядъ не легко и мнѣ не удалось присутствовать при жертвѣ Бхутамъ; но отъ одного брахмана сиванта я досталъ описаніе жертвы, которое и передаю въ достословномъ переводѣ:

Изъ ячменной муки дѣлается образъ Бхута. Образъ этотъ окрашивается въ черную краску. На него надѣваютъ одѣянія четырехъ цвѣтовъ: черного, желтого, бѣлаго, красного. Если Бхута мужскаго пола, то на него надѣваютъ мужскія одѣянія; если Бхута женскаго пола, на него надѣваютъ женскія одѣянія и украшенія.

Въ новый, никогда ни на что не употреблявшійся, сосудъ кладутъ: рисъ, ячмень, горчишное сѣмя, *urd* (*Dolichos Pilosus*). Туда же поставляется мучной образъ. Его обсыпаютъ красною краскою (*sindūra*) или желтою (*haldi*, *Curcuma longa*). Туда же ставятся сласти. Приносятъ все то, что потребно для жертвы: козла, курицу, ящерицу, свинью, плодъ *Cucurbita* перо, *urd* (*Dolichos Pilosus*), рисъ.

Затѣмъ начинаютъ славить Бхута, т. е. поютъ его исторію или же слѣдующее:

«Будь доволенъ! Тебя хорошо почитаю! На мѣстѣ сердца поставлю *līṅga*. Голоднаго брюхо наполню! Нагую главу покрою!»

Молитва эта произносится съ различными видоизмѣненіями. Затѣмъ идола приносятъ въ какое либо укрытое мѣсто и тамъ ему отводится особое мѣсто, куда сносится все принесенное бхуту; ставится глиняная чаша и каменный *līṅga*.

Идолъ, т. е. мучной образъ, ставится въ чашу. Одѣянія и всѣ вещи ставятся вблизи каменнаго *līṅga*.

Взявъ *Mevā* (*Amphibia squamosa*), печеный въ маслѣ плодъ, дѣлаютъ сначала приношеніе, или же вырываютъ яму въ три фута глубины и три фута въ квадратъ. Туда ставятъ глиняный сосудъ.

Туда же въ чашу ставятъ живыхъ пѣтуха, свинью, козленка, *Cucurbita* перо, ящерицу. Или же все это ставляется около чаши, также какъ каменный *līṅga*. Затѣмъ, омывъ лѣвую ногу, воду выливаютъ на это. Чашу прикрываютъ камнемъ.

Къ четыремъ сторонамъ вбиваются желѣзные гвозди, которые засыпаются глиною.

Вотъ все, что передалъ мнѣ брахманъ о жертвѣ бхутамъ.
Отъ него же я узналъ нѣсколько молитвъ:

1) О Хару, будь милостивъ!

Хару богъ, подай день не жаркій!

Хару богъ! Хару — на полѣ сѣмена да будутъ равны!

Хару богъ! Богъ, пусть ночью дождь идетъ!

Пока ты Хару богъ милостивъ! Пока на полѣ вода, дотолѣ
дѣло есть! Женамъ дѣло есть, Хару богъ!

2) О Бханари Раута, Бханари Раута, сѣренъйй денекъ подай!

Бханари Раута, пока сѣмена въ полѣ, о Бханари Раута!

ты будь милостивъ, о Бханари Раута!

четыремъ плугамъ и воламъ, Бханари Раута!

въ болотахъ было бы легко, Бханари Раута!

хлѣба полна корзина была бы, Бханари Раута!

какъ поѣдятъ хлѣбъ люди, Бханари Раута!

воды было бы напиться, Бханари Раута!

и какъ стануть сажать, Бханари Раута!

тысяча да шесть сотъ сѣятелей было бы, Бханари Раута!

да четыре раза двадцать женъ для сѣва были бы, Бханари Раута!

спѣшите, спѣшите, сажаніе кончилось!

сѣять станемъ, Бханари Раута!

Бхуты призываются также въ заговорахъ; образцомъ этихъ
заговоровъ, можетъ служить слѣдующій, доставшійся мнѣ изъ
того же источника:

«Чту! Связываю: зло наговора Бхутовъ Маѣановъ. Зло во-
сточнаго наговора привязываю къ востоку, западнаго наговора къ
западу, сѣвернаго къ сѣверу, южнаго къ югу.

Четырехъ странъ зло Бхутовъ Маѣановъ, зло наговора къ
четыремъ странамъ привязываю.

Вѣрою моею привязываю, силою наставника привязываю.

Въ какой ты странѣ, въ той и оставайся. Мои хъ словъ не
послушаешь, въ голову тебѣ вобью желѣзный колъ, въ хвостъ
твердый камень.»

Кхабисы, Маѣаны и Раутаны суть бхуты, являющіеся тол-
памъ и всегда съ намѣреніемъ повредить человѣку; особенно
страшны Кхабисы: они живутъ по берегамъ рѣкъ, около мѣстъ

глубокихъ, и забавляются тѣмъ, что увлекаютъ мужчинъ и женщинъ въ пучину. Съ этою цѣлю, часто они принимаютъ образъ близкаго родственника избранной ими жертвы, или же не показываются и привлекаютъ къ себѣ какого нибудь запоздалаго путника, выкрикивая голосомъ близкаго ему человѣка.

О другихъ бхутахъ рассказываютъ, но не охотно, цѣлыя исторіи. О демонѣ Ветала я узналъ отъ одного Дума слѣдующія подробности. Передаю ихъ такъ, какъ они были мною записаны:

Ветала богиня, родилась сама собою въ деревнѣ Сироли.

Прежде здѣсь обиталъ богъ Сива.

Оба бога жили въ одномъ мѣстѣ. Черный камень, (есть) сильный Вира Ветала. У него было тысяча шесть сотъ боговъ на шерстяномъ сѣдалищѣ, столько же съ голыми головами (т. е. съ головами безъ покрововъ или турбановъ), столько же съ косами, столько же плясуній да Чаухара-югини. И былъ Ветала старшимъ надъ пятидесятью двумя бхутами. Былъ онъ судья.

Во дни оны Сагабъ Тиліаръ (читай: Traill) — былъ онъ здѣсь коммисіонеромъ — однажды послалъ истца и отвѣтника судиться туда къ Ветала.

Пришли они къ храму бога и стоятъ.

Ветала спрашиваетъ ихъ: Зачѣмъ пришли?

— Разсуди ты нашъ споръ! отвѣчаютъ они.

Затрясся тогда бѣспующій, по прозвищу Калусилу, и сказалъ:

— Коль Сагабъ Тиліаръ прислалъ васъ за рѣшеніемъ, то я, спросясь бога, дамъ рѣшеніе. Кто солжетъ, на того отмѣту положу.

Разсказали они свой споръ, все какъ было.

Забили тогда въ барабаны. Пришелъ богъ. Калусилу трясся, трясся и сталъ пить. Выпилъ двадцать два горшка воды, да горшокъ коровьей урины. И говоритъ онъ отвѣтчику:

— Ты лжешь!

А тотъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я не лгу!

— Смотри, говоритъ ему богъ, я тебя побѣжду!

— Хорошо! отвѣчаетъ тотъ: пришелъ къ тебѣ судиться, такъ да будетъ твое рѣшеніе!

И заболѣлъ у лжеца животъ; потекла кровь и покрыла землю.
Это происшествіе стало извѣстно Сагабу. Такъ наказалъ онъ лжеца.

Тогда Ветала сталъ очень могущъ!

Къ этому демону обращаются съ слѣдующей молитвой:

Чудотворецъ царь! Міръ ты вращаешь!
изъ суши зелень производишь!
изъ зелени сушь творишь!
пустошь наполняешь!
изобиліе въ пустошь превращаешь!
глину въ золото превращаешь!
изъ золота глину дѣлаешь!
на землѣ живешь, и земли ты царь!
въ лѣсу живешь, и лѣса ты царь!
52 факира ты посылаешь!
32 факира ты разсылаешь!
такова чистота бога Ветала!

Камень изображаетъ не только демона Ветала, но и другихъ
бхутовъ, напр.: Жѣкхадеватѣ.

Отъ того же Дума я узналъ слѣд. о двухъ богиняхъ:

«На горѣ Дхолагпри, на горѣ Пуньягпри родились двѣ богини:
Аньяри и Ужьаю.

Отъ тѣхъ мѣстъ слава ихъ распространилась.

Бѣднякамъ они давали богатства, бездѣтнымъ потомство, очи-
щали тѣла прокаженныхъ.

Незрпмыя, отъ бога рожденныя, ноѣдали восемь козлятъ.

Тому кто вѣровалъ въ нихъ онѣ подавали пищу, богатство,
потомство и всякую вещь.

Кто же въ сердцѣ не вѣровалъ имъ, того они посѣщали про-
казою и являлись ему ночью во снѣ въ видѣ Іогинѣ.

Аньяри принимала и съѣдала жертвы въ каждомъ домѣ.

Виѣстѣ съ богинями принималъ жертвы ихъ сынъ Лабуравпра.

Жетвоприношеніе имъ свершается въ полночь. И въ продол-
женіе пужи (жертвоприношенія) Рѣжуагі (священнодѣйствующій)
въ теченіи пяти дней ѣстъ разъ въ день, и дважды въ день
(въ полдень и утромъ) оmyвается. Днемъ и ночью, въ продолже-

ни десяти дней, возжигаетъ неугасимую лампу. Въ десятый день рѣѣ завершается.

Или же на пятый дець ночью бываетъ рѣѣ.

Въ то время, когда рѣѣ свершается, двери плотно притворяются; всякую щель плотно забиваютъ. Кромѣ домашнихъ, никто не входитъ въ домъ.

Если чужой взойдетъ, то свѣтильника ему не даютъ видѣть.

Въ то время, когда Лакуравпрѣ приносятся въ жертву два козленка: одинъ охлажденный, другой пѣтъ, тогда противъ богини развѣшивается занавѣсъ.

Если на свѣтильникъ взглянетъ чужой, богиня присвоиваетъ того себѣ и беретъ съ него пужу.

Если тотъ человѣкъ увѣруеть и принесетъ пужу, въ его домѣ не бываетъ ни оспы, ни холеры, ни кори, ни лихорадки, и наговоры (Ки́караја) или Бхуты Ма́саны не касаются его.

На кого богиня разгнѣвается, тому глаза ослѣпляютъ и является ему во снѣ или въ видѣ царицы или въ видѣ брахманки въ бѣломъ одѣяніи.

Въ тѣ дни, когда богинямъ приносятъ жертвы, онѣ раздаютъ радости въ міръ.»

Богини эти вселяются въ избранныхъ поклонниковъ; случается это въ дни празднествъ, при жертвоприношеніяхъ. Человѣкъ на-
чинаетъ трястись, вопить:

Богиня Пу́ньягри, подай мнѣ дары!

хо! хо! Подай мнѣ дары!

милліоны боговъ! Подайте мнѣ дары!

хо! хо! Подайте мнѣ дары!

Еще нѣсколько подробностей о кумаонскихъ бхутахъ можно найти въ описаніи Камаона у Traill, Asiatic Researches, vol. XVII, стр. 220 и слѣд., а такъ же въ статьѣ: The Turae and Outer Mountain of Kumaon, Journal of the As. Society of Bengal vol. XVII, стр. 442 и слѣд.

II.

Кхасы и списокъ Камаонскихъ царей.

Объясн. Lassen, Indische Alterthumskunde 1 Band, стр. 1020. — Troyer Rajatarāṅgiṇī II, стр. 321. — Wilson's Vishṇupurāṇa ed. by F. Hall, vol. II, стр. 186, прим. 6. — Sherring. Hindu Tribes and Castes стр. 242. — В. Н. Hodgson Ethnography and Geography of the Sub-Himalaya въ Journal of the As. Soc. of Bengal vol. XVII, стр. 544 и слѣд. Его же Essays. part II, 37 и слѣд.

Кхасы были извѣстны въ древности; въ эпической санскритской литературѣ кхасы упоминаются наряду съ другими сѣверными народами; въ *κᾱṣᾱ ἔρη* Птолемея по всей вѣроятности сохранилось то же народное имя. Древніе индусы въ извѣстныхъ намъ памятникахъ не описали кхасовъ съ достаточною точностью, а потому нельзя утвердительно сказать, были ли извѣстные имъ кхасы арийскаго происхожденія; несомнѣнно, что древніе арийцы смотрѣли на кхасовъ какъ на народъ отличный отъ нихъ; таковыми кхасы упоминаются въ пуранахъ, въ Махабхаратѣ, въ законахъ Ману. Современные кхасы или кхасія распространены въ Дехрадунѣ, Гарвалѣ, Камаонѣ и Непалѣ и считаютъ себя потомками Ражпутовъ; индусы равнины сомнѣваются въ принадлежности кхасовъ къ высшей кастѣ. По словамъ Шерринга кхасы не имѣютъ священнаго жертвеннаго сиурка и занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ; но въ Камаонѣ кхасы, называющіе себя Ражпутами, имѣютъ жертвенный сиурокъ. Ходжсонъ полагаетъ, что кхасы занимали южно-гималайскія страны до прихода сюда арийцевъ изъ равнинъ; здѣсь отъ смѣшанныхъ браковъ кхасійскихъ женщинъ съ брахманами и кшатріями образовалась настоящая раса, исповѣдующая Хиндупзмъ, забывшая свой языкъ и мало по малу утрачивающая свой первоначальный физическій типъ.

Камаонъ въ древности назывался Кхасъ-десъ, и цари изъ кхасовъ владѣли страной въ продолженіи нѣкотораго времени. Страна эта называлась также Курмачала; ея древняя исторія очень мало извѣстна. Мнѣ удалось достать въ Алморѣ два списка

камаонскихъ царей: А, съ обозначеніемъ годовъ царствованія, получилъ я отъ упомянутого выше брахмана, другой безъ годовъ, В, но съ нѣкоторыми варіантами, полученъ тамъ же отъ лица, имя котораго я забылъ. Мнѣ говорили въ Алморѣ, что существуетъ подробная исторія камаонскихъ царей, но за исключеніемъ нѣсколькихъ листовъ я не видалъ таковой.

Имена царей по двумъ спискамъ:

I Династія.

1. Somacandra ¹⁾	(samvat ²⁾ 742;	царствовалъ 22 года).
2. Atmacandra	» 763;	» 7 »
3. Pūṇacandra	» 770;	» 20 »
4. Īndracandra	» 790;	» 12 »
5. Saṃśracandra	» 802;	» 21 »
6. Sudhācandra	» 823;	» 14 »
7. Hamīracandra	» 837;	» 18 »
8. Vipācandra ³⁾	» 855;	» 13 »

Царствованіе 8-го царя по списку А кончилось въ 868 samvat = 811 г. по Р. Х., и затѣмъ началась династія Кхасовъ; но списокъ В приводитъ еще царя Khalācand.

II Династія Кхасовъ.

1. Vijāḍa	(samvat 926 ⁴⁾ ;	царствовалъ 21 годъ).
2. Jijāḍa ⁵⁾	» 874;	» 7 »

¹⁾ В. приводитъ въ началѣ 13 именъ соответствующихъ 34—46 третій династїи. Эти имена попали въ начало по ошибкѣ В. Kṛāmacand.

²⁾ Подъ samvat нужно разумѣть обыкновенно употребительную эру въ Индіи, начинающуюся за 57 лѣтъ до Р. Х.

³⁾ В. Varīcand.

⁴⁾ Очевидно ошибка, ибо начало слѣдующаго царствованія показано 874.

⁵⁾ В. jādacand: въ этомъ списокѣ cand прибавляется ко всемъ кхасскимъ именамъ.

3. Jajada	(samvat 882; царствовалъ 19	» года).
4. Jada ¹⁾	» 901;	» 9 »
5. Kalā ²⁾	» 910;	» 17 »
6. Kalasū ³⁾	» 927;	» 11 »
7. Jāhala ⁴⁾	» 938;	» 20 »
8. Mula ⁵⁾	» 958;	» 8 »
9. Guṇākara ⁶⁾	» 966;	» 19 »
10. Pīdā ⁷⁾	» 985;	» 9 »
11. Nāgū ⁸⁾	» 994;	» 19 »
12. Bhāgū ⁹⁾	» 1013;	» 11 »
13. Jaimpāl ¹⁰⁾	» 1024;	» 16 »
14. Maumpāl ¹¹⁾	» 1040;	» 12 »

Съ 14-мъ царемъ прекратилась династія Ехасовъ въ samvat 1052 или въ 995 г. по Р. Х. Имена этихъ царей, о которыхъ ничего неизвѣстно, любопытны какъ остатокъ языка ехасовъ.

III Династія Чандровъ ¹²⁾.

1. Indrarājā ¹³⁾	(samvat 1052; царствовалъ 15 года).
2. Viracandra ¹⁴⁾	» 1067; » 13
3. Rūpa	» 1080; » 20
4. Lakshmi	» 1100; » 8

¹⁾ В. нѣтъ.

²⁾ В. kûlakhasand.

³⁾ В. nāgū и bhāgū.

⁴⁾ В. Jāila.

⁵⁾ В. Mula.

⁶⁾ В. Guṇī.

⁷⁾ В. Pīdākara.

⁸⁾ В. Khopāl.

⁹⁾ В. Patel.

¹⁰⁾ В. нѣтъ.

¹¹⁾ В. нѣтъ.

¹²⁾ Слово *Candra* — луна, должно стоять въ концѣ каждаго царскаго имени, но опущено во избѣжаніе повторенія.

¹³⁾ В. нѣтъ.

¹⁴⁾ В. еще: Sitodillā.

5. Dharma ¹⁾	sam vat. 1108; царствовалъ 19 года).
6. Karma	„ 1127; „ 9
7. Kalyāṇa	„ 1136; „ 21
8. Nābhi	„ 1157; „ 7
9. Nara	„ 1164; „ 18
10. Nānakti	„ 1182; „ 10
11. Rāma	„ 1192; „ 21
12. Bhīṣma	„ 1213; „ 7
13. Megha	„ 1220; „ 19
14. Dhyāna	„ 1239; „ 9
15. Panarta (?) ²⁾	„ 1248; „ 14
16. Thor ³⁾	„ 1262; „ 21
17. Vālakalyāṇa ⁴⁾	„ 1283; „ 7
18. Garuḍajñāna	„ 1290; „ 18
19. Udyāna ⁵⁾	„ 1308; „ 10
20. Atmacandra ⁶⁾	„ 1318; „ 17
21. Striloki (?) ⁷⁾	„ 1335; „ 15
22. Damaru ⁸⁾	„ 1350; „ 13
23. Dharma ⁹⁾	„ 1363; „ 17
24. Abhaya ¹⁰⁾	„ 1380; „ 11
25. Hari	„ 1391; „ 19
26. Vikrama	„ 1410; „ 9
27. Bhārati	„ 1419; „ 19
28. Ratana	„ 1438; „ 19
29. Kīrti	„ 1447 ¹¹⁾ ; „ 18

¹⁾ B. Carmacandra.

²⁾ B. Parvatacandra.

³⁾ B. нѣтъ.

⁴⁾ B. Kalyāṇacandra.

⁵⁾ B. Ughānacandra.

⁶⁾ B. нѣтъ.

⁷⁾ B. Girmalacandra.

⁸⁾ B. Umacandra.

⁹⁾ B. Carmacandra.

¹⁰⁾ B. Agadacandra.

¹¹⁾ Здѣсь ошибка: или въ годъ восшествія на престолъ или въ годахъ предыдущаго царствованія.

30. Pratāpa	(samvat 1465; царствовалъ 10 года).	
31. Tārā	» 1475;	» 17
32. Māṇaka ¹⁾	» 1492;	» 11
33. Kalikalyāṇa	» 1503;	» 18
34. Phuni ²⁾	» 1521;	» 5
35. Bhīṣma ³⁾	» 1526;	» 28
35-й царь не имѣлъ потомства.		
36. Kalyāṇacandra	» 1552;	» 25
37. Rudra	» 1577;	» 30
38. Lakshmi	» 1607;	» 60
39. Dilipa	» 1667;	» 6
40. Vijaya	» 1673;	» 5
40-й царь не имѣлъ потомства.		
41. Çivamala	» 1678;	» 9
41-й царь не имѣлъ потомства.		
42. Vājabahādurcandra ⁴⁾	» 1687;	» 48
43. Udyota	» 1735;	» 22
44. Jnāta	» 1757;	» 8
45. Jagat	» 1765;	» 12
46. Devicandra	» 1777;	» 6
47. Ajitacandra	» 1783;	» 2
48. Kalyāṇa	» 1785;	» 19
49. Dīpa	» 1804;	» 27
50. Mohana	» 1831;	» 5
51. Pradyumna	» 1836;	» 8
52. Mohanacandra ⁵⁾	» 1844;	» 2
53. Lālasimha-Mahindra sâh	» 1846;	» 2

При 53-мъ царѣ Камадеви овладѣли Горкинцы; ихъ господство продолжалось по списку А. 25 лѣтъ, съ 1846 до 1872 (т. е. до 1815 г. нашей эры).

¹⁾ В. Māṇikacandra.

²⁾ В. нѣтъ здѣсь, но выше въ I-й Династiи Phani.

³⁾ В. нѣтъ: но стоитъ Ajitacandra и далѣе пропускъ до 48.

⁴⁾ Въ А. на поляхъ приводятся еще цари Nilasimh, Pahār simh, Harisimh.

⁵⁾ В. 52 и 53 нѣтъ.

Последній представитель Камаонскихъ царей Вхѣиъ синхъ живѣ до сихъ поръ и имѣетъ дѣтей.

Трайль, бывшій въ Камаонѣ коммиссіонеромъ вскорѣ послѣ занятія страны британцами, сообщаетъ въ своемъ прекрасномъ описаніи Камаона очень мало о прошлой исторіи провинціи, извѣстія же Беттена (см. его статью въ J. of the As. Soc. vol. XIII, part. II, стр. 887) во многомъ расходятся съ данными сейчасъ приведенныхъ списковъ или *varṣavāṇ*. Начало династіи Чандровъ онъ относитъ къ 1178 г. по Р. Х. (т. е. самватъ 1235, сака 1100). По нашему списку, какъ Сомачандра, такъ и первый изъ царей III династіи воцарился гораздо ранѣе. Беттенъ называетъ Сомачандру: а Chundra Bunssee Rajroot и говоритъ, что онъ пришелъ изъ деревни Joossee, находящейся въ провинціи Аллахабадъ, и основалъ Чампаватъ или Къли Камаонъ. Объ этомъ не говоритъ Вансавалъ, но въ одномъ, доставшемся мнѣ въ Алморѣ, отрывкѣ камаонской исторіи есть извѣстіе, что въ древности въ Камаонѣ не было царей и были въ употребленіи кожаные деньги. Собрались именитые люди страны и пошли въ равнины искать царя; привели они Сомъ-Чанду изъ деревни Жхуса и сдѣлали его царемъ; онъ поселился въ Къли Камаонѣ и управлялъ страной чрезъ четырехъ министровъ, жившихъ въ четырехъ деревняхъ тамъ же. Древнѣйшая или Катюрская (Katurā) династія владѣла страной между рр. Бхатратхъ и Гандаки и по сказанію того же отрывка, когда она прекратилась, жинидары очень усилились; по спискамъ же царей, въ слѣдъ за паденіемъ древней династіи, наступилъ періодъ владычества кхаскихъ царей; весьма вѣроятно, что Камаонъ въ это время не признавалъ одного царя; многочисленные жинидары, живя въ своихъ родовыхъ крѣпостцахъ (котахъ), были независимы и постоянно вели междуусобицы войны съ сосѣдями. По Беттену въ самватъ 1620 (= 1563 по Р. Х.), Кальяначандъ перенесъ столицу изъ Чампавати въ Алмору. Царствованіе этого царя въ списокѣ показано гораздо раньше (см. 36-е пня); но такъ какъ сынъ его Рудрачандъ былъ современникомъ Акбара (1556 — 1605), то въ данномъ случаѣ ошибка вѣроятно на сторонѣ списка, хотя она и не можетъ быть значительна.

Нѣкоторые переселившіеся сюда, при старыхъ царяхъ, изъ

равнинъ брахманическія семьи имѣютъ нѣчто похожее на семейныя хроникки; записи эти не богаты фактами, но тѣмъ не менѣе, за неимѣніемъ лучшихъ источниковъ, могутъ послужить какъ матеріалъ хотя бы и для не полного возстановленія древней исторіи страны; въ этихъ документахъ упоминается всего болѣе объ отношеніи членовъ семьи къ царямъ, о томъ, какія они занимали должности при царяхъ и какими землями, деревнями владѣли. Царь былъ неограниченный владѣтель всей земли и, какъ такому, ему принадлежала произвольно опредѣляемая часть всякаго дохода. Но можно думать, что до занятія страны англичанами послѣ Непальской войны (1815) въ Камаонѣ власть царя сильно ограничивалась аристократіею: брахманами переселенцами и мѣстными землевладѣльцами; должности часто по наслѣдству переходили отъ отца къ сыну, и въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній занимались членами одной той же семьи; царскіе совѣтники: диваны, визиря, фуждары, тождары были полновластными распорядителями въ областяхъ, подлежащихъ ихъ завѣдыванію. Страна была подѣлена на нѣсколько областей, и каждая область содержала часть войскъ; военачальникъ былъ въ тоже время администраторъ: нѣкоторыя области должны были содержать царскій дворъ, но доходы съ этихъ областей не доставались вполнѣ царю: часть ихъ шла на покрытіе издержекъ младшихъ членовъ царскаго семейства, другая отчуждалась на жалованье и подарки гражданскимъ и придворнымъ чинамъ, брахманамъ, въ пользу храмовъ. Жалованіе придворнымъ чинамъ выплачивалось такъ-же землею, отдаваемою въ потомственное пользованіе. Если царь былъ достаточно силенъ, онъ могъ отобрать назадъ такимъ образомъ отчужденную землю, или же прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ налогамъ для покрытія своихъ издержекъ. Непредвидѣнныя издержки царя могли доходить до очень значительной цифры: о царѣ Девпчандрѣ (46 имя въ спискѣ) рассказываетъ мѣстная исторія, что онъ устроилъ «золотые вѣсы» (*suvarṇako tulā*), т. е. на одну чашечку посаженъ былъ взрослый человѣкъ, а на другую насыпано было равное по вѣсу количество золота. И все это золото было роздано брахманамъ. Въ дни празднествъ подданные приносили подарки царю; онъ ихъ принималъ и въ случаѣ нужды или чрезвычайныхъ рас-

ходо въ, напр. при свадьбѣ сына, дочери или какого либо родственника объявлялъ новый налогъ; право дѣлать все это признавалось за каждымъ царемъ, но пользовались имъ только цари, сильные помощью мѣстной аристократіи. Судъ и расправу творили военачальники, и лишь въ важныхъ случаяхъ тяжущимся предоставлялось обращаться къ царю; дѣло переносилось на рассмотрениеъ царя въ его качари. Здѣсь царь въ присутствіи совѣтниковъ разбиралъ и клалъ устное рѣшеніе; всякое дѣло велось устно: допрашивались стороны, свидѣтели; въ сомнительныхъ случаяхъ отбиралась присяга: на голову свидѣтеля или тяжущагося клалась Хариванса (Скр. эпическая поэма), и онъ долженъ былъ принести клятву; если же и это не разъясняло дѣла, тогда прибѣгали къ «божьему суду». Споры о границахъ въ землевладѣніяхъ, о наслѣдствѣ, о долгѣ всего чаще приводили къ послѣднему или же къ Панчаяту, «суду пяти». Осужденная сторона обыкновенно платила пѣню царю, и разиѣры пѣни опредѣлялись совершенно произвольно: бралось столько, сколько виновный могъ дать, и весна часто въ конецъ разоряла его. Въ Камаонѣ до сихъ поръ удержался старый обычай рѣшать нѣкоторые споры, напр. по наслѣдству, жребіемъ: имена тяжущихся пишутся на клочкахъ бумаги, свертываются въ трубочку и кладутся предъ идоломъ; Пужари, т. е. священнодѣйствующій, выбираетъ одинъ изъ сверточковъ и тотъ, чье имя попало ему подъ руку, считается правымъ въ своихъ притязаніяхъ. Уголовныя преступленія разбирались самымъ царемъ и виновность часто доказывалась «божьимъ судомъ»; пѣня было самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ, но за нѣкоторые преступленія полагалась смертная казнь: вѣшали или отрубали голову. Таковыми преступленіями считались: убіеніе коровы и всякое нарушеніе кастовыхъ учреждений; доставалось, конечно, низшимъ кастамъ: Дума вѣшали за то, что онъ покурилъ изъ хукки брахмана, или напилъ изъ чашки послѣдняго. За воровство отрубали руки, отрѣзали носы; послѣднее наказаніе полагалось также женщинамъ за прелюбодѣяніе; прелюбодѣя же оскорбленный мужъ имѣлъ право убить; впрочемъ, эта строгость кары распространялась только на преступниковъ высшихъ кастъ; оскорбленнымъ мужьямъ низшихъ кастъ позволялось самымъ расправ-

латься съ виновнымъ, и обыкновенно они бывали болѣе снисходительны: мужъ невѣрной жены, поймавъ ее на мѣстѣ преступленія, начиналъ праздновать ея вторую свадьбу, т. е. искалѣчивъ своего соперника и жену, раздѣвалъ до-нога того и другаго, вымазывалъ ихъ лица сажею и въ такомъ видѣ водилъ ихъ по базару. Говорятъ, въ глуши, т. е. въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни одного англичанина, такая расправа случается и въ настоящее время.

Свѣдѣнія о порядкахъ, бывшихъ при царяхъ, можно добыть только изъ устныхъ разсказовъ и изъ тѣхъ немногихъ источниковъ (вансавалъ, записи брахмановъ о своихъ семьяхъ), которые были названы выше. Память о старинѣ, даже сравнительно очень не древней, начинаетъ исчезать въ народѣ, ибо новые порядки, заводимые англичанами, проводятся въ жизнь неуклонно и неустанно.

III.

Д у м ы.

Думъ (dûm) обыкновенно въ санскритскихъ памятникахъ и въ англійскихъ книгахъ пишется dôm; но въ Камаонѣ мнѣ не случилось слышать такого произношенія у туземцевъ и тамъ не видалъ я ни одного написанія этого имени, какъ: dûm или съ бротою гласною (и).

Камаонскій Думъ, пѣвецъ и хранитель старыхъ преданій, въ Камаонѣ, какъ и всюду въ Индіи, туземцами считается самымъ низшимъ и презрѣннымъ членомъ общества; ремесленники индусы не работаютъ съ ними вмѣстѣ. Думы не смѣютъ пить воды изъ того источника, откуда пьютъ другія касты. Но у тѣхъ же Думовъ есть преданія, что когда-то, въ глубокой древности, ихъ племя владѣло обширнымъ царствомъ въ южныхъ гималайскихъ странахъ и ихъ цари выпускали свои кожаные деньги. При Камаонскихъ царяхъ положеніе Думовъ было еще хуже, нежели теперь: они были рабами, имъ запрещены были свадебныя процессіи и они не смѣли воздвигать алтарей и часовенъ своимъ собственнымъ бо-

гамъ. Думы, говорящіе въ настоящее время на хинди, вѣроятно остатки иной, не индуской расы. Съ виду они отличаются отъ индѣйцевъ: малорослы, черны и съ курчавыми волосами; большинство ихъ дѣйствительно очень грязно, но между ними встрѣчаются довольно привлекательныя лица съ правильными чертами. Отличаясь наружно отъ индусовъ, Думы имѣютъ и своихъ особыхъ боговъ, хотя и молятся также индусскимъ богамъ; собственныхъ боговъ у нихъ не мало, и чтутъ они ихъ въ видѣ камней, которыми приносятъ въ жертву куръ и козъ. Свадьбы свои они празднуютъ при участіи своихъ старшинъ и родственниковъ и не призывая брахмановъ. Мертвыхъ сжигаютъ. Думы всеядны, они ѣдятъ даже падалъ и пьютъ охотно водку изъ рису или ячменя. Въ Гималаяхъ Думы—бродячіе музыканты и пѣвцы; но о нихъ же Камаонцы говорятъ: «въ пѣснѣ хрипаго Дума нѣтъ пѣнья»; они работаютъ также въ поляхъ; въ равнинахъ у нихъ очень разнородныя занятія: они производятъ камышевыя стулья, вѣера изъ пальмовыхъ листьевъ; въ Бенересѣ при обрядѣ сжиганія мертвеца Думъ непременно долженъ участвовать.

О Думахъ см. также Sherring l. c. стр. 400, Elliot, Memoirs vol. 1. 302, Watson, The people of India vol. IV, Journal of As. Soc. of Bengal vol. XVII, стр. 603.

Въ заключеніе помѣщаю рассказъ Дума о своемъ дѣдѣ, отцѣ и дядѣ:

Въ округѣ Спрѣ, въ деревнѣ Спролі родился барабанщикъ Удія и близъ онъ барабанъ въ храмѣ бога Ветѣла.

Девять разъ рожала его жена, но ни одно дитя не осталось въ живыхъ.

Родила она въ десятый разъ, и на двадцать второмъ дню ребенокъ померъ. Сказала жена мужу: Не живутъ дѣти у того, кто чтитъ бога Ветѣла. Этого ребенка, что умеръ теперь, поставлю въ храмъ бога Ветѣла.

Взяла она подъмышку мертвого ребенка и пошла. Какъ стала она подходить къ храму, въ четырехъ-пяти шагахъ оттуда слышала голосъ, выходящій изъ храма: Читра! Меня ты хочешь осквернить! Не носи ко мнѣ мертвого ребенка! Дамъ тебѣ двухъ близнецовъ; ступай ты по дорогѣ въ деревню Суранъ, и

на той дорогѣ, за мѣсто храмомъ, когда справа и слѣва вырастеть по дереву devadāru, тогда родятся и твои два близнеца. Ты сперва покропи молокомъ тѣ два дерева и затѣмъ корми своихъ близнецовъ. И заплачутъ тогда твои близнецы!

На десятый мѣсяцъ родила Читра двухъ близнецовъ. Оставила ребятъ дома, а сама побѣжала къ тѣмъ деревьямъ. По дорогѣ говоритъ ей богъ Ветала: Слушай, Читра, покропи своимъ молокомъ сначала правое дерево и будетъ оно твоимъ старшимъ сыномъ, затѣмъ покропи лѣвое дерево, и будетъ оно твоимъ младшимъ сыномъ.

Читра такъ и сдѣлала: покропила своимъ молокомъ дерева и пришла домой. Правую грудь дала старшему сыну, лѣвую младшему.

Сталъ барабанщикъ Удія думать: Вотъ моя забота, какъ кормить жену и сыновей?

И вотъ ночью видитъ онъ сонъ, и говоритъ ему богъ Ветала: (былъ въ то время тамъ, т. е. въ Канаонѣ, Горкинскій царь).

— Встань утромъ и иди къ рѣкѣ, въ рѣкѣ найдешь вещьцу!

Всталъ на утро Удія, подумалъ о снѣ и пошелъ къ рѣкѣ. Пришелъ Горкпинецъ въ тотъ день, къ рѣкѣ купаться. Снялъ съ руки золотой перстень, цѣною въ шестьдесятъ рупи, и уронилъ его въ рѣку. Вымалъ руки и лицо и ушелъ, забывъ о перстнѣ.

Нырнулъ Удія въ рѣку, вытащилъ перстень и ушелъ. И была тому перстню цѣна шестьдесятъ рупи.

Продалъ онъ тотъ перстень тождару Кхалѣ и взялъ деньги. Кормилъ онъ на эти деньги жену и дѣтей шесть мѣсяцевъ, а можетъ быть и цѣлый годъ.

Померли родители; старшаго сына звали Мечувѣ, а младшаго Лато. Кормилъ ихъ госанинъ, (т. е. факиръ, сивантскій монахъ), что былъ деревнѣ.

Тотъ человѣкъ, кому ихъ отецъ продалъ перстень, выдалъ полъ-цѣны, а полъ-цѣны не отдавалъ. И былъ ему ночью сонъ: Корми этихъ дѣтей! Не то пошлю тебѣ скорбы!

Отъ страха сталъ онъ ихъ кормить. Приставилъ кормилицъ молокомъ ихъ кормить. Кормилъ ихъ цѣлыхъ двѣнадцать или четырнадцать лѣтъ.

И умеръ этотъ тождаръ изъ роду Кхила.

Стали мальчики просить милостыню у каждого дома, у каждой двери. Такъ прошло шесть мѣсяцевъ.

Былъ въ той деревнѣ слѣпой мельникъ. Стали мальчики ходить на мельницу, крали и уносили муку. Слепой бѣднякъ ничего не видалъ.

Узнали поселяне, что мальчики муку крали съ мельницы, и прогнали ихъ изъ деревни.

Пошли они въ чужую страну. Шли, шли и пришли въ страну *Бхотія*. Были они въ барабаны и такимъ способомъ пропитывались. Наступилъ имъ двадцатый или двадцать пятый годъ. Пришли они въ страну *Жхупулъвесаръ*, оттуда пошли дальше. И видѣли одну страну такую: тамошніе люди были съ длинными ушами; одно ухо было вмѣсто одѣяло—покрываться, другое вмѣсто постлики, на чемъ спать. Оттуда пошли дальше и увидали другую страну: тамошнія женщины были съ длинными грудями; на спинѣ носятъ ребятъ, и забрасываютъ грудь къ ребятамъ, на спину.

Потомъ увидали они третью страну: у тамошнихъ жителей руки и ноги человѣческія, а лицо лошадиное. Такую страну видѣли.

Потомъ увидали они четвертую страну: у тамошнихъ жителей лица собачьи, а тѣло человѣчье; и были они людоеды. Какъ пришли туда два брата, подвязали нарукавники, взяли мечи и съ барабанами подъ мышками вошли въ страну.

Жили тамъ людоеды съ собачьими лицами. И былъ у нихъ советъ. Пришли два брата въ то собраніе, забили въ барабаны и поклонились. Увидали людоеды ихъ, обрадовались и думаютъ:

— Славные люди на ѣду нашлись! Восемь, десять дней станемъ ихъ откармливать, потомъ убьемъ!

Словами людоеды ничего не говорили, а только знаками показываютъ: Сюда львы, тигры приходятъ, васъ поѣдятъ. Дадимъ вамъ хорошее мѣсто!

Привели двухъ братьевъ въ пустой домъ, поселили въ хлѣвъ. Заложили двери камнями, а внутри привязали собакъ. И говорятъ людоеды: «Сюда вамъ ѣду принесемъ. Вы сидите смирно!» Сказавъ это, ушли домой. Изъ дому принесли двухъ братьевъ пищу и подали ее съ верху. И опять заложили отверстіе камнями. Черезъ

каждыя четыре, шесть минутъ приходили смотрѣть на двухъ братьевъ.

Вотъ подѣлили два брата пищу на двѣ части и стали дѣлить на двѣ части овощи. Увидали они тамъ дѣтскіе кости и волосы. Какъ увидали, такъ и испугались, говорятъ между собою: Здѣшній народъ людоеды; какъ намъ ѣсть эту ѣду? Не станемъ ѣсть! Въ этой ѣдѣ человѣческое мясо! Насъ они теперь поѣдятъ! — Тогда два брата смѣшали въ одно всю ѣду, подмѣшали яду и отдали собакамъ. Собаки околѣли. Двери были заперты; взяли два брата камень и бросили въ запертыя двери. Вышли изъ хлѣва и пошли по дорогѣ. Вотъ прошли они пятьдесятъ, шестьдесятъ шаговъ, а людоеды пришли въ хлѣвъ посмотрѣть и не увидали двухъ братьевъ. Вернулись они къ себѣ и говорятъ своему старшинѣ: Пошли за ними въ слѣдъ четырехъ человекъ! Побѣжали четыре человека въ слѣдъ за двумя братьями; тѣ прошли восемьдесятъ или девяносто шаговъ и стали говорить между собою: Коль людоеды пойдутъ за нами, то съѣдятъ насъ, не оставятъ въ живыхъ! И согласились тутъ два брата: съ обѣихъ сторонъ дороги было по обрыву, одинъ братъ спустился въ одинъ обрывъ, другой въ другой. И былъ у нихъ мѣдный барабанъ, колоколъ и бубенчики, и покатилося все это впередъ.

Людоеды стали говорить, между собою: Эти люди гдѣ нибудь близко. Барабанный звукъ слышенъ! Спѣшите! И побѣжали они. Бѣгутъ туда, откуда звукъ несется. Спрятались два брата въ проходъ. Какъ подошелъ одинъ людоедъ, старшій братъ убилъ его, подошелъ второй людоедъ, младшій братъ убилъ его; подошелъ третій людоедъ, старшій братъ убилъ его; подошелъ четвертый людоедъ, младшій братъ убилъ его.

Посмотрѣли два брата назадъ, не идетъ ли кто изъ людоедовъ, и никого не увидѣли. Пошли они впередъ. Настало утро и увидѣли они впереди такое: пришли они къ мѣсту, гдѣ совершалась рѣя. Пошли они туда и говорятъ между собою: «Хорошо, если бы дали намъ поѣсть! Не то ограбимъ ихъ!»

Стали они просить; не даютъ. Пришелъ народъ ихъ бить. Обнажили два брата мечи и бросились два брата голыша въ народъ. Какъ увидалъ это народъ, такъ и разбѣжался.

Подняли и унесли два брата gāga (глиняный сосудъ), которому народъ свершалъ rājā. Взяли да и бросили этотъ сосудъ, и поѣли сами рича (смѣсь изъ муки и краснаго сахару) и касангī (смѣсь зеренъ съ мукою). Скатился съ горы сосудъ и не разбился. Такъ могущъ былъ деватā (божество).

Пошли они впередъ по дорогѣ; шли, шли два брата. Насталъ вечеръ. Услыхали они на берегу рѣки звуки барабановъ и мѣдныхъ чашъ, и говорятъ между собою: Пойдемъ въ толпу! Пришли туда, а тамъ великое увеселеніе. Схватили ихъ пять чело-вѣкъ (бхутовъ), но съѣсть не могли. Ихъ Пūra (старшина бху-товъ) не далъ имъ ѣсть.

Пошли домой и отдали бхутамъ и барабанъ, и мѣдныя чаши. А бхуты говорятъ:

— Саукундī (?) и шукундī (?) кричатъ:

— Встань, о гость, мы идемъ домой!

И прыгнули въ рѣку. Пūra же спдѣлъ на берегу. Пришли другіе бхуты, посыпали на него золы и онъ сталъ невидимъ.

Придя домой, два брата женились. Взяли въ домъ плясунью изъ касты барабанщиковъ (hukṣāṇī¹⁾).

Черезъ нѣкоторое время родился у нихъ сынъ, дали ему имя Жьуніа²⁾.

Былъ этотъ сынъ бѣденъ какъ факиръ. Три года судился съ женою, но жена не давалась ему въ руки. Рѣшилъ наконецъ судъ: отдать мнѣ жену.

Отецъ, какъ жена была у него въ рукахъ, отобралъ всѣ ея украшенія, да и говоритъ мнѣ: Ступай, жалуйся въ качари!

Теперь жена у меня въ домѣ, а нарядовъ нѣтъ! Не знаю, что будетъ?!

¹⁾ Женск. родъ отъ Hukṣiya; ḍ произносится какъ l. Watson l. c. говоритъ о Думахъ: Low as they are in social caste, yet the Halal-khars and other tribes are yet lower. Авторъ разумѣетъ названную выше касту ibd. Domes will not eat food prepared by them, nor take water from them.

²⁾ Большинство именъ Думовъ кончаются или на uḍ или на cā; напр. Thorṣṣṣṣ, Gujṣṣṣ, Paṣṣṣ, Lachṣṣ, или Rupṣṣ, Gaṣṣṣ, Pa-ṣṣṣ и т. д.

ПРИМѢЧАНІЯ *).

¹⁾ Стр. 18 (сказка 7). Въ Индіи браки заключаются между малолѣтними, а потому мужъ и жена весьма часто, до наступленія совершеннолѣтія, живутъ разнo, каждый въ своемъ домѣ.

²⁾ Стр. 21. Булп, значить носильщикъ, рабочій. Слово происходитъ отъ торкскаго кулъ,—рабъ. См. Elliot, I. с. I, стр. 155.

³⁾ Стр. 38, прим. 3. Pāgaṇa есть заключеніе поста, вкушеніе пищи и дѣланіе приношеній брāхманамъ. Объ этомъ обрядѣ см. Nirṇayasindhu, 2 pariccheda (стр. 89), а также Vyavasthakaalpadruma (стр. 56).

⁴⁾ Стр. 49. Изъ рудракша дѣлаются не только четки, но и серьги (см. Wilson's Works vol. I, стр. 236). То и другое носятъ различными индійскими факирами, святыми подвижниками.

⁵⁾ Стр. 55, прим. 1. Rāceli во время богослуженія поетъ гимны и пляшетъ въ храмѣ.

⁶⁾ Стр. 60. Pātārъ тоже что ранди. См. стр. 10, прим. 1, стр. 27, прим. 1.

⁷⁾ Стр. 77. Объ ācāl срав. Colebrooke, Essays on the Religion and Philosophy of the Hindu стр. 133, Haas Die Heirathsgebräuche въ Indische Studien V, 311. При свадьбѣ въ Камаонѣ свершается нѣсколько обрядовъ, не упомянутыхъ ни Колебрукомъ, ни Хаазомъ, сл. напр. обрядъ pheṛi (на стр. 191), съ описаніемъ того же обряда у Хааза I. с. стр. 316, или обрядъ четвертаго дня (на стр. 206) съ saturdaykarmān I. с. 330. Въесто шутника въ

*) Сюда вошли примѣчанія, дополнительные къ подстрочнымъ.

ислѣдованіи Хааза, по древнѣйшимъ источникамъ, упоминается о шуткахъ юныхъ дѣвъ (I. с. стр. 301). При свадьбахъ разгаръ веселья бываетъ на четвертый день: тогда не только шутникъ, но всякій гость старается потѣшиться на счетъ жениха. Возьмутъ напр. пару башмаковъ, поставятъ въ уголъ, прикроютъ ихъ, точно какъ идоловъ, и скажутъ жениху: Ступай, почти боговъ! Какъ станетъ онъ молится, всѣ разсмѣются.

⁸⁾ Стр. 92. Писачъ (Piçac) есть названіе демона, тоже что Бхута. О Писачѣ рассказываютъ, что они пребываютъ тамъ, гдѣ сжигаются мертвыя тѣла или тамъ, гдѣ ихъ хоронятъ.

⁹⁾ Стр. 98. Ракшасі, форма женскаго рода отъ Ракшасъ, демонъ.

¹⁰⁾ Стр. 107. Спгачи еще называются: раіка, rahlavān. Последнее слово, хотя и зашло въ народную рѣчь изъ книжной, но общеупотребительно. О раіка срав. Bate, в. v.

¹¹⁾ Стр. 114 и 116. Можетъ быть въ этой легендѣ мы имѣемъ неясное полупсторическое воспоминаніе о нападеніи полчищъ Тимура на Камаонъ. См. Traill въ As. Res. vol. XVII, стр. 19. Но очевидно, что рассказчикъ смѣшалъ два неодновременныхъ событія и заставилъ монголовъ и патановъ дѣйствовать вмѣстѣ въ Камаонѣ, и претерпѣть пораженіе отъ горцевъ. По списку царей Ратанасанда считается 28-мъ въ III-й династіи. Онъ царствовалъ отъ 1381 по Р. X. до 1400. Около этого времени Тимуръ напалъ на Индію: въ декабрѣ 1398 года онъ взялъ Делги.

¹²⁾ Стр. 116. Объ очистительныхъ омовеніяхъ послѣ родовъ, см. Nirnayasinidhu 4 pariccheda (стр. 336). Здѣсь же излагаются тѣ случаи, когда грѣшно прикасаться къ женщинѣ (что разумѣется на стр. 125) роженницѣ. Срв. также Vyavasthakalpadruma, въ главѣ aṣaṣavyavastha.

¹³⁾ Стр. 123. Морчхана: объ этомъ терминѣ см. Hindu Music from various authors compiled by Sourindro Mohun Togore Part I (For Private Circulation only) Calcutta 1875. стр. III. A term expressive of the full extent of the Hindoo scale of music, and as this extends to three octaves, there are consequently twenty one *Moorchunas* having distinct names... every individual sound through the whole range of three octaves has a distinct name when it is considered as moorchbuna,

by which way of naming them the octave of any particular sound has a distinct appellative. Выписка эта сдѣлана изъ книги извѣстнаго въ Индіи любителя и знатока туземной древней и новой музыки. Кромѣ сейчасъ названной книги Рамъ Суриндра Маханъ Тагоръ издалъ еще нѣсколько сочиненій: *Aekatana or the Indian Concert, Hindu Music* (Calcutta 1874); на бенгальскомъ языкѣ: 1) *Mridunga munjoree, A treatise on Mridunga*. Calcutta 1873. 2) *Chayaraḡa*. 3) *A treatise on Citara*. 4) *A treatise on Harmonium* и мн др.; онъ же напечаталъ извѣстную санскритскую поэму Гитаговинду съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ. Но его славу составляетъ главнымъ образомъ учрежденіе консерваторіи въ Калькуттѣ, гдѣ подъ руководствомъ искусныхъ профессоровъ изучается вокальная и инструментальная индійская музыка, древняя и новая. Учрежденіе это одно изъ любопытнѣйшихъ явленій новой Индіи; въ самомъ фактѣ его существованія нельзя не признать, что въ Индіи уже начинается проявляться благородное сознаніе своего собственнаго народнаго достоинства; истинно образованные индусы начинаютъ видѣть, что у нихъ есть много нетронутаго богатства. Англичанамъ въ Калькуттѣ эта консерваторія мало извѣстна; она просуществовала нѣсколько лѣтъ незамѣченная англійскими меломанами и только въ 1875 году вице-король посѣтилъ ее. А между тѣмъ консерваторія эта можетъ интересоваться даже не записнаго музыканта она любопытна для каждаго, кто живетъ въ странѣ, кому не чужды интересы управляемаго народа и кто не лишенъ всякаго эстетическаго чутія. Хорошее исполненіе индійской музыки можетъ поразить своею мелодичностью даже такого англичанина, который въ неанглійскомъ ничего хорошаго не умѣетъ подглядѣть, и не нужно быть музыкантомъ, чтобы заслушаться Гитаговинды. Упоминаю именно объ этой пѣсни пѣсней, потому что меня, не музыканта, всего болѣе поразило ея выполненіе; но я увѣренъ, что человѣкъ съ музыкальнымъ образованіемъ нашелъ бы много перловъ и въ томъ, о чемъ я и пересказать не умѣю. Къ сожалѣнію я былъ всего разъ въ консерваторіи и, какъ археологъ, дольше всего слушалъ пѣніе Ведъ и Гитаговинды.

¹¹⁾ Стр. 131 и 191. Лагна: моментъ, благопріятный для на-

чтія какого нибудь дѣла, опредѣляется астрологами. См. Jyotish-sāga, стр. 107.

¹⁵⁾ Стр. 133. Викрамачандра 26-й царь въ III-й династіи (1353—1362). Batten l. c. стр. 891 сообщаетъ, что представители Катъюрской династіи существовали еще при династіи Чандровъ. Можетъ быть въ этой легендѣ мы имѣемъ воспоминаніе о соперничествѣ двухъ династій.

¹⁶⁾ Тамъ же. Нāли = 2 шерамъ (см. стр. 135 и Elliot's Memoirs II, 38) или же 16 нāли = 1 Pīḍa. О шеръ см. прим. на стр. 96. Одинъ манъ = 40 шерамъ (Prinsep's Essays II, стр. 96) или = 100 lbs. Шеръ = lbs. 2 oz. 6 (ibid. 97). Срв. также прим. 1, на стр. 206 и A. Cunningham's Archeological Survey of India, vol. III, стр. IX.

¹⁷⁾ Стр. 141. Бхātъ, пѣвецъ. Профессія эта очень древняя въ Индіи; въ прежнее время пѣвецъ необходимо присутствовалъ при всякомъ торжествѣ. Каста эта имѣетъ нѣсколько подраздѣленій. См. Rev. M. A. Sherring l. c. стр. 271 и Elliot, Memoirs vol. I, 17. Бхātъ, призванный на семейное торжество, воспитываетъ родъ своихъ хозяевъ въ высокопарныхъ, льстивыхъ выраженіяхъ. Бѣда его прогнѣвать; онъ сумѣетъ жестоко отомстить, осмѣетъ обидчика и весь его родъ въ импровизованномъ пѣснопѣніи; не сохранитъ своего творчества въ тайнѣ, а при случаѣ пропоетъ его при большомъ стеченіи народа.

¹⁸⁾ Стр. 143. Кальяначандра 36-й царь въ III-й династіи (1495—1510). Hamilton l. c. стр. 292: This Kalyan married a daughter of the Raja of Duti... and by her obtained Sor, as an addition to his inheritance Fraser, l. c. стр. 539, сообщаетъ о другомъ Кальянчандѣ (48 въ томъ же спискѣ, 1728—1747): three years before his death it was invaded by the Rohillas. Объ этомъ нападеніи на Камаонъ см. также Forster, Voyage du Bengale, tome III, стр. 118. Въ легендѣ, вѣроятно, рѣчь идетъ о первомъ Кальяначандрѣ.

¹⁹⁾ Стр. 146. Дарили коровъ, т. е. брахманамъ дѣлали такыя подарки. Всякое даяніе брахману, по понятіямъ Хиндуса, есть доброе дѣло.

²⁰⁾ Стр. 159. Двадцатокъ: этимъ неудачнымъ выраженіемъ я

хотѣлъ передать особенности счета въ оригиналѣ легенды. Въ Камаонѣ до сихъ поръ говорятъ *raṇsa bisī*, пять (разъ) двадцать т. е. сто, *daṣa bisī*, десять (разъ) двадцать т. е. двѣсти, *bār bisī*, двѣнадцать (разъ) двадцать т. е. двѣсти сорокъ, или *daṣa so*, десять (разъ) сто т. е. тысяча. О *Bisī* въ значеніи мѣры земли см. Elliot, I. c. II, 38.

²¹⁾ Стр. 163. Подъ *шарами* разумѣются *ṛithā*, о чемъ см. стр. 156, прим. 1. На стр. 119 вм. *roṭī* читай *ṛithā*.

²²⁾ Стр. 165. Кожевникъ принадлежитъ къ низшей кастѣ, а потому я перевелъ: сынъ рабыни; Elliot I. c. vol. I, стр. 71, говоритъ: *Chamārs are reputed to be a dark race*.

²³⁾ Стр. 194. Рудрачандра (въ спискѣ стоитъ 37-мъ) построилъ Ажмору и былъ современникомъ Акбара. О немъ см. Batten I. c. стр. 891. Hamilton, (I. c. стр. 293) сообщаетъ, что Акбаръ далъ ему разрѣшеніе бить монету (*granted him permission to coin money in the royal name, and Persian character*). О немъ же говорится: *Rudra finally took Siragar (тоже что Сиракотъ) from his kinsman the Raja of Dutī, for he was one of those great men that do not hesitate about trifles (ibid)*.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

На стр.	строка.
V	8 снизу: Камаонцы
VI	2 сверху: Камаонскихъ
XI	1 „ долина
3	11 снизу: excerpt.
22	2 „ жилище.
29	8 „ жинидаръ.
36	9 „ качари.
37	11 сверху: домамъ
—	9 снизу: Jyotishi
—	8 „ in (2 раза)
39	10 „ изъ рту.
45	18 сверху: сиппал.
49	13 снизу: Шля
54	4 „ (dimini) shed
—	3 „ channel
—	1 „ maunds
57	10 „ mahārāja
64	2 „ made
66	3 сверху: не ѣсть, не пьеть.
69	1 снизу: послѣ «другой» читай: зовется.
70	2 „ названіе... въ которое
77	3 „ echinatus
79	3 „ Индры
82	1 „ точильщиковъ
96	2 „ In Calcutta
101	2 сверху: царевичъ
112	4 „ Жаїража, Майража.
114	6 „ сахаръ
119	8 „ Вайсингін
—	7 „ rīṣhā
123	14 снизу: morchana
—	1 „ morchana
138	11 сверху: двадцать

ла стр.	строка.
139	6 сверху: Чхія
140	7 » Вармадеву
—	9 » Махѣкали
145	10 снизу: Медасауя
—	3 » говорила
—	1 » frumentaceum
147	11 сверху: ѡшь
148	9 снизу: Медасауѡ
158	8 » сосешь
160	12 сверху: Доти
—	7 снизу: Doŋi
163	2 сверху: голову
172	15 » получше
179	15 » Manvaldŋla
189	9, 8, 7, 6, снизу: Манвалы
190	1 сверху: Манвалы
—	2 » Манваловъ
197	2 снизу: frumentaceum.
199	10 » Пуркапантха
200	13 » Махары
206	5 » Orientalia
—	2 » sauthi
207	4 » called
208	14 » нѣтъ ни одной...
210	14 » попалъ
229	2 сверху: Сагабу Тигіару. Наказалъ и т. д.
239	12 снизу: краткою
—	4 сверху: до-нага
240	14 » хриплаго
—	9 снизу: днѣ
245	6 » тюркского